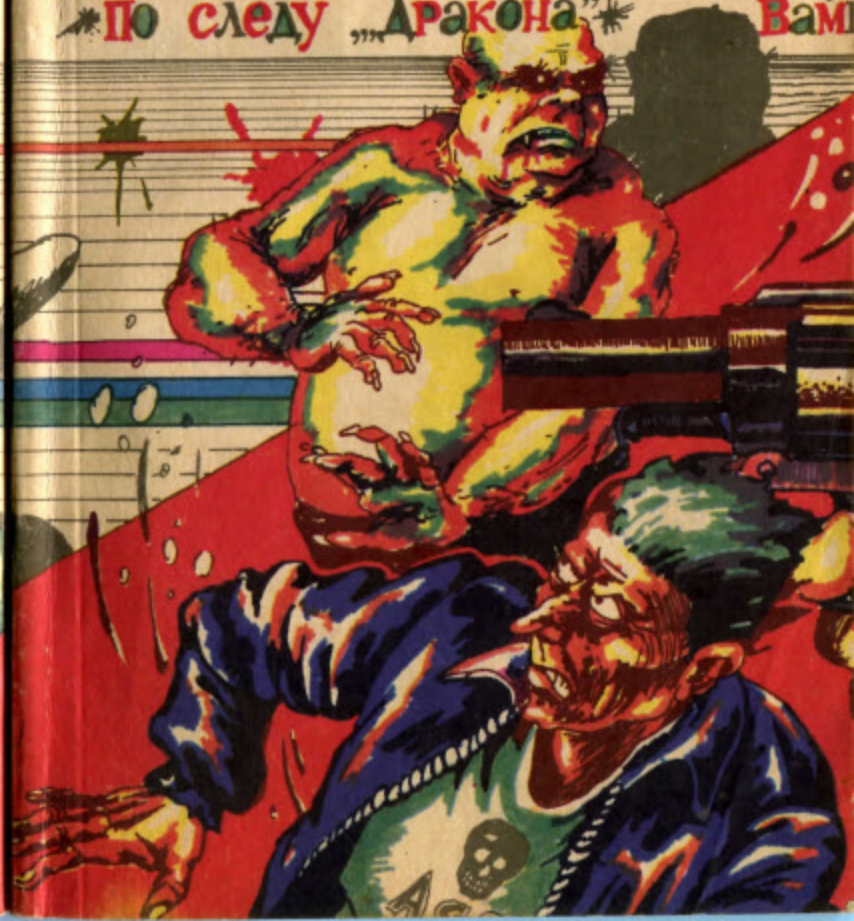

Но страже
ОКТАБРЯ

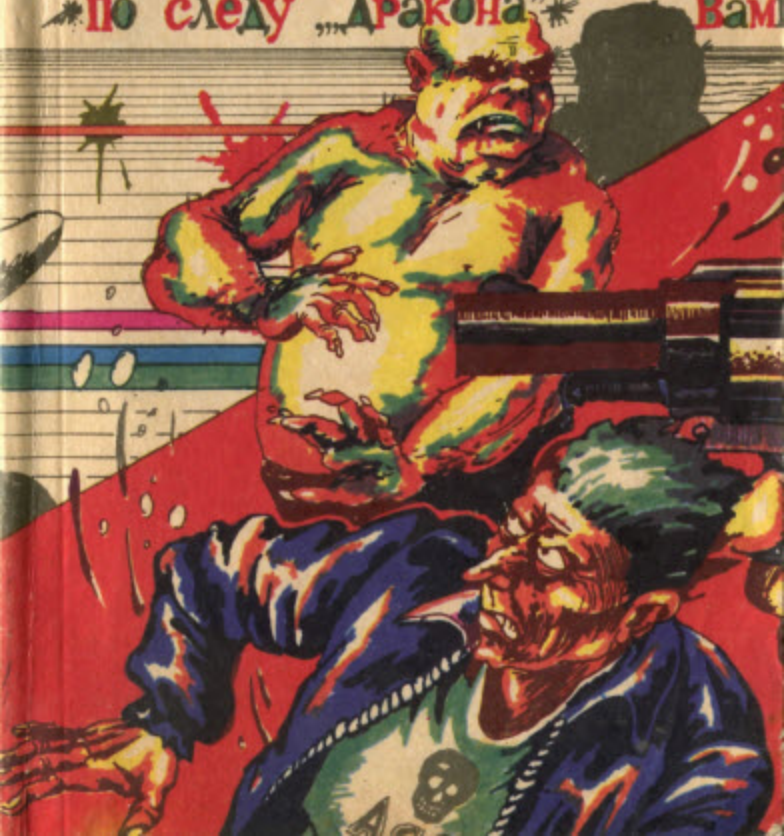

КРЁСТНЫЙ ОТЕЦ ПРИЗРАКИ*
По следу „Дракона” Вам

СЫЩИК

* КРЁСТНЫЙ ОТЕЦ * ПРИЗРАКИ *
* ПО СЛЕДУ "ДРАКОНА" * ВАМ

Литературно - художественный
и публицистический журнал

Минск
МП «Сыщик»

«Сыщик» № 2

СОДЕРЖАНИЕ

3

Николай Чергинец. ПРИЗРАКИ

81

Николай Косенков. ВАМП

119

Владимир Гойтан. ПО СЛЕДУ «ДРАКОНА»

141

Александр Датий. РЫБНОЕ ДЕЛО

203

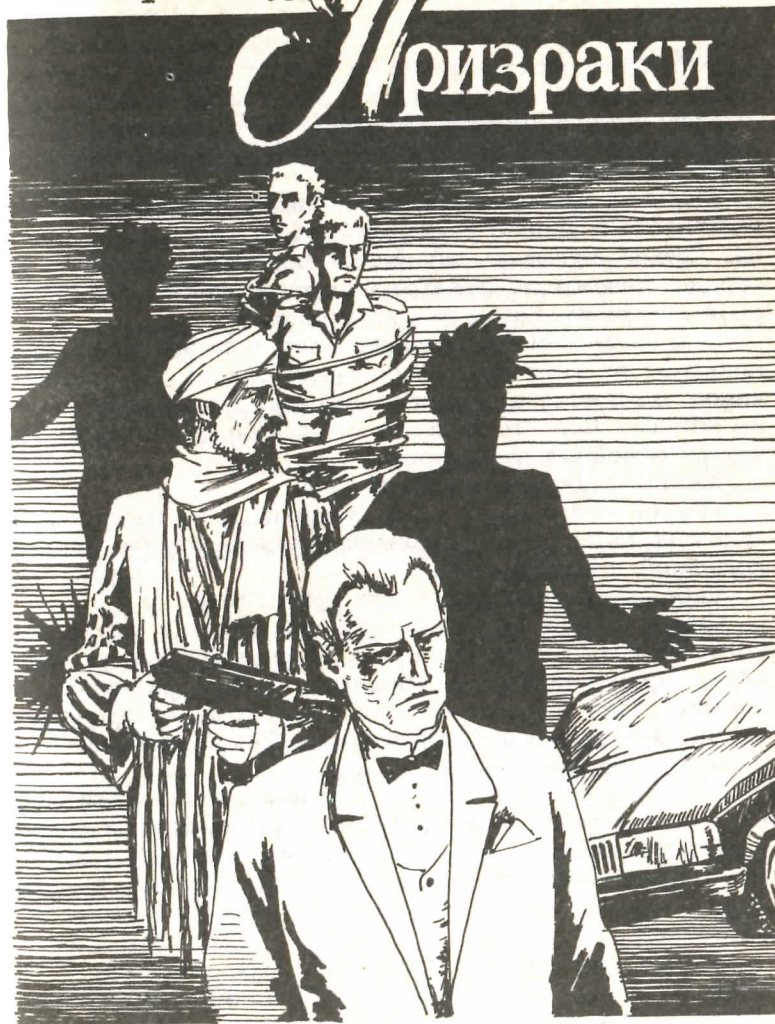
Марио Пьюзо. КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

213

Роман Авраменко. ШТОРМ

Н.Чергинец

Призраки

ГЛАВА I

День был чертовски тяжелым. Дома Эдвард Геллан даже не стал смотреть вечерний выпуск тelenовостей — сразу же завалился спать.

Джанина прикрыла поплотнее дверь, приглушила звук телевизора и удобно устроилась на низком мягком диване. Легкий музыкальный фильм несколько притупил в сердце тревогу за Эдварда, который через несколько дней отправлялся куда-то в командировку.

Они были женаты пятнадцать лет, и за это время она привыкла не докучать расспросами: Эдвард был разведчиком. Дети — и те понимали, что отец живет неведомой им жизнью. Все, что касалось его службы, оставалось за чертой семейных разговоров...

Джанине почудился резкий звук.

«То ли из кухни, то ли из детской...», — насторожилась она, но тут же успокоилась: ведь дети у бабушки с дедушкой, а Эдвард спит.

Через несколько минут звук повторился.

Сунув ноги в домашние тапочки, прошла через небольшой холл в спальню мужа. Дверь была приоткрыта. «Ага, вставал-таки», — убедилась она и заглянула в спальню. При неярком отсвете уличных фонарей увидела, что Эдвард лежит в той же позе. Тихо спросила:

— Эдвард, ты вставал?

Муж не ответил. И тут Джанина ясно услышала, что в кухне течет вода. Нащупала выключатель, и яркий электрический свет осветил довольно широкий с обшитыми темно-бордовой тканью стенами, коридор, кухню. Здесь никого не было, но из крана струйкой лилась вода...

Вскоре большой двухэтажный дом погрузился во тьму. Казалось, что может случиться на тихой, уютной улице на окраине американского города Лэнгли. В этот район даже члены преступных паек боялись появляться. Знали, что здесь живет немало тех парней, которые ра-

ботаю в спецслужбах; и неопытному глазу было видно, что по этим спокойным улицам чаще, чем в центре, проезжают автопатрули, да и сугубо гражданские лица в машинах с частными номерами подозрительно оглядывают прохожих, настороженно следят за проезжающими автомобилями.

Мистер Геллан спал.

Вдруг зажегся ночник на прикроватной тумбочке. Эдвард открыл глаза, долго непонимающе смотрел на высокого, худощавого мужчину, одетого в строгий черный костюм, белую рубашку и темный галстук. Тихо спросил:

— Адамс?!

— Да, это я. Можно присесть?

— Но ведь ты же... — Эдвард боялся продолжить. Прошла ровно неделя, как Адамса похоронили.

— Я умер? Да, ты прав. Даже знаю, в какой церкви меня отпевали.

Эдвард сел на кровати.

— Я ничего не понимаю, — сказал он полным ужаса голосом. — Ты же умер...

— Ну и что? Я пришел тебя проведать и попить воды.

— Сейчас... — поспешно произнес Эдвард и спустил на пол ноги. — Я сейчас принесу воды.

— Не беспокойся, я сам попью. Я же помню, где у вас кухня.

Адамс встал и, ступая негнущимися ногами, медленно направился к двери. Эдвард отчетливо увидел у него на затылке комки земли.

Было слышно, как Адамс протопал по коридору, потом донесся шум воды.

Через минуту Адамс снова вошел в комнату. Он смотрел пустыми глазами прямо перед собой и, казалось, идет слепой человек.

Сел и тихо произнес:

— А ведь ты, Эдвард, жил с моей женой. Я это знал. Как вы ни старались скрыть.

Эдвард беспомощно откинулся на подушки и чуть слышно прохрипел:

— Да, это правда. Но я не хотел... Это случилось совсем неожиданно, я даже не подумал... Она попросила подбросить ее утром к центру... Мы разговорились, решили вместе поужинать.

— Я знаю. Наше судно тонуло, я упал в океан, захлебнулся и начал тонуть. Но Богу было угодно, чтобы я возвратился на этот свет. Прежде чем взять у меня жизнь, он показал мне вас. Вы лежали в моей постели. Я помню твое лицо. Ты был доволен, Эдвард... А я снова ушел.

Эдвард сунул руку под одеяло и сильно ущипнул себя. Нет это не сон.

— Адамс, поверь, все это случайно.

— Случайность только рождение, все остальное — закономерность. Ладно, мне пора. И даже то, что я дважды умирал, — оказывается, тоже закономерность.

— Не уходи! — неожиданно для себя попросил Эдвард. — Поговори еще со мной. Скажи, я сплю?

— Нет, Эдвард, это не сон.

— Тогда как же ты оказался здесь?!

— А кто тебе сказал, что душа умирает?! Я захотел тебя увидеть. Мы же не были с тобой друзьями, не правда ли? Просто знакомыми. Я ухожу. Спи!

Сознание потускнело, и Эдвард, словно выполняя команду Адамса, уснул.

Ровно в семь в спальню вошла Джанина. Она уже успела принять душ и приготовить завтрак.

— Милый, подъем. Тебе сегодня к восьми! — громко произнесла она и, наклонившись к мужу, поцеловала.

Эдвард вздрогнул, открыл глаза.

— Я, что, испугала тебя? — улыбнулась та и нарочито строго сказала:

— А ну, господин майор, потрудитесь встать и получить разговор.

— За что?

— Как за что?! А кто в кухне дважды за ночь не закрывал водопроводный кран? Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, плохо спал, снилась всякая ерунда.

— Наверное, война в Персидском заливе?

Вдруг он сделал то, чего никогда себе не позволял.

— Джанина, мне скоро туда.

— Куда — туда?

— На Ближний Восток.

— Боже, но почему опять ты? Сколько можно бросать именно тебя в самое пекло?! Ты им напомни Афганистан, Ливан, может, они забыли?

— Нет, в нашей фирме ничего не забывают, — улыбнулся Эдвард, — у нас же с тобой и дом за городом появился после этого, да и счет в банке сразу в несколько раз увеличился. Хоть сейчас можно уходить с государственной службы и заняться бизнесом.

— Вот и уходи! — вырвалось у Джанины.

Эдвард не ответил. Он вспомнил Адамса. Собственно, он и не забывал о нем. Трудно было понять, что произошло на самом деле. Но вода из крана, книга на полу, эти комочки земли на затылке.

Он не мог сказать об этом ночном кошмаре жене: или решит, что у мужа «крыша поехала», или еще хуже — поверит его рассказу.

Он надеялся, что езда в машине отвлечет его, успокоит. Но, увы! Даже когда его вызвал шеф, Эдвард находился в каком-то раздвоенном состоянии. Генерал был всегда ровен и нетороплив. Чуть полноват, чуть лысоват, демократичен и прост. Ему было под пятьдесят. Двадцать пять лет в разведке, пережил не одного президента и не одного начальника.

Было раннее утро, и шеф не предложил Геллану виски, а коротко спросил:

— Кофе?

— Благодарю, я недавно выпил, а до ленча еще время есть.

— Тогда к делу, — генерал предложил пересестись на массивный кожаный диван.

— Вас можно поздравить, господин майор, — чуть улыбнулся шеф.

— Вы первый разведчик Соединенных Штатов, который будет выполнять свою миссию, не сопротивляясь с нашим возможным противником, а сотрудничая с ним.

Он уже без улыбки смотрел на Геллана. Майор вежливо промолчал. Ему совершенно не было ясно, куда клонит генерал.

— Я имею в виду русскую разведку. В мире действительно произошли большие перемены и говорить, что сегодня нам угрожают русские неожиданным ударом, было бы ошибкой. Наши безукоризненные действия в районе Персидского залива, конечно, подействовали на них отрезвляюще. Да и оружие, которое мы применили, похоже, потрясло советское руководство. Мы с вами разведчики, и наша информация президенту также под-

тверждает, что в отношениях с Россией наступили более теплые времена. Похоже, они зашли так далеко со своей перестройкой, что назад, по крайней мере, в ближайшее десятилетие, им хода нет. Они как никогда нуждаются в нашей помощи и поддержке. Советы лишились своих союзников и сейчас стоят перед развалом всего государства. Экономика страны в упадке. Так что сейчас мы можем больше внимания уделять и другим проблемам в мире. Та, над которой вам придется работать, на первый взгляд может показаться вам, господин майор, не столь уж мировой, но не все так просто. У нас все большую озабоченность вызывает довольно обширная информация о загадочном исчезновении многих советских военнослужащих, попавших в плен к афганским моджахедам. Некоторые из военнопленных оказались в ряде стран, в том числе и у нас, в Соединенных Штатах.

— А где остальные?

— Это не стало бы нас волновать, если бы не разведанные о том, что на Ближнем Востоке создана довольно разветвленная сеть некой международной нелегальной организации, которая не жалеет денег, чтобы заполучить в свои руки молодых мужчин, желательно военных, из числа граждан США, СССР, Великобритании, Франции и Китая. Русская разведка первой забила тревогу. Мы же сначала подумали, что они просто пекутся о своих парнях, желая поскорее получить информацию о местонахождении каждого из них. Но, оказывается, дело серьезней. Русские правы, когда при конфиденциальных встречах с представителями нашей разведки задают вопрос: почему этой нелегальной организации нужны военнослужащие именно этих стран? И подчеркивают, что речь идет о гражданах государств — обладателей ядерного оружия. По указанию президента мы провели переговоры с руководителями разведок России, Китая, Англии и Франции. В итоге принято решение объединить наши усилия.

ГЛАВА II

Мистер Майер появился в небольшом пакистанском городке без десяти десять утра.

Майер уверенно сворачивал в узкие, с обеих сторон зажатые высокими дулами проулки, и ровно в десять остановил голубой «Мерседес» у больших деревянных ворот.

Не дожидаясь сигнала, к воротам заспешили двое охранников. Один из них исчез за калиткой, и через полминуты массивные ворота с большими металлическими набалдашниками распахнулись.

Майер надавил на акселератор, мощный двигатель легко внес машину в просторный двор. В зеркало он видел, как охранники поспешно закрыли ворота. Он сделал два крутых поворота и остановил машину у небольшого двухэтажного здания. Широкие стеклянные двери охранял автоматчик.

«АК-47», — привычно отметил Майер систему оружия и направился к дверям, которые услужливо открыл охранник.

В просторном, отделанном светлым мрамором зале Майера встретил высокий афганец. Он был худощав, подтянут. Темный костюм сидит неплохим мастером. Хозяин одарил гостя вежливой улыбкой. Майер здесь уже третий раз и успел немного присмотреться к этому лет тридцати пяти — сорока командиру крупного отряда моджахедов.

Рахматулло, так звали командира, потянулся к небольшому фарфоровому чайнику и как бы невзначай спросил:

— Господин Майер, вас только офицеры интересуют?

— Желательно, но если у вас есть и солдаты, то надо увидеть каждого из них.

— У нас есть три русских солдата и один офицер, — Рахматулло сделал паузу и многозначительно произнес:

— Но по офицеру и одному солдату мы почти завершили переговоры с одной из фирм. Они предлагают нам хорошую цену и партию оружия.

— А где остальные солдаты?

— Завтра их привезут.

— Офицер и солдат сейчас у вас?

— Да. Через два дня прибудет представитель фирмы для окончательного решения вопроса.

— Уважаемый Рахматулло, — произнес гость. — Я — бизнесмен и уважаю близких по духу людей. И редко ошибаюсь в них. Естественно, рад, что судьба свела ме-

ня с вами. Вы человек дела и слова. Скажите, я могу быть с вами откровенным и рассчитывать на дружеское, честное отношение ко мне с вашей стороны?

— Аллаху было угодно, чтобы наши пути пересеклись. Мы знаем о высокой репутации вашей фирмы, поэтому вы, господин Майер, пользуетесь среди наших руководителей большим доверием и уважением. Вы можете быть уверенным в моем честном сотрудничестве. — Рахматулло сделал небольшую паузу. — Кто знает, может быть, бывая в Карачи, Кувейте или, скажем, в Иордании или Ливане, мне придется когда-нибудь обратиться в ваши представительства.

Афганец демонстрировал свою осведомленность о фирме, которую представлял Майер. Гость ответил тем же:

— Мы всегда будем рады вас видеть, господин Рахматулло. Я тоже бываю в Карачи и нередко проезжаю мимо вашего дома у голубой мечети. Пусть Аллах ниспослет всем вашим шестерым детям и их матерям здоровье и счастье. Да не погаснет очаг в вашем доме.

Рахматулло, как ни старался сохранить восточное спокойствие, не смог этого сделать. Руки стали подрагивать.

Майер потянулся к тоненькому кейсу.

— Здесь скромные сувениры для матерей ваших детей.

Майер уже не один год жил на Востоке и прекрасно знал местные обычаи. Здесь в разговоре с мужчиной нельзя упоминать о его женах и их именах. А если уж надо что-то сказать, то говорить следует не иначе как «сестра» или «мать ваших детей».

По очереди раскрыв футляры, Рахматулло не смог скрыть своего восторга. В каждом лежали в золотой оправе бриллиантовые серьги.

— Прекрасные вещи. Спасибо, господин Майер. Мне, скромному командиру, который постоянно в горах и боях, таких ценностей никогда не купить.

Майер хорошо знал, что Рахматулло очень богатый человек, но говорить об этом не стал.

— Значит, офицера и одного солдата вы, будем считать, уже продали. Если не секрет, уважаемый Рахматулло, то кому? Кто так щедро платит за этих русских?

Рахматулло простодушно ответил:

— Поверьте, господин Майер, я не знаю, кого представляет тот человек. Для нас, бедных воинов ислама, сейчас очень важны деньги. Мы ведь ведем тяжелую войну за освобождение Афганистана от неверных, и нам очень многое нужно. Кстати, цены на оружие сейчас опять подскочили.

— Что поделаешь, война во все времена недешево стоила, — Майер отхлебнул из чашки и неожиданно спросил:

— Уважаемый Рахматулло, а не могли бы вы дать мне возможность побеседовать с пленными? Обещаю, я не буду их склонять к бегству или действиям, направленным против вас. Мне просто интересно познать их психологию.

— Я не возражаю, но у нас нет переводчиков.

— Я постараюсь обойтись без переводчика. Поверьте, я не забываю хороших дел и всегда стараюсь платить тем же.

— Не будем терять время, оно как и деньги: и бежит, и кончается.

Майер поднялся, за ним последовал Рахматулло.

Пленники находились в подвальном помещении, едва освещенном серой от налета пыли электролампочкой.

У дальней стены сидели двое. Бинты и тряпки, намоченные на их тела, были пропитаны кровью, грязью и гноем. Стоял невыносимый запах гниющего человеческого тела.

Майер обратился к Рахматулло:

— Я бы хотел поговорить с каждым отдельно. Нельзя вас попросить, чтобы одного из них вывели на прогулку?

Рахматулло заколебался, но гость взял его под руку:

— Все издержки я оплачу. Сделайте для меня одолжение.

Рахматулло громко позвал охранников:

— Выведите этого наверх, пусть побудет там. Когда господин прикажет — поменяйте неверных местами.

Пленный с большим трудом встал. Было видно, что он ранен в плечо и ногу. Худой, с глубоко запавшими глазами, не обращая внимания ни на Рахматулло, ни на Майера, он заковылял к выходу. Истрепанная грязная одежда болталась на нем, как на вешалке.

Рахматулло, чуть поклонившись, вышел. Майер молча осматривал помещение. Вряд ли моджахеда могли здесь установить подслушивающие устройства.

Выглянув на лестницу и убедившись, что там пусто, Майер приблизился к пленному и присел. На чистом русском языке спросил:

— Как ваша фамилия?

Пленный, не поворачивая головы, глухо ответил:

— Не помню.

— Вы офицер?

— Не помню.

— У нас с вами слишком мало времени, поэтому на свои вопросы отвечу сам, — ответил Майер. — Вы командир разведроты капитан Виктор Андреевич Мельников. Родились в 1960 году в Смоленске. Дома вас ждут супруга Валентина Степановна, дочушка Аленка. Ваши родители Антон Васильевич и Прасковья Ивановна велели вам кланяться и передать, что в семье вас ждут, все здоровы.

— Кто вы? — не выдержав, спросил капитан.

— Ваш друг и соотечественник. Прошу тебя, Виктор, поверить мне и внимательно слушать и запоминать все, что буду говорить.

— Если будете уговаривать на предательство, то это бесполезное занятие.

— У меня слишком мало времени, чтобы убеждать тебя, капитан. Поэтому обращаюсь к тебе и от имени генерала Дубынина. Надеюсь, что ты не забыл, как он в штабе 40-й армии в Кабуле в январе восемьдесят седьмого вручал тебе Красную Звезду?

— Да, черт возьми! Откуда вы все это знаете?!

— Я же сказал: я — свой! Нам нельзя долго разговаривать.

— И о Володе знаете?

— Да, конечно. Я же готовился к нашей встрече. Даже с родителями и вашими и Полещука встретился.

— Вы видели моего отца?

— Конечно, и мать, и отца видел.

— Тогда скажите мне, что вам бросилось в глаза, когда вы беседовали с ним?

— Ваш отец при разговоре немного заикается, а на левой щеке у него большой шрам. Он сказал, что в вось-

мидесятом попал в железнодорожную катастрофу под Минском. Правильно?

Часы уже показывали три часа, когда Майер отправился в обратный путь. Во что бы то ни стало в Исламабаде надо было быть до темна. На дорогах Пакистана всякое бывает, особенно ночью. Он нажимал на акселератор и мурлыкал какой-то мотивчик. Настроение было прекрасным. Советский разведчик, полковник Кустов Николай Платонович, был рад. Подтвердилась еще одна информация о местонахождении двух советских парней. Мало того, Кустову удалось сплести еще одну ячейку огромной общей сети, которую сейчас забрасывали разведки стран, недавно бывшие непримиримыми врагами.

ГЛАВА III

Андрею Янчуку, генералу-разведчику, было не совсем уютно на этой прекрасной вилле, расположенной рядом с Булонским лесом. Дело не в утрюмости леса, мелком, нудном дожде. Рядом с советским генералом сидел поджарый, крепкий и уверенный американский разведчик, тоже генерал. Чуть дальше, стараясь быть поближе к огню старинного камина, лысоватый и на вид утрюмый англичанин, а слева генерал разведки Франции.

Совещание в Париже проводилось по согласованию руководителей четырех держав. Их разрозненные, но многочисленные сведения, поступающие из различных источников, тщательно проанализированные в разведцентрах, свидетельствовали о том, что в мире появилась сила, не признающая никаких границ. Замысел ее пока еще неясен, но даже отрывочные сведения интриговали, заставляли искать пути разгадки тайны.

Французский генерал на правах хозяина вел переговоры:

— Нас с вами, господа, отличает от дипломатов то, что нет необходимости вести протокол. Предлагаю, начиная с нашей сегодняшней встречи, отбросить настороженность и недоверие друг к другу. Нам поручено руководством решить сложнейшую задачу, а сделать это можно только при условии нормальных человеческих отношений и, конечно, доверия между партнерами. Для на-

чала предлагаю более близко познакомиться. Я — генерал Франсуа Жослен, профессиональный разведчик. Ранее длительное время работал на Ближнем Востоке, теперь отвечаю за это направление.

Генерал был крепок, чуть тяжеловат. Он взял в руки пузатую бутылку, налил в низкие широкие бокалы коньяка и, согревая обеими руками свой бокал, продолжил:

— Нас беспокоит то, что в Марселе два месяца назад, во время отпуска пропал наш офицер-подводник. Он служил на одной из ударных ядерных подлодок со стратегическими баллистическими ракетами. За месяц до этого случая неизвестные лица пытались захватить пилота самолета-бомбардировщика «Мираж IV». Капитан был тяжело ранен, но смог отбиться. Как видите, господа, налицо явное стремление неизвестной группы захватить офицеров, имеющих отношение к ядерному оружию.

Француз сел, давая понять, что информация исчерпана.

Заговорил Янчук:

— Нас беспокоит то, что неизвестные лица активно проводят работу в отрядах и лагерях афганской оппозиции. Они явно разыскивают тех, кто служил в войсках, имеющих ядерное оружие или жил рядом с базами, на которых размещено такое оружие. Мы не можем точно сказать, сколько наших парней сейчас выкуплены у моджахедов этой организацией.

— У вас же нет в армии военнотружущих арабов? — спросил одетый в светлый, не гармонирующий с дождливой погодой, костюм американский генерал.

Янчук уже знал, что это руководитель крупного отдела ЦРУ генерал Доул. Ответил:

— Да, господин генерал, вы правы. В армии у нас арабов нет. А вы уверены, что эту организацию создали арабы?

— Я не могу утверждать, но захватить офицеров наших ядерных сил во всех случаях пытались лица арабского происхождения.

— Есть похищенные?

— Да, четверо офицеров находятся в розыске. Один пилот стратегического бомбардировщика, два подводника. Похищен и офицер, который работал на верфи, где строятся многоцелевые подлодки нового поколения.

— Типа 55-21 «Си Рульф», — уточнил Янчук.

Американец, не обращая внимания на то, как англичанин и француз ловко переглянулись между собой, откровенно ответил:

— Да, сэр. Он работал именно на этой сверхсекретной надежно охраняемой верфи. Офицер с женой был в гостях у своего друга. Когда они возвращались домой, у бензоколонки остановился «Форд». Из него вышли четверо. Один из них применил баллончик с нервнопаралитическим газом. Офицера схватили, затолкали в машину и умчались. Все было сделано настолько четко и быстро, что жена не успела даже сообразить, что произошло.

Американец вдруг улыбнулся. Его хотел о чем-то спросить француз, но Доул, обращаясь к русскому, сказал:

— Если честно, то мы сначала подумали: не ваша ли это работа? Офицер, занимающийся сверхсекретными делами, конечно, представляет огромный интерес для оппонентов. Только позже, когда мы установили очевидцев, подключили всю свою агентурную сеть, смогли выяснить, что бедного офицера похитили лица арабского происхождения и нелегально вывезли в Мексику. Там след оборвался. Позже у нас прошла информация, что офицера якобы засекла израильская разведка в Оммане. Надо отдать им должное: «Моссад» действует на высоком профессиональном уровне.

Но и на этот раз нить оборвалась.

— У него дети есть? — поинтересовался Янчук.

— Двое прекрасных ребятишек, — грустно ответил Доул. — Дождутся ли они отца — трудно сказать... У нас зафиксировано немало случаев проявления повышенного интереса со стороны неизвестных лиц к ядерным объектам.

Доул замолчал и заговорил английский генерал:

— К сожалению, господа, я вынужден сообщить, что и в королевских вооруженных силах при весьма загадочных обстоятельствах пропали семь офицеров. Каждый из них в той или иной мере имел отношение к ядерному оружию. Хуже того, во время военного конфликта с Аргентиной мы потеряли современный ракетный фрегат с ядерным оружием на борту. Весной этого года неизвестное судно пыталось спустить водолазов в точку затопления фрегата. Случайно проходившие неподалеку

два наших судна помешали осуществить неопознанному судну эту акцию. Характерно, что на том корабле не было флага, а все надписи на борту и надстройках закрашены. Судно, обладая хорошей скоростью, быстро ушло к югу. Мы контролируем район гибели фрегата, но пока больше никто не интересовался этим местом.

В Персидском заливе засекли аналогичное судно без опознавательных знаков. Оно заходило в один из портов Кувейта, и вышло оттуда с флагом и надписями на борту. Оказалось, судно принадлежит подставной фирме.

Англичанин закончил свое сообщение и пригубил бокал. Янчук заметил:

— Нельзя забывать, что проявляется большой интерес и к другим странам, которые имеют или скоро будут иметь ядерное оружие — Китаю, Индии, Пакистану, Израилю, Ираку...

— Да, вы правы, господин генерал, — поддержал Янчука Жослен, — нам необходимо использовать все свое влияние, чтобы убедить эти страны усилить меры безопасности по охране оружия.

— Не только, — продолжил Янчук, — было бы желательно, чтобы они делились с нами информацией по этой проблеме.

— Это будет самым сложным, — заметил американский генерал Кребс, — Кто захочет делиться сведениями, которые позволяют получить информацию о потенциале и центрах разработки ядерного оружия? Ведь вы, русские, не пошли бы на это. Не так ли?

Янчук улыбнулся:

— Господин генерал, что касается Советского Союза, нас грех упрекать в неискренности. Мы за последнее время столько показали и сказали миру о своих вооруженных силах, обороне, оружии, что меня откровенно удивляет ваше замечание. Но вернемся к делу, надо помнить, что мы не имеем права допускать утечку информации о целях нашей совместной работы.

— Да, да, — кивнул Доул. — Не зная и не видя перед собой противника, опасно раскрывать карты. Что касается «Моссада», то это наиболее надежный партнер. Если не возражаете, господа, Центральное разведывательное управление возьмет на себя контактирование с «Моссадом». Не скрою, есть у нас некоторые позиции и в других странах. Уверен, что и ваши государства имеют не-

плохие возможности для контактов с разведками многих стран.

— Нам надо договориться о главном, — добавил Жослен, — доверять друг другу.

— Вот за это и предлагаю выпить! — весело сказал Доул.

ГЛАВА IV

Эдвард Геллан был спокоен за свои документы. Они надежны и обеспечены хорошим прикрытием. Теперь он — Эдвард Эванс, журналист и ученый, который поставил перед собой цель — изучение аномальных явлений, происходящих в регионе Ближнего Востока и Персидского залива.

Эдвард вдруг подметил, что он заинтересовался этой проблемой не только в связи с предстоящей работой, но и просто для себя. Сказался тот памятный случай, когда его дом спустя неделю после своей смерти посетил Адамс. Геллан так и не нашел в себе сил, чтобы рассказать кому-либо о происшедшем. Тем более, он собирался покинуть Соединенные Штаты, но тут руководство неожиданно изменило план, и Геллану было предложено срочно выехать в Хибридж, штат Нью-Джерси. И вот он на месте. Нажав дверной звонок, оказался в большом холле. Хозяин — высокий, с аккуратной бородкой и небольшими усиками, сорокалетний мужчина — пригласил гостя на второй этаж в свой кабинет.

— Профессор Принстонского университета Ричард Стоун. Мне предложили ввести вас в курс изучаемых мною проблем. Начнем с азов. Но сначала я немного расскажу о себе. Эту виллу я снял на некоторое время для того, чтобы иметь возможность обобщить и проанализировать все события, которые связаны с НЛО, УФО, АЯ, АЛО, зарегистрированные в здешних местах.

— Простите, профессор, — смущенно улыбнулся Эдвард, — но я даже не знаю, что обозначают УФО, АЛО... Правда, то, что НЛО — «неопознанный летающий объект», — я знаю.

— Да, да, понятно. Значит, НЛО — это неопознанные летающие объекты, АЯ — это аномальные объекты, АЛО — астралевитирующие объекты. Обо всем этом у

нас в Штатах впервые заговорили в 1947 году. Сначала эти явления заинтересовали любителей, а позже и профессионалов. Два года назад у нас в стране были рассекречены данные о том, что 2 июля 1947 года в штате Нью-Мехико возле города Розуэл разбился неизвестный летательный аппарат. Сразу же было установлено, что он неземного происхождения. Уровень мировой науки и техники еще не позволяет изготовить подобные аппараты. Материал, из которого изготовлен объект, не мог быть получен на Земле, он выдерживал невероятные температуры и был чрезвычайно прочным. На объекте были выправлены не поддающиеся расшифровке знаки. В двух милях от места падения были обнаружены четыре небольших человекоподобных существа, которые, скорее всего, катапультировались из терпевшего катастрофу аппарата. Все четверо были мертвы. Их тела были тщательно исследованы. Оказалось, что они биологически не схожи с людьми. Все это было засекречено. В 1987 году в Вашингтоне на Международном симпозиуме информация об этом случае впервые была представлена. Возникли сомнения в подлинности документов, так как были разговоры о том, что все документы об этом происшествии уничтожены. Однако отставной майор Мэрсел, ранее служивший в разведке ВВС, заявил, что он участвовал в сборе обломков НЛО, заверил журналистов в подлинности этого случая.

— В нашей истории целый ряд интересных загадочных случаев, — профессор взял лежавший на журнальном столике исписанный лист бумаги и продолжил: — 25 февраля 1942 года над Лос-Анджелесом появилось 20—25 неопознанных летающих объектов. Средства ПВО повели по ним интенсивный огонь. Было выпущено около полутора тысяч снарядов, но безрезультатно. В 1956 году на Окинаве пилот американского истребителя открыл огонь по НЛО над одной из наших баз ВВС и погиб. В семидесятых годах над Тегераном два «Фантома» попытались сбить НЛО, но электронная система пуска ракет и многие приборы отказали.

Кстати, о таких случаях сообщалось во многих странах. Я создал каталог подобных сведений. Сейчас нетрадиционными направлениями науки и техники занимаются факультеты уфологии, например в Северо-Западном университете штата Иллинойс, Китае, Франции, России.

Профессор сделал паузу. Воспользовавшись этим, Эдвард спросил:

— Скажите, профессор, удалось ли определить скорость полета НЛО?

— Однозначно ответить на этот вопрос сложно. Аппараты могут зависать в одной точке, отмечены случаи, когда они летели со скоростью самолета или вертолета, вернее уравнивая с их скоростью свою. Несколько лет локаторы нашей армии фиксировали НЛО, передвигающиеся в воздушном пространстве от восьми до пятидесяти тысяч километров в час.

— А как они выглядят?

— Настолько разнообразно, что пришлось создавать целый каталог по видам. Вот в том ящике, — профессор рукой показал на большой шкаф у противоположной стены, — нижнем слева, хранятся фотографии и рисунки всех форм НЛО, которые наблюдали люди. Чтобы собрать эти сведения, мне пришлось немало поехать по многим странам. Всего здесь данные на тридцать одну форму. Но кто знает, сколько их еще есть.

Гость медленно переводил взгляд с одного предмета на другой, останавливался на фотографиях, размещенных на стенах, лежавших на столе, диване, креслах, огромных шкафах с выдвижными ящиками, и думал: «Нет, пожалуй, за три дня всего этого я не освою...»

Но начальство думало иначе, и ровно через три дня журналист и исследователь Эдвард Эванс получил задание вылететь в Каир.

Путешествие через океан в самолете — не лучший вид отдыха после напряженной работы. Но что поделаешь, Эдвард заставил себя отвлечься от тревожных мыслей о семье, с которой ему даже не попрощаться, от того, что его ждет впереди, и попытался заснуть. Ровный гул двигателей «Боинга-747» постепенно затормаживал мышление, действовал успокаивающе. Эдвард расслабился и задремал.

Трудно сказать, сколько прошло времени, но Эдвард вдруг четко увидел Адамса. Он медленно наплывал на него из какого-то голубого тумана и чем ближе, тем все больше сжималось вокруг мертвого пространство. Когда оно образовало что-то похожее на трубу, Эдвард увидел его глаза. Открыты и смотрят точно так же, как тогда, в ту ночь, когда Адамс явился в комнату Геллана.

Он пошевелил губами, и Эдвард услышал его голос: — Ты взял себе неудачный псевдоним. Эта фамилия принесет тебе много неприятностей. Мне жалко тебя, и поэтому я решил дать совет: дружи с русскими. Только это спасет тебя.

Эдвард хотел спросить его, как он оказался в самолете, но губы не разжимались, и он издал только что-то наподобие стога. Но Адамс все равно понял и ответил:

— Ты сейчас находишься ближе к космосу, и мне понадобится меньше усилий, чтобы явиться к тебе. И вдруг Адамс произнес:

— Через девять дней моя жена умрет, а ты живи...

Эдвард вздрогнул и проснулся. Долго смотрел на спинку стоявшего впереди кресла, потом осторожно посмотрел направо, где сидела молодая женщина. Нет, она ничего не видела и не слышала, иначе не вела бы себя так спокойно. Эдвард вытер ладонью пот и, потянувшись к кнопке, вызвал стюардессу. Та подошла сразу же, с улыбкой нагнулась:

— Вы что-то желаете?

— Если можно, виски и сок.

— Да, сэр.

Она возвратилась через две минуты с небольшим подносом.

Эдвард залпом выпил апельсиновый сок и, утолив жажду, сразу же опустошил рюмку.

Стюардесса, подарив ослепительную улыбку, удалась.

Эдвард наклонился к иллюминатору. Внизу — океан. Изредка на его зеленовато-голубой глади в поле зрения попадались корабли. Слева по курсу медленно проплыл какой-то остров и опять глаза видят только водную гладь.

Мысли снова возвратились к Адамсу.

«Что же это такое? Может, у меня действительно крыша поехала? — вспомнил он выражение Джанины. — Не делаю ли я ошибки, что никому не рассказываю об этом наваждении? Мне предстоит тяжелейшая работа, выдержу ли я нагрузку?»

Эдвард старался уйти от тревожных размышлений, заставлял себя думать о другом, но Адамс не выходил у него из головы.

Он опять огромным усилием воли заставил себя думать о предстоящем деле. Было непонятно, почему ускорен его отъезд из Штатов. Правда, ему сказали, что с проблемами НЛО, экстрасенсов, колдунов и другими подобными чертовщинами его будут знакомить в Каире. Но прежде всего его ждет встреча с кем-то из руководителей ЦРУ.

«Действительно, чего я голову забиваю, в Каире все узнаю», — подумал он и постарался переключить свое внимание на созерцание океана.

Каждый город на земле, как и человек, имеет свое лицо и имя. Каир, кроме этого, имеет еще такую историю, что немногие города мира могут потягаться с ним.

Наверное, поэтому генерал Доул, прилетевший накануне из Парижа и встретивший Геллана-Эванса в посольстве Соединенных Штатов в кабинете резидента, спросил:

— Вам доводилось раньше бывать в Каире?

— Трижды. Но ни разу не удалось осмотреть его.

— О, это надо сделать непременно. По-моему, такая возможность у вас будет, мистер Эванс. Мы хотим, чтобы в Каире вы задержались на восемь — десять дней. Здесь продолжите расширение своих познаний в области парапсихологии, познакомьтесь с одним известным на Востоке экстрасенсом и, конечно, сможете поближе узнать город.

— Ну, все это — позже, а сейчас перейдем к делу. Мне, к сожалению, задерживаться здесь не следует.

Генерал рассказал разведчику о встрече в Париже и не скрыл того, что его серьезно насторожило:

— Понимаете, представитель КГБ генерал Ялчук вел себя довольно откровенно. Но меня удивило то, что он не стал нас информировать о том, что у Советов, кроме побega их разведчика по фамилии Апохин, работавшего в посольстве СССР в Австрии, пропали два человека, которые, судя по некоторым имеющимся у нас сведениям, сотрудничают с КГБ. Один из них парапсихолог, другой — экстрасенс. Кстати, нельзя исключать и того, что находились они на Ближнем Востоке, скорее всего, с целью поиска советских военнопленных, попавших в руки афганской оппозиции. Меня и моих коллег из Франции и Англии утаивание этой информации русскими очень удивило.

В чем дело? Или русские не связывают пропажу этих людей с другими похищениями, или же не желают поделиться с нами каким-то своим очень важным секретом, наверняка имеющим отношение к этому региону?

Нам удалось установить, что фамилия парапсихолога Стрельцов, он проживает в Москве или рядом с ней. Стрельцов около двух месяцев находился в Ливане. В Бейруте многократно встречался с местной знаменитостью профессором Кресом. Дважды Стрельцов был у этого Леонарда Креса, вместе со вторым русским.

— А чем он занимается?

— Профессор? По моему заданию наши парни это уже установили. Крес специализируется в области изучения физических полей Земли. Много внимания уделяет вопросам космических излучений. Сам он родился в Саудовской Аравии, но по происхождению англичанин. Образование получил у нас, в Штатах. Кстати, эту деталь вам необходимо помнить. С ним вам будет легче сойтись.

— Так, мне что, придется ехать в Ливан?

— Да, но об этом я скажу чуть позже, — улыбнулся генерал и продолжил:

— Профессор Крес, кроме Штатов, повышал свое образование и во Франции. О нем говорят как об ученом, имеющем свое лицо и имя. Вам, мистер Эванс, придется встретиться с ним. Постарайтесь сойтись поближе. Ваша задача: первое — узнать фамилию напарника Стрельцова. Второе — цель их пребывания в этом регионе, и что им нужно было от профессора? Третье — где, по его мнению, сейчас русские и кто их мог похитить? И четвертое — что известно профессору о действиях интересующей нас организации?

— Когда мне выезжать в Ливан?

— Я уже говорил. Дней через восемь — десять. Наши люди готовят вам статью о местных колдунах, парапсихологах и, конечно, о молодой женщине, жительнице города Асьют, он расположен недалеко от Гизы, которая уверяет, что встречалась с инопланетянами. Ваша публикация, конечно, привлечет внимание профессора Креса, а чтобы это было именно так, мы постараемся. Так что ваша встреча с профессором после такой публикации не вызовет у него никаких сомнений.

ГЛАВА V

Фирма экономической информации имела свои представительства и в Саудовской Аравии, и в Кувейте, и во Франции, и в других странах. У Ральфа Майера возникла необходимость съездить в Париж, и он, не мешкая, отправился в путь.

В большом светлом кабинете вместо шефа местного отделения ему навстречу поднялся седовласый, в роговых очках мужчина.

Майер вытянулся и тихо произнес:

— Здравия желаю, товарищ генерал!

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой Николай Платонович! Дай-ка я обниму тебя. Поди, два года уже не виделись.

Они обнялись, и Янчук, не снимая с его плеч руки, пригласил к дивану:

— Ну-с, рассказывай, фирмач, как здоровье? Настроение?

— Здоровье слава Богу, Андрей Михайлович. А вот настроение, спасибо, хреновое.

— Устал?

— Есть маленько. Усталость — естественное состояние нашей работы. На душе нехорошо.

Кустов подробно рассказал генералу о своей поездке в Пакистан. Они были старыми добрыми друзьями, разговор был откровенным. Янчук сначала слушал сидя, но настроение полковника постепенно передалось и ему. Он поднялся и молча зашагал из угла в угол.

— А парни-то наши — каковы, — продолжал Кустов. — Казалось, сломлены, должны цепляться за соломинку, вымаливать себе жизнь.

— Вот поэтому особенно и жаль их, — согласился генерал, — люди-то настоящие. О них разная информация поступала, в том числе, что и сломались, что вот-вот в прессе появятся их заявления о добровольном отказе от Родины, «изобличениях» Советской Армии во всех грехах.

— Андрей Михайлович, а ведь у нас, к сожалению, есть и такие люди.

— Предатели?

— Нет, я имею в виду людей в наших рядах. Есть же такие, которые с ходу верят любому грязному слову, до-

носу на человека. Не взвешивают, что хорошего сделал человек и может ли он с огромным багажом добра и больших дел пойти на предательство.

— Не спорю, есть и такие, — генерал вдруг улыбнулся. — Слушай, Николай, а давай-ка мы с тобой по рюмке коньяка! Кстати, наш общий дружок Пискин повышен в должности, ходит, лысиной блестит от удовольствия. Теперь еще больше спичек сжует.

— Да ну его к черту, — махнул рукой Кустов.

— Что да, то да. Многим он попортил крови: и тебе, и мне, да всех не перечесать. — Янчук снова заходил по комнате. — Вот ведь как бывает с человеком. Помню его молодым: дружелюбен, демократичен. Постоянно высказывал желание прийти на помощь сотруднику, а как получил в руки власть — на все сто восемьдесят градусов задницей и к дружелюбию, и к демократичности, ко всем тем, с кем и щи хлебал, и водку пил, повернулся. Кто думал, что таким прохвостом окажется! До огорворов, до сплетен опустился. А как людей стал вдруг ненавидеть! Каждого — под подозрение... Ладно, ты прав, ну его, пусть правит. Давай лучше перейдем к нашим делам.

Я прибыл в Париж для участия в переговорах, а точнее в совещании с представителями ЦРУ, Сикрет интеллидженс сервис и Сюртэ. Руководители этих стран пришли к такому решению, потому что международная террористическая организация все четче проявляется как организация, готовящаяся нанести мощный удар по мировому сообществу. Похоже, их не интересует ни социализм, ни капитализм.

Что определилось на нашей встрече? Первое — и у нас, и у наших партнеров — совпадает мнение в том, что необходимо объединить усилия. Второе — наличие осторожность и даже недоверие между нами и представителями этих стран. Третье — сотрудничая друг с другом, и мы, и они будем стремиться к получению максимума информации о военном и экономическом потенциале другой стороны, о структуре, штатах, бюджетах разведок и, конечно, их методах деятельности. Даже на этом совещании не обошлось без взаимных упреков.

Янчук довольно подробно рассказал о том, что хотели выяснить у него участники переговоров. Затем уточнил:

— Нам нельзя забывать, что четырнадцатый директор ЦРУ Уильям Уэбстер ушел в отставку. Немалую роль в этой отставке сыграли промашки, допущенные ЦРУ под его руководством. Например, ЦРУ в своих докладах президенту утверждало, что после вывода советских войск из Афганистана правительство Наджибуллы продержится всего несколько дней. Или возьмем другой пример. Еще за сутки до вторжения Ирака в Кувейт, ЦРУ утверждало, что Хусейн ни в коей мере не планирует и не будет захватывать всю страну. И вот — отставка. Теперь важно, кто придет.

— Кто будет пятнадцатым директором ЦРУ?

— Считай, им уже стал Роберт Гейтс.

— Раньше он был заместителем директора ЦРУ? Не так ли?

— Именно. Прекрасный специалист по нашей стране, которой посвятил двадцать пять лет. Глубокий аналитик. Неизвестно, как он теперь себя поведет, хватит ли у него здравого смысла, чтобы повернуть руль к доверию и пониманию? Разведчик он опытный, знающий профессионал...

— Выходит, тридцать миллиардов, которые тратит ЦРУ для наблюдения за нашей военной машиной, будут использоваться более эффективно, — задумчиво произнес Кустов.

— Ты перепроверил эту информацию? — спросил генерал.

— О сумме в тридцать миллиардов? Конечно. Именно столько они выделяют для этого направления. Я подготовил информацию и передам ее тебе. Значит, контакты с нашими коллегами будут продолжаться?

— Да, это поручено мне. Теперь информация для тебя. В ближневосточном регионе работали двое наших ученых. Один из них психотерапевт Абрам Левин. Вот здесь его фотография и описание. — Янчук протянул Кустову маленький пакетик. — Здесь же фото и данные на второго ученого парапсихолога Андрея Стрельцова. Они занимались изучением аномальных явлений в этом регионе и одновременно, по нашей просьбе, пытались выяснить местонахождение советских парней, попавших в руки афганской оппозиции или пропавших без вести. Левин и Стрельцов, используя свои природные качества и контакты со своими коллегами, смогли многое выяс-

нить. Но оба похищены в Ливане и их местонахождение пока не установлено. Для тебя задание: сделать все, чтобы разыскать их. Оба они, как специалисты, представляют большую ценность как для любой разведки, так и для террористической организации.

— Американцы, англичане или французы знают об их исчезновении?

— Нет. Мы решили пока не сообщать им об этом. Хотя, учитывая, что Левин еврей, и что его брат проживает в Израиле, а Левин ездил к нему недавно, можно предположить, что «Моссад» может пронюхать об их похищении.

— Кстати, Андрей Михайлович, — поинтересовался Кустов, — а вы, в Центре знаете, что шеф «Моссад» Нахум Адмони тоже ушел в отставку?

— Что ты говоришь! Вот черт, конечно, нет. А это точно?

— Да, это точно. После публикации материала о грубых ошибках «Моссад» в деле «Иран-контрас» и скандале с передачей сотрудников ВМС США секретной информации израильской разведке, на Адмони посыпались обвинения в некомпетентности.

— Надо признать, что за шесть лет руководства «Моссад» Адмони сделал немало.

— Толковый организатор. Но это дело Шамира и Рабины. Премьер-министру и министру обороны виднее. Хорошо, Андрей Михайлович, я буду заниматься розыском Левина и Стрельцова. Какие их связи известны?

— Там, — Янчук кивнул на пакетик, который держал в руке Кустов, — есть все, что нам известно.

— На каком языке записи?

— Естественно, на французском.

— Теперь, пожалуй, о главном и неприятном. Ты помнишь Анохина?

— Конечно! Кстати, протеже Пискина.

— Анохин работал в Австрии в нашем посольстве, был под «крышей» и, сволочь, недавно удрал. Нас беспокоит то, что он хорошо знает тебя в лицо. Правда, где ты, под какой легендой работаешь, он не знает.

— Хреново, — помрачнел Кустов, — когда в прошлом году я был в Союзе, Пискин вызвал меня к себе с какой-то мелкой придиркой. В кабинете у него как

раз сидел Анохин. Пискин вел себя развязно, пытался при Анохине выяснять у меня, с кем из агентуры и в каких городах я встречался перед отъездом. Короче говоря, Анохин, как я ни старался увернуться от ответов, мог понять главное: я работаю в этом регионе.

— Придется сменить места встреч, подыскать новые почтовые ящики. Короче говоря, постоянно помнить, что Анохин где-то бродит и может в любой момент объявиться.

— Куда он переметнулся?

— Пока неизвестно. Еще нигде не засветился.

Кустов немного помолчал, затем спросил:

— Андрей Михайлович, я чувствую, что центр все больше и больше проявляет интерес к парапсихологии, астрологии, интересуется экстрасенсами. Чем вызвано такое внимание? Неужели это серьезно?

— Скажу честно. До недавнего времени я на все эти явления смотрел, как на элементарное шарлатанство или игру воображения. Но когда года два назад меня познакомили с фактами, которые собраны и проанализированы в Центре, они меня очень заинтересовали. Если говорить о неопознанных летающих объектах, то, наверное, у каждого человека теплится надежда на то, что во Вселенной человек не одинок, где-то, пусть и очень далеко, есть разумные существа, братья по разуму. Но то, что иногда люди ощущают и даже наблюдают, поражает своей необычностью.

— Ты знаешь, мне рассказали о таком случае, — воспользовался паузой Кустов и рассказал о девушке, к которой домой приходил ее жених воин-десантник, сообщивший вест о своей гибели. — Помнишь, у Шекспира: — «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Сколько прошло с тех пор, как написаны эти строки? Столетия, а чудес и загадок не убавилось: то НЛО, то полтергейст...

— У нас собрано немало ученых разных направлений, — продолжил его мысль генерал. — Они занимаются обобщением информации о перемещениях и возгораниях предметов в помещениях, которые происходят без помощи людей и, конечно, огромное внимание уделяют вопросам астрологии, парапсихологии, занимаются экстрасенсами.

— Ну и к чему они пришли?

— Пока трудно сказать, но послушать их — привлекает.

— А может, все-таки игра воображения? — улыбнулся Кустов.

— Не стоит иронизировать. Поверь, дело серьезное. Человечество все время отмахивалось от этих явлений. Оказывается — зря.

— Многое здесь неясно. Ну, а ты, Андрей Михайлович, хоть что-нибудь в этом понял?

— Ты знаешь, что такое уравнение состояния?

— Это что-то из окружающего нас мира?

— О, смотрю, что бизнесмены кое о чем наслышаны, — улыбнулся генерал. — Окружающий нас мир состоит из четырех независимых переменных: материи, пространства, движения... — И чего еще?

— Ну это я знаю — времени.

— Молодец! — похвалил Янчук полковника, — но каждого из этих параметров в отдельности не существует. Из этого следует, что любое явление должно опираться на них и иметь материальную природу.

— Как это?

— А очень просто. Дело в том, что между элементами вещества имеется связь, которая не позволяет им распадаться.

— Почему?

— А потому, товарищ дилетант, что разрушить эту связь можно только тогда, когда удастся преодолеть энергию взаимодействия, которая делится на четыре вида. Знаешь, какие?

— Нет, черт возьми. Давай, добивай меня своими познаниями.

— Сильное, электромагнитное, слабое и гравитационное.

— Вспоминаю, что-то слышал.

— Вспоминай дальше, а я продолжаю. Сильные и слабые виды эффективны только в микромире. Радиус их действия ничтожно мал. А вот пределы взаимодействий гравитационных и электромагнитных практически не ограничены. Возьми, например, электромагнитное поле. Оно, отделившись от своего источника, распространяется со скоростью света в виде волн. Наши ученые считают, что, изучая полтергейст и экстрасенсорику, надо в первую очередь обратить внимание на это. Так что те-

перь все реже ученые пренебрежительно машут рукой, когда поступает сигнал об очередном полете утюга, блюда или сковороды. Ведь эти явления наблюдаются по всей Земле.

— Вот и говори теперь о древних легендах, о леших, домовых и прочей нечисти.

— Да, люди встречались с полтергейстом и в прошлом. Или возьми случаи, когда под взглядом молодой испанки Моники Ньето Техада металлическая лента, запаянная в стеклянной трубке, извивалась, гнулась вилкой. Девушка видит человеческое тело, как на экране. Обратили внимание, что во время экспериментов температура тела ее резко подскакивала, а кровяное давление — снижалось. Или еще пример, мы часто слышим выражения: «болит душа», или «отлетела душа». Библия утверждает, что душа не умирает. Почти одновременно и наши, и американские ученые с помощью тончайших приборов четко увидели над телом умирающего сгусток энергии яйцевидной формы, который не надолго зависает над человеком. Ученые, с согласия родственников, клали умирающих на специально сконструированные весы, которые учитывали самые маленькие весовые колебания. В момент смерти они фиксировали облегчение тела. Причем, разница существенная.

— Значит, есть и большие, и малые души? — пошутил Кустов.

— Кто его знает? У Христа есть такие слова: «Не умрем, но изменимся».

— Можно будет определить, кто праведник, а кто грешник?

— Увидим.

— Выходит, не случайно оказались в Ливане Левин и Стрельцов. А, Андрей Михайлович? — спросил Кустов, пристально глядя в глаза генералу.

— Скажу больше, Коля: специально нам предстоит во многом разобраться, но главное — террористическая организация и наши парни, попавшие в плен.

ГЛАВА VI

Мельников и Полещук скоро почувствовали, что их жизнь начинает меняться к лучшему; прекратились из-

девательства и избияния, стали чаще и лучше кормить. Парней переодели, а как-то утром привели в соседнее здание, где они впервые за последние годы увидели себя в зеркале. Пакистанец-парикмахер постриг их, поправил бороды и усы, а затем пленных перевели в другое здание, где они хорошо вымылись в душе и переоделись в чистое белье и одежду. Варенки и легкие джинсовые рубашки болтались на тощих, исхудавших телах, как на вешалках. Но на этом сюрпризы не кончились. После сытного ужина обоих разместили в небольшой комнате, в сказочно мягких, с хрустящими постельными принадлежностями кроватях.

На следующий день их никто не будил, и парни проснулись к вечеру.

— Ну как, видишь разницу? — потягиваясь, спросил Мельников.

— Вижу, вижу, наверняка мы на пороге перемен.

— По-моему, этот порог мы уже переступили. Или твой желудок ничего не говорит?

Они вышли из здания, прошли по узкой аллее к домику, спрятанному в густых зарослях, где обоих ждал сытный обед. Даже по банке пива дали.

После обеда, в сопровождении двоих мужчин, вышли во двор и уселись в белый «Мерседес». Управлял машиной тот, который был ниже ростом и все время молчал.

Городок был невелик, и вскоре машина выехала за его пределы и, набирая скорость, понеслась по бетонному шоссе.

«Держим направление на юго-запад, — прикинул Мельников. — Не съедят же за вопрос, если поинтересуюсь».

— Куда мы едем?

— В порт Карачи.

В Карачи приехали далеко за полночь. Машина подъехала почти к самому борту огромного судна, к ней подошли трое мужчин. Они перекинулись несколькими фразами с сопровождающими, и высокий открыл заднюю дверку.

— Выходите, господа.

Парни вышли из машины, разминая ноги, с любопытством осматриваясь.

Высокий поднялся на борт, но скоро возвратился и, протягивая прибывшим небольшие пакеты, произнес:

— Это ваши документы. Фамилий своих вы не называли, поэтому пришлось вам, — он указал пальцем на офицера, — дать фамилию Иванов, а вам, — движение пальцем в сторону Полещука, — Петров. Не забудьте, документы на французском языке, и надо запомнить «свои фамилии». Вскоре вам предстоит подняться на борт этого сухогруза. Для пограничников, которые будут у трапа, вы — моряки этого судна. Ясно?

Высокий пожал руку своему напарнику, сидевшему всю дорогу за рулем, и обратился к пленникам:

— Нам надо идти. Кстати, меня зовут Ричард Эршад. Я еду с вами дальше. Через несколько минут сюда привезут вашего соотечественника. Познакомитесь.

— Кто он? — спросил Мельников. Эршад пожал плечами.

— Не знаю. Мне о нем сообщили только что на борту корабля.

Они приблизились к трапу и, проходя мимо представителей пакистанских властей, по очереди предъявляли документы.

Безразличие на их лицах и быстрота, с которой соблюдались формальности, свидетельствовали о том, что создается только видимость контроля за отъезжающими из страны людьми. По длинному ступенчатому трапу поднялись на палубу.

— Какой порядок нашего нахождения здесь? Мы можем выходить из каюты? — спросил Мельников.

— Конечно, вы же свободные люди. В любое время можете выходить на палубу, гулять, дышать морским воздухом. Кстати, ваш соотечественник размещен через каюту справа. Если появится желание, можете пообщаться.

Эршад ушел. Верхнее место досталось Полещуку. Они выключили свет и уснули.

Их разбудил стук в дверь. Появился Эршад и пригласил на завтрак.

Умывшись, они вышли в длинный узкий коридор и по нему прошли, казалось, через все судно. Вскоре оказались в небольшом помещении, где было установлено три квадратных стола. Судно уже находилось в море, и его немного покачивало.

За первым столиком сидел мужчина. При появлении Ричарда, он встал. Ричард указал на него рукой:

— Вот, знакомьтесь, он тоже русский.

Стоявший у стола был высок, худощав и небрит. Одет в джинсы-варенки и темно-зеленую с короткими рукавами майку. Он первым протянул руку:

— Привет, мужики! Я Семен Бутчин. Как и вы, удачно рванул на свободу.

Мельников и Полещук пожали ему руку, но называть себя не стали.

Эршад заглянул в узкую дверь, ведущую в другое помещение, и что-то громко сказал.

«На английском шпарит», — отметил Мельников.

Через минуту вошли двое, в руках они держали подносы с едой.

Эршад вышел. Оставшись втроем, русские взялись за еду. Бутчин ел жадно и нахваливал завтрак:

— А что, мужики, ничего кормят на Западе. А? И вкусно — что надо! Нет, не скажите... житуха ждет нас шикарная. — Он потянулся за банкой с пивом и с шумом откупорил ее:

— Не пиво — клад. Умеют же делать.

Мельников изучающе поглядывал на Бутчина: на вид лет тридцать пять, глаза неопределенного цвета, бегающие, злые, острый кадык, волосы выющиеся, с большими залысинами, чуть картавит.

— Вы с оружием рванули, а? — спросил Бутчин и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Наверное, пришлось кое-кого кокнуть? И правильно. Рвануть из расположения части иначе и нельзя, надо часовых убрать. Я-то Советам и так нашкодил, что надо!

Мельников насторожился:

— А как нашкодил?

— По своей методе...

Капитан обратил внимание, что Бутчин даже от пива несколько окосел и пошел на хитрость. Протянул ему свою банку:

— На, пей, я не хочу.

— Во дает! От такого пива отказывается, — удивился Бутчин, но банку взял и, откупорив, сделал несколько глотков.

— Все же, а как ты из Союза рванул? — повторил вопрос Мельников.

— А я попросился в Афганистан помогать им социализм строить. Направили. Правда, долго муржили, резину тянули. Наверное, чуяли, гады, что могу выкинуть. Но я же за год работы уже передовиком у узбеков стал, даже в президиум на собраниях выбирали. Надо же! Вот и направили. А я шесть дней потрудился в Кабуле на домостроительном комбинате и подумал: «Сема, хватит, иначе или желтуху, или тиф подхватишь». А это же, сами знаете, не триппер. А? Вот я прямо со старого микрорайона вышел на джелалабадское шоссе, а там пешком в сторону Пули-Чархи и в горы. Как только встретился с бородатыми, руки вверх и кричу: «Я свой — шурави». Это так советский по-ихнему зовется. Я об этом в первые же дни после приезда в Кабул узнал. Они меня обшманили, правда, суки, весь аванс, который мне выдали в Кабуле, забрали. Хамло, скажу вам, а не бандиты! Обидели честного человека ни за что. Я даже начал подумывать, не рвануть ли от них. Но тут на отряд афганские силы напали. Бой начался, командир душманов прикрепил ко мне трех своих людей, они меня и повели. Три дня шли, и, наконец, я оказался в Пакистане, в Пешеваре.

Мельников, сделав наивное лицо, произнес:

— И ты считаешь, что таким образом насолил Советам?

— Нет, я им оставил память о себе. Долго будут получать от меня мою месть. Сделал, как надо! Дохнуть будут, как крысы, а отчего никто знать не будет.

— И что же это ты такое придумал?

— Ну, например, в квартире управляющего стройтрестом во время ремонта в штукатурку вклеил ампулу с радиоактивным веществом. Такую же отметину подкинул одному своему мастеру, Митькой его зовут. Он меня все воспитывал: «Возвращайся к жене, детям! Не бросай семью!» Какое ему дело до этого? Так я ему точно такую же козу заделал. Скоро у него не только стоять не будет, но и сам копыта отбросит.

— А где ты радиоактивные капсулы доставал?

— Друг у меня есть один Витька Рогов. Мужик — что надо! В доску свой. Он контролером на такой установке работает. Я когда в Пакистане рассказал о нем, то у этих господ аж глаза загорелись. Уж больно заинтересо-

вались им. Надо же! Даже я и то как бы в стороне: выкладывай им все о Рогове и все тут.

— Ну и кому ты еще такой подарок сделал?

— Для нашего дружного коллектива. В коридоре здания управления на втором этаже, где больше всего людей толпится, за панель сунул.

Вышли на верхнюю палубу — яркое солнце, слабый ветерок, свежесть. Встали у борта. Изумрудная вода легкими волнами уходила назад.

— Интересно, акулы здесь есть? — задумчиво спросил Полещук. И вдруг признался:

— Я впервые вижу море.

— Поэтому об акулах подумал? — спросил Мельников и добавил: — А может, искупаться решил?

Полещук оглянулся на отошедшего к корме Бутчина и с тоской произнес:

— Ты не представляешь, как домой хочется. Бросился бы в море и поплыл.

— С акулами наперегонки? — съехидничал Мельников. — Ты, браток, не забывай: мы с тобой — солдаты, и никто нас из армии не увольнял. Мы получили приказ и обязаны выполнить его. Пока мы одни, слушай еще один приказ. Когда будут спрашивать, нам придется открыться и назвать свои фамилии.

— На кой черт!

— Подожди, подожди, — оглядываясь, остановил его капитан, — это надо для того, чтобы они поверили нам. И еще, если нас разъедят, то запомни: к тебе могут обратиться и чтобы ты знал, что это свой, то подошедший к тебе человек по-русски спросит: «Сколько будет дважды два?» Твой ответ: «Семь». И если после этого человек произнесет: «Вы ошибаетесь — будет пять», то верь ему, он — свой. Все, что скажет, надо выполнять. Понял?

— Ага. А ты не знаешь, что происходит? Я чувствую, что нас вовлекают в какую-то игру, но что это за игра, не знаю.

— Мы должны разобраться, что за организация нас выкупила у душманов. Цели ее, замыслы, где еще наши люди есть.

Из двери палубной надстройки вышел Эршад.

— Мы с Володей гадали, куда же нас везут? Неужели это такой секрет?

— Ну почему секрет? Вот вы даже своих фамилий не хотите называть...

— Мы там, у душманов, не хотели называть, — Мельников посмотрел в глаза Эршаду. — Они над нами издевались, избивали, унижали, голодом морили. С какой стати после этого мы будем с ними разговаривать?

— А с вами, — Полещук решил поддержать товарища, — мы откровенны. Вот я, например, рядовой Полещук.

— А я — капитан Мельников.

— Ну, наконец-то, — облегченно вздохнул Эршад, — теперь я вижу, что вы деловые люди. Наш корабль сейчас находится в Оманском заливе. Завтра войдем в Персидский залив, но там обстановка почти военная, хоть и война кончилась. Если все будет нормально, то прибудем в Абу-Даби. Если же нас не пустят в Персидский залив, то корабль направится к берегам Омана, в порт Маскат. Там нас встретят, и мы узнаем, куда поедем дальше. Я сказал вам все, что знаю.

— Ричард, — по имени обратился к Эршаду Мельников, — скажите, кому и для чего мы понадобились?

— О, я сам многого не знаю. В мою задачу входило забрать вас в Пакистане и доставить или в Кувейт, или в Оман. Но вы не беспокойтесь, вас ждет шикарная жизнь. Вам будут хорошо платить, у вас появятся и дома, и автомашины, и красивые женщины. Это я точно знаю. Так что побыстрее набирайтесь сил.

Когда сухогруз подошел к горловине, ведущей в Персидский залив, путь ему преградил американский эсминец. Последовала команда застопорить ход. На борт сухогруза поднялась досмотровая группа, и вскоре капитан судна приказал держать курс на оманский порт Маскат.

Утром трое советских граждан в сопровождении Эршада прохаживались вдоль причальной стенки, и здесь их встретили двое мужчин. Они отошли с Эршадом в сторону и о чем-то негромко переговаривали. Эршад веселый возвратился к своим подшефным и облегченно произнес:

— Порядок, нас здесь ждали. Сейчас покормят, потом поедем дальше.

Вся процессия завернула за длинный, словно осевший в бетон пакауз, прошла через небольшую площадь и вскоре все оказались в уютном зальчике портового

то ли ресторана, то ли таверны. Для них был приготовлен стол.

Встретившие их мужчины не садились за стол, они на некоторое время вышли и возвратились, когда Эршад и его подопечные поели.

Затем молчаливая процессия последовала дальше. Где-то за третьим или четвертым пакгаузом их дождался микроавтобус с затемненными окнами. Машина попетляла между портовыми строениями и через ворота выехала на прекрасную автостраду.

Ехали не более часа. В окно увидели какой-то аэродром. Нет, это не был аэропорт, скорее всего он служил не для перевозки пассажиров, ибо стояли на нем небольшие самолеты, не было и здания аэровокзала. Микроавтобус приостановился у ворот, водитель предъявил двоим охранникам документы, те распахнули ворота, и машина вдоль кромки летного поля подъехала к небольшому двухмоторному самолету.

«Летим на Запад», — прикинул Мельников, когда самолет поднялся до нижней черты облаков, и попытался мысленно представить карту Африки, но познания этой части мира были у него слабые, поэтому капитан вскоре оставил эти попытки и задремал.

Было уже темно, но все равно, когда заходили на посадку, Мельников увидел воду. Он почти не сомневался, что это Средиземное море, но в какой части его они оказались, капитан не мог сообразить. Нельзя было исключать ни Ливан, где довольно вольготно чувствовали себя различные террористические группировки, ни Ливию, ни Тунис.

Прошло не менее получаса, когда к замершему в дальнем углу аэродрома самолету подъехал джип. Затем понадобилось еще не менее тридцати минут, пока Эршад и пилоты не закончили переговоры с прибывшими на джипе людьми. В конце концов, пассажирам разрешили покинуть самолет, и они, стоя у хвоста, ломали голову, куда их занесло на сей раз. Эршад вскоре тоже присоединился к ним. Бугчин тут же спросил:

— Мы уже на месте, или полетим еще?

— Здесь переночуем и завтра продолжим полет.

— Куда?

— Я еще точно не знаю, — уклончиво ответил Эршад. — Полетим в западном направлении.

— А сейчас где мы находимся? — чувствовалось, что неуравновешенный Бугчин начинал выходить из себя. Голос его звучал требовательно, с явным недовольством. Но и у Эршада настроение было не из лучших, а поэтому, словно отрубив, произнес:

— Вы слишком любопытный. Потерпите немного, и вам ответит тот, кто имеет на это право. Я же только ваш сопровождающий.

Полешук тихо сказал Мельникову:

— Мы в Александрии. Я слышал, как они в разговоре часто упоминали этот город.

Не отвечая, Мельников подумал: «А что? Вполне может быть. От Эр-Рияда мы двигались в основном на северо-запад, да и, судя по времени полета, расстояние преодолели более полутора тысяч». И, улучив удобный момент, сказал:

— Володя, не забывай все, что рассказывал Бугчин. Мы во что бы то ни стало обязаны сообщить нашим.

К самолету со светящимися фарами подъехал микроавтобус. В него сели и экипаж, и пассажиры. Машина быстро доставила их к аэровокзалу, на фронтоне которого парни прочитали название. Полешук не ошибся: они в Александрии. У здания аэровокзала пилоты вышли, а автобус проехал к дальнему крылу большого здания. Здесь Эршад предложил выходить. Душная ночь, дальний перелет сделали свое дело: хотелось спать и пить. Их провели на второй этаж, и в небольшой комнате, в которой стояли четыре кровати, застеленные простенькими, скорее всего солдатскими одеялами, Эршад произнес:

— Здесь и переночуете. Извините, поесть нам ничего не дадут, уже поздно. Туалет слева по коридору, питьевая вода в кувшине на столе. Спокойной ночи.

Чертыхаясь, начали устраиваться на ночь. Мельников и Полешук улеглись на койках, стоявших рядом, а Бугчин — на угловой, у двери. По очереди сходили в туалет. Мельников пошел последним. Когда возвращался, в коридоре с ведром в руках ему встретился араб. На довольно чистом русском языке произнес:

— Сколько будет дважды два?

— Семь, — почти без промедления ответил Мельников, и сердце у него учащенно забилось. Еще бы! В этом тайном месте и свой!

— Вы ошибаетесь, — улыбнулся араб, — будет пять. — И почти без паузы добавил:

— Возвратитесь в туалет, я приду следом.

ГЛАВА VII

Эдвард Геллан, он же Эванс, готовился к встрече с профессором Кресом. Никогда еще так не волновался опытный разведчик, как сейчас. Он не мог понять, почему так происходит, откуда такая нервозность и даже боязнь. Эдвард не очень боялся, что ученый его раскусит и поймет, что перед ним не тот человек, за которого он себя выдает. Чем он рисковал? Даже если профессор и поймет: его гость — дилетант в области парапсихологии или астрологии, то что здесь странного? Мало ли на свете журналистов, пишущих на незнакомые им темы? Что возьмешь с такого? Нет, с Эвансом творилось что-то невероятное. Особенно усилилось такое состояние после того, как он побывал в национальном музее, ознакомился с редчайшими экспонатами. Он словно беседовал с помощью какой-то сверхъестественной силы с Тутанхамом, вернее, его мумией. Некоторые предметы, которым тысячи лет, вдруг буквально человеческим голосом, неслышимым никем, кроме Эдварда, рассказывали ему о себе.

И вот следующий объект, куда хотел попасть мистер Эванс. В Гизу он направился на следующий день. Такси заказал прямо из гостиницы и, наверное, поэтому обслуживал иностранца водитель, неплохо владеющий английским языком.

Ехать было недалеко. Казалось, еще не выбрались из Каира, как Эдвард увидел пирамиды. Водитель худощавый, с небольшими усиками, лет сорока, по очереди указал пальцем на пирамиды и перечислил их:

— Та, которая левее — это Хеврена, та, что крайняя справа — пирамида Микерина, а самая большая, в центре — пирамида Хеопса.

Машина остановилась у подножья центральной пирамиды. Шофер подошел к девушке-экскурсоводу, вокруг которой толпилось десятка полтора людей, и о чем-то переговорил с ней. После этого он возвратился к машине, открыл заднюю дверцу и, поклонившись, произнес:

— Господин, вы можете пойти с группой экскурсантов, которую поведет вот эта девушка, я с ней договорился. Я вас буду дожидаться здесь.

— Благодарю, — Эдвард присоединился к группе экскурсантов.

Девушка, старательно выговаривая слова, пояснила:

— Эти пирамиды стоят в ряду семи чудес света. Египетская поговорка гласит: «Все на земле боится времени, но время боится пирамид». Люди на протяжении тысячелетий, еще со времен Геродота пытаются разгадать тайну этих творений рук человеческих. В наше время исследования поставлены на научную основу. Сейчас здесь работают ученые из Франции, Японии, Болгарии, Израиля и других стран. Впервые высота самой большой пирамиды Хеопса была измерена в начале четырнадцатого столетия. В то время, как свидетельствуют документы, дошедшие до нас, высота пирамиды составляла 146,6 метра. Как видите, она состоит из каменных блоков, каждый из которых весит три тонны и имеет объем около полутора кубометров.

Геллан все это уже знал и, в ожидании того момента, когда группа направится к огромному сфинксу, спустился к подножию пирамиды, прошел вдоль каменной громады, поднялся на один из блоков первого ряда и присел на втором ряду. Сразу же почувствовал тепло каменной глыбы. «Интересно, разгадают ли когда-нибудь люди, как строили пирамиды? Даже одну такую штучку доставить сюда — проблема. А как поднять? Говорят, что к пирамидам в древности вплотную подходили каналы с нильской водой. Значит, можно предположить, что камни египтяне могли доставлять и водным путем».

В этот момент Геллан увидел, как недалеко от него проходит к сфинксу его группа, и легко спрыгнул на песок. Они прошли мимо огромной трибуны, где, как объявила экскурсовод, ставилась опера «Аида». Это было грандиозное зрелище.

А вот и сфинкс. Огромнейшая фигура льва с лицом человека. Экскурсовод пояснила, что лицо принадлежит Рамзесу-II и неожиданно обратилась к Геллану.

— Скажите, мистер, вы не француз?

Прежде чем ответить, Геллан почему-то подумал: «Интересуется не француз ли я, а обращается «мистер».

— Я — американец. А в чем дело?

— Простите, — улыбнулась девушка. — Просто я хотела сообщить, что французы стреляли из пушки в сфинкса. Видите, на лице следы их ядер.

Она еще раз обратилась к Геллану:

— Я как-то рассказывала об этом группе джентльменов, а среди них оказался француз. Он очень обиделся после того, как я сообщила об этом, и даже не стал спускаться с нами в пирамиду. Итак, господа, я приглашаю вас к Хеопсу. Вижу, что оттуда вышла группа посетителей, теперь наша очередь.

Только теперь Эдвард присмотрелся к экскурсоводу. Прекрасно сложена. Веселые большие карие глаза, длинные зачесанные назад и собранные в пучок волосы. Когда она улыбалась, обнажались великолепные белоснежные зубы, которые обрамляли чуть припухлые свежие губы. «Размер груди номер три», — почему-то подумал Эдвард и вздрогнул, ибо девушка улыбнулась ему:

— Вы так на меня смотрите, словно мы уже встречались с вами. Мне тоже кажется, что мы где-то уже виделись. Но, извините, мистер, я никак не могу вспомнить, где и когда это было.

— Да, действительно, ваше лицо мне показалось знакомым, — солгал Эдвард и про себя чертыхнулся: «Со всем одурел, старый черт! Уставился на даму, словно приглашая ее в постель!»

Но тут же снова неожиданно для себя возразил:

«А почему бы и нет? Эта египтянка совсем недурна собой. Правда, моложе меня лет на пятнадцать». И опять внутренний голос возразил. «Ну и что? Что плохого было в том, если бы я ей понравился?»

К пирамиде они шли рядом. Эдвард спросил:

— Вы где учились?

— В Англии. Мой отец работал в Лондоне в египетском посольстве. А вы с какой целью у нас?

— Я журналист. Хочу написать о здешних достопримечательностях и... — Эдвард улыбнулся, — о красивых женщинах. Кстати, как вас зовут?

— Глория. А вас?

— Эванс. Эдвард Эванс. Я остановился в отеле «Каир».

— Это недалеко от моего дома.

— Ну вот и прекрасно. — Эдвард достал записную книжку, что-то написал, вырвал листок и протянул Глории:

— Это мой телефон. Если будет время, позвоните мне, поболтаем.

— Хорошо, — экскурсовод заглянула в бумажку, — мистер Эванс, я позвоню вам, если, кроме времени, у меня появится и желание поболтать с вами.

«Ух ты, какая независимая!», — подумал Эдвард, и, не сдержавшись, он озорно посмотрел на Глорию:

— У вас появится и время, и желание. Мне так кажется.

— Вы, что, предсказатель будущего? Ясновидец?

По узкой наклонной штольне Эдвард спускался за цепочкой людей вниз пирамиды Хеопса. Вдруг чей-то голос позвал его:

— Эдвард! — Эванс даже обернулся, но сзади с напряженным лицом, боясь оступиться на деревянных подмостках, двигалась пожилая женщина. И тут голос послышался снова:

— Эдвард, не стоит оглядываться. Впереди будет выступ, за ним поворот. Не обращай внимания на темноту, поверни в проход. Не беспокойся, никто не обратит на тебя внимания, все будут продолжать движение прямо. «Так это же голос Адамса», — покрываясь холодным потом, догадался Эдвард. Ноги его вдруг стали вялыми, и он почувствовал в коленках дрожь. Несмотря на то, что в глазах стоял туман, он четко увидел небольшой выступ, сделал несколько шагов и повернул налево в густую темень.

Вскоре оказался в небольшом квадратном каменном помещении. Высокие мрачные стены уходили высоко вверх, при неярком, рассеянном свете Эдвард потолка не увидел. Напротив входа чуть левее у противоположной стены четко увидел сдвинутую в полу большую каменную плиту, а рядом дыру. Вопреки своему желанию направился туда. Его нога нащупала совершенно невидимую ступень. Эдвард начал спускаться вниз. Впереди была узкая, уходящая в темень штольня. Голос Адамса приказал:

— Тебе — туда!

Трудно сказать, сколько времени длилось это путешествие в глубине пирамиды, прежде чем Эдвард ока-

зался в довольно просторном помещении. Свет — неземной, рассеянный, чуть серебристый. Эдвард, пораженный увиденным, остановился. Прямо в центре стоял Адамс. Он был одет в тот же костюм, в котором его хоронили. Рядом с Адамсом — какие-то люди, одетые в старинную одежду.

— Успокойся, Эдвард, — снова послышался голос Адамса, — все, что ты видишь, — не сон. Мы не хотим, чтобы жизнь на Земле так быстро оборвалась, и желаем, чтобы люди нашли выход. Помни, Земле угрожает катастрофа, и если она случится, то все живое исчезнет с нее. Торопись предотвратить это!

Трое незнакомцев начали медленно растворяться в тумане. Через несколько секунд перед Эдвардом остался стоять только Адамс. Он тихо произнес:

— Сегодня умрет моя жена. Я об этом говорил тебе в самолете девять дней назад. Помнишь?

— Да, помню, — ответил потрясенный Эдвард и совсем некстати спросил. — Откуда ты все это знаешь?

— Я перешел в мир иной, нахожусь в другом измерении, но интересуюсь теми, кто находился рядом со мной. Готовься, Эдвард, к трудностям, они ждут тебя. А сейчас иди к людям!

Эдвард ощутил сильное головокружение, глаза застилал туман, мысли стали вялыми, и он почувствовал, что тело начало перемещаться в пространстве.

Через некоторое время Эдвард уже стоял в каком-то помещении, а рядом люди, с которыми Эдвард начинал спуск в пирамиду Хеопса. Все рассматривали каменную гробницу, а экскурсовод говорила что-то об усыпальницах фараонов.

Эдварду было неинтересно, и он нетерпеливо посматривал на часы — скорей бы на свежий воздух. Чувствовал себя очень плохо.

В номере разделся и направился в ванную. Долго, пофыркивая, стоял под прохладным душем, словно пытаясь прогнать от себя тревогу и страх. Кому рассказать обо всем этом? С кем посоветоваться? И что это за чертовщина в конце концов? «А может, действительно у меня крыша поехала?!» — уже в который раз подумал он и быстро начал одеваться, ибо услышал, как часто и настойчиво звонил телефон. Эдвард набросил махровый халат, сунул ноги в тапочки и поспешил в спальню,

где на прикроватной тумбочке стоял телефонный аппарат.

— Милый, здравствуй! — услышал Эдвард голос жены. Поздоровавшись, он тут же спросил:

— Откуда ты звонишь?

— Не беспокойся, я помню. — Эдвард, давая Джанине номер своего телефона в гостинице, строго-настрого наказал ей с домашнего телефона не звонить. Поэтому, услышав от жены, что она помнит уговор, Эдвард мысленно похвалил ее. Джанина сообщила ему все семейные новости и вдруг спросила:

— Эдвард, ты помнишь Адамса?

— Конечно.

— Два часа назад умерла его жена. Ужас какой-то! Еще утром была здорова и весела и вот, на тебе! Не болела, ни на что не жаловалась... Я просто потрясена.

...Он заставил себя сесть в кресло и переодеться. «Поднимусь в ресторан, поужинаю, отвлекусь, — словно уговаривая себя, думал и вдруг вспомнил об экскурсоводе. — Стоп, а как же она? Вдруг позвонит?» И тут же вздрогнул: резко и неожиданно зазвонил телефон. Эдвард снова поднял трубку:

— Мистер Эванс? Вы были правы. У меня появилось желание позвонить вам.

— Прекрасно! — обрадовался Эдвард. — У меня предложение: давайте вместе поужинаем.

— Где?

— А где хотите. Как вариант, предлагаю ресторан отеля. Согласны?

— Хорошо. Вы так настойчивы, что я просто обязана откликнуться на пожелание гостя. Через час встречайте меня у входа в отель.

— Жду!

— Извините меня, Эдвард. Мне пришлось менять такси, первая машина неожиданно сломалась.

— Вы молодец, что пришли.

— А если бы не пришла? — кокетливо улыбнулась женщина.

— Вы не могли так поступить.

— Это почему же?

— Я вас очень ждал... Не знаю почему, но, честное слово, очень хотелось, чтобы вы позвонили.

— Вот я и позвонила.

— Поэтому и молодец. — И почти без паузы предложил. — Глория, у меня два предложения. Первое — посидеть в ресторане. Второе — поужинать в номере.

— Считаю, что лучше первый вариант. Кстати, оттуда прекрасный вид на Каир, и я помогу вам кое-что увидеть.

— С удовольствием, — скрывая некоторое разочарование, произнес Эдвард. Он взял ее под руку, и они, войдя в отель, направились к лифту.

Ресторан находился на последнем этаже высотного здания, и вид на Каир открывался прекрасный. Миллионы огней, словно маленькие светящиеся жучки, рассыпались далеко внизу.

— Вы, наверное, специально заказали этот столик? — Глория кивнула на рядом расположенное окно, через которое была видна панорама города.

— Честно? Нет, не заказывал. Я надеялся, что мы будем ужинать у меня в номере.

— Но оттуда нет такого вида на город. Представьте себе, мы в каком-то сказочном корабле медленно плывем над Каиром.

— А почему сказочном?

— Станный вы, Эдвард. Ведь совершенно не слышно гула двигателей. А какой самолет, если у него нет двигателей, не сказочный? Или вы в силах убедить в обратном?

— Я против вас бессилен, — кротко улыбнулся Эдвард и с трудом оторвал глаза от чуть обнаженной груди дамы. «Точно, грудь у нее третьего размера, хоть измерь!» — почему-то опять подумалось ему и, боясь, что Глория обидится на его довольно бесцеремонный взгляд, повернул голову к окну. Свет в зале уменьшился, и панорама города стала еще ярче.

Официант, здоровенный араб, принес заказ.

Глория не возражала против виски с содовой и льдом. Пригубила свой бокал и спросила:

— О чем вы хотите написать?

— У меня целая серия заданий. Например, рассказать об одном из семи чудес света — пирамидах. Хочу лично познакомиться с людьми, утверждающими о жизни в мире ином, о нечистой силе.

Эдвард вдруг улыбнулся:

— О красивых девушках Ближнего Востока. Вот возьму и расскажу о вас...

— Обо мне? А чем я примечательна?

— Вы красивы...

Глория покраснела и возразила:

— Ну даже если это так, то красоты, привлекательной внешности явно недостаточно, чтобы стать героиней вашего рассказа.

— Но вы по-моему, кроме красоты, обладаете еще и умом, добротой. Не буду же я писать о злых людях.

— Нет на свете злых людей, Эдвард. Есть злые тени людей. Берегитесь их, ибо исчезнувшие звезды нередко оставляют после себя негреющий человеческие души свет.

— Вы это хорошо сказали. Давайте же выпьем за тепло сердец человеческих.

— Да, пусть они будут звездами, излучающими и дарящими людям и свет и тепло.

Геллан чувствовал к Глории все большую симпатию, и дело не только в виски, которое она предпочла легкому вину. Он все больше убеждался, что Глория умна и образованна. Она всерьез занималась НЛО, и в этот вечер Эдвард услышал от нее очень много нового и полезного для себя. Ее рассказ начался с его вопроса о том, для чего понадобилось французам стрелять из орудий по сфинксу?

— Я, думаю, что это элементарное хулиганство. К сожалению, такие повадки люди приобретают гораздо быстрее, чем познание о нашем мире, культуре, даже не задумываясь, кто мы и как появились на Земле.

— А вы верите в то, что все мы произошли от обезьян? — с улыбкой спросил Геллан.

— О нет. Считаю версии о таких эволюциях несерьезными. Я уверена, что мы, люди, оказались на Земле как пришельцы. Не спорю, может и случайно, скажем, в результате катастрофы межпланетного корабля. Поэтому и развитие человечества происходило такими трудными этапами, так как пришельцам пришлось все начинать сначала, не имея ничего: ни инструментов, ни приборов, ни возможности зажечь костер. Вот вы, Эдвард, спрашивали о Сфинксе. А вы знаете, лично мне очень импонирует мнение, высказанное многими учеными, в том числе американцем Стоуном, ливийцем Кресом, русским Рома-

новым. Они считают, например, что большой Сфинкс скульптурный портрет инопланетян, которые, возможно, соорудили и Сфинкса, и пирамиды.

— Я встречался со Стоуном, он почему-то не говорил об этом.

— Возможно, вы не вели разговор на эту тему, или просто времени не хватило. У меня есть его книга «Человек на Земле — космический гость». Там он об этом пишет. Ученые всего мира бьются над загадкой прошлого, как могли люди, не умеющие ни писать, ни читать, ни решать математические задачи, создавать такие сооружения, которые и сейчас представляют собой верх архитектурной мысли, причем они скрывают в себе ориентацию относительно Солнца, Луны и звезд на небе. Скажите, могли ли такое сотворить люди без огромных знаний? Я согласна с теми учеными, которые считают, что эти сооружения и есть материальное подтверждение того, что Землю посещали посланцы других миров.

Глория замолчала, потянувшись к сумочке и, достав сигарету, вопросительно посмотрела на Эдварда. Тот смущенно начал искать глазами официанта. Эдвард не курил и, конечно, ни спичек, ни зажигалки у него не было. Глория улыбнулась:

— Я знаю, что вы не курите. Не возражаете, если я закурю?

— Нет, нет, пожалуйста.

Она достала зажигалку и закурила длинную и тонкую шоколадного цвета сигарету.

— Не утомила я вас своим рассказом?

— Что вы, Глория! Я вас очень прошу, продолжайте.

— Хорошо. Анализируя древние сооружения, вернее их местонахождение и внешние особенности, ученые и, по-моему, об этом первым заявил русский ученый Романов, свидетельствуют о символизации параметров Солнечной системы и сигнализируют о том, что инопланетяне оставили на Земле информационную капсулу. Я уже вам говорила о работах ливийского профессора Креса. Правда, он такой же ливиец, как вы, скажем, немец, Крес, по-моему, родился в Англии. Так вот, он доказывает именно это. Люди должны с помощью анализа внешних особенностей древних сооружений, их координат получить сведения о местонахождении на Земле информационной капсулы. Лично у меня появляется зуд

искателя, и мне хочется броситься на поиски капсулы.

Эдвард понял, что Глория закончила рассказ, и, достав небольшую записную книжку, попросил:

— Повторите, пожалуйста, фамилию этого профессора. Я хочу встретиться с ним. Вы мне подсказали прекрасную тему. Я обязательно напишу об этом.

— Профессор Леонард Крес. Известный ученый и действительно интересный человек. Живет он в Бейруте. Но сейчас там неспокойно.

— А где сейчас спокойно? — улыбнулся Эдвард. — Я постараюсь встретиться с ним.

— Возьмите меня с собой, вдруг пригожусь вам как переводчик.

— С удовольствием.

Геллан действительно был рад, Местная переводчица — что может быть лучше для прикрытия?

Он наполнил бокалы и предложил:

— Ну что, за наше сотрудничество?

— Да.

Глория оказалась очень общительным человеком и откровенно говорила обо всем. Рассказала, что успела побывать замужем, но муж погиб в авиакатастрофе, и она живет в собственном доме в центре Каира. Отец, отставной дипломат, и мать живут на своей вилле недалеко. Проведение экскурсий — это скорее хобби, чем работа, возможность совершенствовать французский и английский языки.

Геллан был очарован, и сейчас в его голове засела только одна мысль: как заманить эту красавицу к себе в номер. После очередного тоста Эдвард прикоснулся к руке дамы:

— Глория, не считите за наглость, но как вы отнесетесь к тому, что я вас приглашу в номер, выпьем кофе, поболтаем без посторонних глаз? Мне не очень нравится, что на вас так таращат глаза мужчины, сидящие за соседними столиками.

— Ну и пусть таращат, — весело ответила Глория, — мне совсем неплохо с вами.

— Спасибо, но в номере мы себя будем чувствовать уютней.

— В большей безопасности?

— Что касается меня, — Эдвард, смеясь, кивнул головой в сторону соседних столиков, — то, конечно.

— Что поделаешь, в таком случае, придется согласиться.

Не мешкая, Эдвард подозвал официанта, рассчитался с ним и сделал заказ в номер. Они направились к выходу.

Эдвард занимал небольшой, но уютный двухкомнатный номер на восьмом этаже.

Они устроились на низких мягких креслах у журнального столика и продолжили разговор. Эдвард сидел у окна. Глория, поднявшись, приблизилась к окну, в задумчивости произнесла:

— Люблю ночной Каир. В такое время он менее суматошный и не такой крикливый. — Эдвард неожиданно для себя взял ее ладонь. Глория не воспротивилась, не убрала руку и даже, как ему показалось, ответила еле заметным пожатием. Он встал и притянул ее к себе. Глория была покорна. Эдвард почувствовал мелкую дрожь ее тела, упругость груди, теплое дыхание и поцеловал приоткрытые губы. Она обмякла в его объятиях.

Глория не стала оставаться у него до утра. В три часа ночи он провел ее к выходу, где она взяла такси, а Эдвард, довольный, пришел в номер и завалился в измятую постель. Засыпал он с улыбкой.

Уже начинало светать, как словно по чьей-то команде, Эдвард вздрогнул и открыл глаза. На небе появилась светлая полоска. У кровати на мягком пуфике сидел Адамс. Леденящий покой и в глазах, и на лице, та же узкая морщинка, изображающая улыбку.

— Адамс! За что ты меня преследуешь?! — взмолился Эдвард. — Ты не можешь простить меня из-за жены?

— Она вчера умерла.

— Я знаю. Мне звонила Джанина.

— Ты едешь в Ливан?

— Да, но сначала хочу съездить в Асьют, повидаться с девушкой, которая якобы встречалась с инопланетянами.

— Ты хочешь взять с собой в Ливан Глорию?

— Если поедет, то, конечно, возьму.

— Она красива... красивее и твоей, и моей жены... по не бери ее, Эдвард.

— Почему?

Адамс посмотрел в окно:

— Светает, мне пора. Не бери...

Адамса Эдвард больше не видел. Некоторое время он продолжал сидеть в той же позе, тупо глядя в противоположный угол, затем издал что-то похожее на стон и упал на подушку.

Он заснул, но блаженного выражения лица и улыбки уже не было.

ГЛАВА VIII

К вечеру машина Майера остановилась у массивных деревянных ворот дома Рахматулло. Хозяин встретил гостя лично, учтиво, с поклонами пригласил в дом. В большой комнате на первом этаже все сверкало чистотой. Огромные толстые ковры на полу и на стенах, добротная мебель, даже необычные для мусульманина картины, свидетельствовали о достатке хозяина дома. Молчаливый то ли слуга, то ли охранник принес большой поднос с яствами. Рахматулло, облокотившись на широкую спинку кресла, сказал:

— Как я вам и говорил в прошлый раз, мои люди доставили из Афганистана еще двоих советских солдат.

— Вы продадите их мне?

— А вы сможете их вывезти из страны?

Майер задумался, если бы он мог доставить этих парней в советское посольство, то он тотчас же согласился бы:

— Нет, уважаемый Рахматулло, вывезти этих людей из Пакистана я не смогу. Я согласен заплатить тому, кто сделает это.

Рахматулло молчал. Майер чувствовал, что его гложет какая-то мысль. Вскоре это подтвердилось.

— Господин Майер, — после очередного тоста обратился Рахматулло, — вы бизнесмен и, я думаю, могли бы оказать мне и моим людям услугу. Естественно, не бесплатно.

— Я всегда рад быть вам полезным, уважаемый Рахматулло. Слушаю вас.

— Вы, конечно, знаете, что в Панджшере имеются большие запасы лазурита?

— Да.

— Ахмад Шах Масуд, полевой командир, его называют командующим фронтом, полностью контролирует этот район. Нам удалось организовать добычу не только лазурита, но рубинов и изумрудов. Здесь, в Пакистане, охотно покупают их. Скажу честно, я доверяю вам и согласен за помощь в их реализации платить доверием и делиться драгоценностями. Я предлагаю вам сотрудничество в этом выгодном бизнесе.

— Интересное предложение, — задумчиво произнес Майер, наполняя рюмки.

Он видел, что Рахматулло быстро пьянеет, и этот редкий случай нельзя было упустить. В такой момент отказываться от оказания помощи в реализации драгоценных камней было бы ошибкой. Майер спросил:

— У вас большая партия?

— Господин Майер, речь идет о постоянном сотрудничестве в течение многих лет.

— О, тогда это серьезно. Я посоветуюсь с верными людьми. Думаю, мы сойдемся.

— Конечно. Тогда вам незачем будет возиться с таким товаром, как пленные. Через три недели я жду поступления партии лазурита из провинции Бадахшан. Там есть месторождение «Саре-Синг». Не слышали? В тех местах недавно шли крупные бои, об этом писали пакистанские газеты.

— Нет, я в это время не был в Пакистане.

— Мы сейчас готовим операцию в Кундузе. Там храним в надежном месте предметы, имеющие большую историческую ценность, например, коллекцию свитков пятого-шестого веков. Представляете, сколько за них можно получить?

Майер видел, что Рахматулло опьянел и ему очень хочется похвастаться. Подыгрывая ему, спросил:

— А что еще у вас бывает?

— Многого бывает. Трудно доставлять. В том же Кундузе у нас хранится скульптурная композиция Будды, стоимостью около ста миллионов долларов. Представляете? Сто миллионов долларов! Я хочу доставить ее этим же караваном.

По выражениям «ценная коллекция», «композиция» Майер сделал вывод, что этот полуграмотный командир отряда действительно занимается не только боевыми действиями, но и набил руку на вывозе национальных

богатств за пределы Афганистана. И снова, уже в который раз, налил виски:

— За ваше здоровье, уважаемый Рахматулло, — ему не терпелось завести разговор о пленных, но нельзя было торопить события. И Рахматулло не заставил гостя долго ждать. Он поставил пустую рюмку на стол и, положив в рот дольку мандарина, произнес:

— Если вы согласитесь нам помогать, то я могу вам подарить этих двоих «шурави».

— Кто они?

— Солдаты. Я с ними даже не разговаривал еще, времени не было. Мне сказали, что они долго не соглашались сотрудничать с нами. Поэтому находились в одном из наших боевых отрядов в горах. Конечно, жизнь в таких условиях на пользу не очень идет. Они долго болели, похудели, но не наша вина в этом.

Майер, после небольшого вступления, задал один из главных своих вопросов:

— Дорогой друг, я рад, что мы подружились и можем так друг друга называть. Я благодарю вас за откровенность.

— Что вы! Я горжусь дружбой с вами, господин Майер.

— Спасибо. За это можно и выпить, — Майер разлил в рюмки остатки виски и, выпив, спросил:

— Кстати, скажите, кому вы так успешно продаете своих полуживых пленных? Меня это интересует с точки зрения перенятия опыта вывоза товара из Пакистана, который наверняка пригодится и в нашем совместном деле — бизнесе с драгоценными камнями.

— Я расскажу вам все, что знаю. Между нами, друзьями, после сегодняшней встречи нет никаких тайн. Это очень крупная международная организация. Я слышал, что во главе ее стоит очень богатый и могущественный человек. Организация имеет свои филиалы во многих странах мира.

— В том числе и в Пакистане?

— Да. И в Пакистане, и в Ливане, и во многих других странах Востока, Азии, Африки, Америки.

— А чем занимаются люди этой организации?

— Они очень интересуются русскими и американцами, да и не только ими. Охотно покупают англичан и французов, даже китайцев.

— А для чего они нужны этой организации?

— Не знаю. Но вам говорю правду. После последней нашей встречи ко мне приезжал один из представителей этой организации. Он пообещал мне большие деньги за информацию о пакистанском ядерном центре. Я сначала подумал, а не из Америки или Советского Союза он? Но потом, когда мы разговорились, понял, что ему выгодно, чтобы я считал его американцем или русским. Я уверен: он — араб, знает иностранные языки, в том числе пушту, английский и, по-моему, русский. Этот человек добивался от меня, кого я знаю на совершенно секретном объекте в Кахуте — это как раз то место, где пакистанцы создают свою ядерную бомбу. Я ответил, что там нет моих людей, тогда этот человек начал меня уговаривать устроить кого-либо из пакистанцев туда на любую работу или установить знакомство с кем-либо из работающих там...

Рахматулло на некоторое время замолчал, а затем произнес:

— В этот момент мне показалось, что араб сумасшедший. Чем больше он говорил на эту тему, тем страшнее делалось его лицо. Глаза горят, говорит быстро, иногда даже шепотом, заговаривается. Видит аллах, он одержимый! Господин Майер, а что если у них все так-кис?!

— У кого у них? — сделав наивное лицо, спросил Майер.

— Ну, у тех, кто входит в эту организацию.

— Зачем же им советские солдаты, они же не могут работать в Пакистане, тем более, в ядерном центре?

— Не знаю, уважаемый, но я немало прожил на этой земле и кое-что научился узнавать, беседуя с людьми. Поверьте, у меня был страшный человек, а с таким могут дружить только очень плохие люди.

— Неужели он не сказал, какую организацию представляет, или хотя бы из какой страны прибыл?

Рахматулло хитро улыбнулся:

— Я вижу, он вас заинтересовал.

— Конечно. Я всегда стараюсь получить подробную информацию о своих конкурентах, тем более вы рассказывали о том, что эта организация интересуется ядерным центром. Не знаю, но, мне кажется, вы обязаны сообщить об этом пакистанским властям.

— Не хочу я в эти дела ввязываться. Для меня главное — мое дело. Так вы согласны на мое предложение?

— Оно интересное. Думаю, что я просто обязан принять его, но не вмешается ли в это дело конкурирующая организация. Ответьте мне прямо, уважаемый Рахматулло, неужели вы, такой умный руководитель, не знаете, кто ведет с вами дело?

— Человек, который был у меня, называл несколько стран.

— Какие?

— Ливан, Египет, несколько раз Марокко, Мексику. Но сам он, как я понял, собирался вылететь то ли в Оман, то ли еще куда-то. А теперь хочу ответить на ваше предложение сообщить о нем пакистанским властям. Как рассказывали доверенные люди, контролирующие подходы к моему штабу, за этим человеком ведут наблюдение пакистанские службы безопасности.

— Вот как?! Ну тогда я позволю себе еще раз посоветовать вам сообщить о его интересе к ядерному центру пакистанским властям. Дорогой Рахматулло, а что если этот человек, чье имя вы не хотите мне называть, выполняет задание тех же властей, и они, скажем, проверят вас? Извините меня. Но я — ваш друг и должен предостеречь.

— Благодарю вас, друг мой. Я, наверное, поступлю так, как вы советуете. Если они играют со мной, то дорого заплатят за это. — Рахматулло неожиданно скрипнул зубами и гневно сверкнул глазами.

— Что вы им сделаете? — с безнадежностью в голосе произнес Майер и махнул рукой. Майер шел ва-банк. Сейчас наступил такой момент, когда стоило рискнуть. Рахматулло был по-настоящему пьян и разъярен и, кто знает, когда может появиться такая возможность снять важную информацию.

— Я многое могу, да и знаю о них немало. Вот вы даже и не представляете, как можно вывезти советских людей из этой страны, а люди этой организации делают это без всяких проблем. Я знаю, кто им помогает и сколько они за это платят. Так что не меня надо проверять, а этих людей.

Рахматулло так разволновался, что в горячке ляпнул:

— Мне все нашептывают, намекают: «Бойся Керима! Бойся Керима!» А чего мне бояться? Я и сам не раз со

смертью сталкивался, под пулями по земле бегал и ползал. Аллах видит, я не из тех, кто боится. Я и сам могу кого следует на небеса отправить.

— А кто такой Керим?

Рахматулло недоуменно посмотрел на гостя и, поняв, что сболтнул лишнее, махнул рукой:

— Ладно, скажу. Действительно, что мне бояться!

«А ведь боится-таки!», — подумал Майер и произнес:

— Мне-то они действительно ни к чему. Разве только знать, откуда ветер может подуть. Как говорят у меня на родине: «Неожиданный ветер опаснее ожидаемой бури».

— Абдулла Керим является руководителем этой фирмы. Лично я его ни разу не видел, но его имя вызывает и ужас, и уважение представителей фирмы.

— А где находится ее штаб-квартира?

— По-моему, главные центры в Ливане или в Марокко. Это они держат в секрете. Вот, скажем, вы открыто дадите мне адрес своей фирмы, телефоны, а они этого никогда не делают. Мои друзья, которые кое-что знают об этой фирме, называют и такие страны, как Мексика, Бразилия, Боливия, Чад, Нигерия, Судан...

— Ого! Полмира!

— Да, да. У них везде свои опорные базы, или фирмы. Они, повторяю, — Рахматулло пьяно приложил палец к губам, — расставили свои сети во многих странах. Говорят, у них есть все: и деньги, и оружие, и техника. Они смогли даже погреть руки на войне в Персидском заливе. Иракские войска оставили много боевой техники, а Керим смог наиболее современную приобрести. У меня его люди просят продать «Стингеры».

— А для чего им нужны ракеты?

— Не думаю, чтобы приветы Аллаху посылать. «Стингером» можно только одно делать, — и Рахматулло молитвенно сложив руки, посмотрел вверх. — Если вы задержитесь до завтра, то я познакомлю вас с моим человеком, который сможет вам немало рассказать о людях Керима.

— А где этот человек?

— Он уже в Исламабаде, завтра будет здесь. Вам, моему другу, скажу: он ездил во Францию с партией лагури. Видите, как мне приходится рисковать людьми. Если моего человека схватят где-либо на границе, то и его, и меня, конечно, если он окажется не мужичпой,

ждут большие неприятности. А если у него будут и наркотики, что тогда нас ждет? Надеюсь, понимаете?

— Может, не стоит рисковать еще и наркотиками?

— Надо рисковать. Стоят наркотики много, а деньги нам нужны. Вы, конечно, не захотите мне помочь в бизнесе наркотиками?

— Для меня это неожиданно, да и не занимался этим ни разу.

— Господин Майер, а какие позиции у вас в Канаде?

— В каком смысле?

— У вас есть там надежные люди?

Майер хотел ответить сразу же отрицательно. Не хватало ему еще и наркотиков, но, поразмыслив, решил не торопиться. Спросил:

— Для чего вам это? Мне легче будет сориентироваться, подходят ли мои знакомства для ваших целей.

— Хорошо, я скажу. Дело в том, что через Советский Союз мы направили партию наркотиков, получить коптейпер должны в Канаде. А вот курьер, которого я направил туда, попался на таможне. Ишак, он взял с собой без моего разрешения немного героина, который и обнаружили.

— Так он же все расскажет канадской полиции.

— Э, нет, — прервал Майера Рахматулло, — он не посмеет этого сделать. Здесь остались его родители, жена и пятеро детей.

— Есть у меня в Канаде два надежных человека. Правда, не знаю, может они в отъезде? Короче говоря, сейчас запишу сведения о вашем человеке.

Рахматулло заколебался, но виски явно придало ему смелости и решительности. Он встал и направился в соседнюю комнату, а когда вышел, то в руках держал небольшой блокнот:

— Записывайте.

Он продиктовал, а Майер, делая вид, что сильно пьян, записал в свою записную книжку.

— Я готов платить любой валютой, даже золотом, если вы, господин Майер, сможете предупредить этого Кейнса о том, что контейнер с изюмом прибывает в Канаду на его имя.

— Хорошо, уважаемый Рахматулло, я постараюсь вам оказать помощь. По возвращении во Францию, сразу же

направлю в Канаду верного человека, он найдет вашего друга и все сообщит.

— Прекрасно! Завтра я дам вам пароль, чтобы мой человек поверил вашему гонцу.

Проснулся Майер в десятом часу. Утомительный перелет, тряска в автомобиле, выпитое виски утомили его. И поэтому Майер встал гораздо позже обычного. Рахматулло уже дожидался его к завтраку.

Майера, когда они устроились за столом, беспокоила мысль, не забыл ли хозяин о своих вчерашних обещаниях?

Рахматулло, в отличие от хорошо отдохнувшего Майера, выглядел уставшим. Очевидно, чрезмерная доза сказалась, и он плохо спал. Но это не мешало ему улыбаться и быть разговорчивым:

— Мой человек приехал утром из Исламабада и, если не возражаете, я сразу же после завтрака представлю его вам.

Майер решил сделать вид, что он не помнит, что это за человек и недоуменно спросил:

— Я-то его знаю?

— Нет, конечно, — улыбнулся Рахматулло, — он может вам показать в Карачи и Пешаваре дома, где проживают люди Керима. Знает и в Исламабаде, где находится их штаб-квартира. Об этом мне только что сказал.

Майер весь напрягся:

«Черт возьми! Неужели я допустил промашку и был чрезмерно любопытным, если даже будучи поддавшимся, Рахматулло заметил мой интерес к Кериму?» С сомнением в голосе произнес:

— Право, даже и не знаю, нужно ли мне терять время на этого Керима? — и, улыбнувшись, продолжил. — А может, хватит и того, что буквально из-под его носа перехватил русских, которых вы мне подарили?

— Как пожелаете, господин Майер. Но поверьте мне, вы зря недооцениваете Керима и его людей. Вам еще не раз придется слышать о нем, а может, и сталкиваться с его представителями.

В комнату вошел высокий худощавый мужчина. Бросил короткий взгляд на Майера и поклонился Рахматулло, который кивнул на стоявший недалеко стул.

— Проходи, Мирзокарим, садись. Этот господин — мой гость.

Рахматулло кивнул головой в сторону Майера и продолжал:

— Я ему рассказал о Кериме и его людях. Слишком они пристают к нам. Завтра покажешь ему дома, где находятся их люди?

Мирзокарим встал и, сделав поклон, молча вышел.

Рахматулло, обращаясь к гостю, сказал:

— Уважаемый господин Майер. Вы можете смело довериться мне. Сделаю все, что смогу. Аллах свидетель, что говорю правду, и пусть он покарает меня, если окажусь предателем! Не хочу скрывать от вас ничего. Вы согласились быть моим компаньоном и помочь наладить продажу драгоценностей. Мы бедные люди и очень нуждаемся в деньгах. Надеюсь на вашу помощь и в Канаде, не знаю, как это объяснить, но чувствую, что вас должен заинтересовать и Керим. Единственное, о чем вас прошу, не вздумайте вступать с его людьми ни в какие сделки. Поверьте мне: будете жалеть об этом так же, как теперь жалею я. У них в голове не бизнес, а что-то другое, скорее всего политика, притом странная политика, ибо они скрывают свои цели.

Майер, конечно, понимал, что он здорово рискует, но важность информации, которую он получал, трудно переоценить. Надо было рисковать, и он принял решение продолжать игру.

— Не скрою, для меня ваши предложения были неожиданными, а желание рассказать о Кериме и его организации даже вызвало удивление. Но теперь я вижу, что вы обеспокоены действиями людей Керима и хотите ограждать меня от возможных неприятностей. Благодарю вас, уважаемый Рахматулло. Так поступают только настоящие друзья. Значит, если люди Керима проявят враждебность в отношении вас или меня, мы будем действовать сообща и защищать друг друга. Так я вас понимаю?

— Да, я так и думал, господин Майер, и вы все очень правильно сказали. Если мы будем поддерживать друг друга, то оба будем в выигрыше.

— Я тоже так считаю.

— Мирзокариму я поручу отвезти в Исламабад подаренных вам советских солдат, там он вам покажет, где находится штаб-квартира Керима.

— Да, но куда я дену этих солдат?

— Ну у вас же есть в Исламабаде свои люди. Я помню, как-то раз мы возили по вашей просьбе туда пленных. Пусть о них позаботятся и сейчас. Не держать же мне их здесь. Сами понимаете, гонцы Керима не дадут мне покоя, когда пронюхают, что они здесь.

Потом Майер вместе с Рахматулло и Мирзокаримом съездили на их автомашине в центр города, где несколько раз проехали по тихой улочке, осмотрев довольно большую виллу, упрятанную в густую зелень деревьев и кустов.

...Майеру опять приходилось спешить, от Карачи до Исламабада не менее 800 километров. Надо было успеть до ночи.

Выбрав пустынное место, полковник свернул с дороги и заехал за небольшую сопку. Вышел из машины и, разминаясь, прошелся в обе стороны. Все спокойно, с дороги машина не видна. Кустов подошел к машине, сел за руль и достал блокнот. Быстро подготовил текст шифровки и внимательно перечитал:

«Рахматулло сообщил: первое, в провинции Кундуз душманы, подчиненные ему, хранят в одной из пещер коллекцию свитков пятого-шестого веков, а также скульптурную композицию Будды, стоимостью около ста миллионов долларов. Второе. Через СССР из Афганистана в Канаду следует контейнер с изюмом. В контейнере — героин. Третье. Через три недели из Афганистана в Пешавар должен прибыть караван с драгоценными камнями.

В связи с тем, что я был вынужден принять предложение Рахматулло по оказанию помощи по реализации драгоценностей и наркотиков, очень важно перехватить их и эти факты придать гласности, что позволит мне не ввязываться в эти дела».

Кустов посмотрел на часы. Время выхода в эфир приближалось. Он решил другую часть информации, касающуюся Керима и его организации, передать позже и начал готовиться к сеансу. Достал из-под переднего щитка какую-то деталь, затем вторую — из магнитофона, соединил их между собой небольшим проводом, а затем все это через короткий шнур включил в радиоприемник. Настроил на нужную волну и стал следить за секундной стрелкой. Время. Спутник проходил над местом, где находился Кустов. Информация, спрессованная специаль-

ным электронным приспособлением, была выдана спутнику за считанные секунды.

Вскоре господин Майер как ни в чем не бывало продолжал свой путь.

В Исламабаде у него было очень много работы. Не заезжая в офис своей фирмы, Майер, убедившись, что за ним нет слежки, занялся поиском новых почтовых ящиков для связи с агентурой. Тень предателя Анохина скользила где-то рядом, напоминала об опасности.

Кустов нашел небольшое углубление в дереве, почти вплотную стоявшем у дувала. Ни ребенок, ни взрослый не мог пройти между стволом дерева и дувалом, а со стороны улицы углубление видно не было. Вторым местом, которое вполне подходило для хранения небольшой передачи или записки, оказалось обыкновенное дупло стоявшего у проезжей части дерева, а третьим — ограда какой-то мечети. В одном из металлических столбов на высоте два метра было небольшое отверстие и, если туда опустить сообщение на темной нитке, то только роковая случайность может выдать тайник.

Уже поздно вечером Майер встретился со связником местного резидента. Полковник передал приказ: к утру подготовить спецгруппу, которая под крышей частной фирмы получит от людей Майера двух советских солдат.

Уставший, еле передвигая ноги, Майер прибыл в свою штаб-квартиру поздно ночью. Сбросил потную одежду и бултыхнулся в прохладную воду бассейна. Можно было спокойно проанализировать обстановку. Почему Рахматулло так настойчиво подсовывал ему Керима и его организацию, словно знал душманский главарь, что именно этой организацией интересуются разведки сверхдержав? Это странно здесь, на Востоке, где нередко узнаются мысли и намерения человека по одному неосторожному взгляду, движению бровей, выражению лица.

Ровно в одиннадцать часов в офисе фирмы экономической информации раздался телефонный звонок. Майер поднял трубку и услышал голос Мирзокарима. Тот сообщил, что он уже в Исламабаде.

— Вы привезли этих людей? — поинтересовался Майер.

— Да, они в машине.

— Их охраняют?

— Да, да, конечно. С ними шофер и еще один мой человек.

Уточнив, где находится Мирзокарим, Майер пообещал в течение получаса подъехать к нему, а сам тут же сел в автомашину и направился к торговому кварталу. У небольшого магазина, где продавались автомобили, он чуть притормозил. К машине подошел средних лет пакистанец. Майер сказал ему несколько слов и поехал дальше.

Кустов прибыл к условленному месту ровно через тридцать минут после разговора по телефону. К машине подбежал Мирзокарим. Его вид — бледное лицо, дрожащие руки и даже слезы на глазах — Майер воспринял с удовлетворением.

— Господи, саиб... беда! — выдохнул Мирзокарим.

— В чем дело?

— Дожидаясь вас, я на несколько минут отлучился от машины, а когда возвратился, то в машине обнаружил связанных водителя и охранника, а русских — нет.

— Как нет?! — Майер выскочил из машины.

— Саиб, прошу вас, не гневайтесь, не подумайте, что это я подстроил. Клянусь Аллахом, я не виноват!

— Где ваша машина?

— Там на пустыре.

— Пошли.

Мирзокарим мелко засеменил впереди, постоянно оглядываясь на Майера. Он был раздавлен и, казалось, вот-вот умрет от страха. За такой промах Рахматулло по головке не погладит, он во гневе страшен и беспощаден.

Они прошли через небольшой пустырь, на котором стояли палатки кочевников, и оказались у длинного высокого дувала, где стоял джип «Ниссан». На заднем сиденьи со связанными руками, дрожащие от страха — афганцы.

— Развяжите их, — приказал Майер Мирзокариму. — Пусть успокоятся и расскажут, что произошло.

Шофер и охранник, волнуясь и заикаясь, сообщили, что, когда Мирзокарим в ожидании Майера вторично отошел от них, к джипу неожиданно подъехали две автомашины. Из них выскочили какие-то люди в масках, направили на шофера и охранника автоматы и пистоле-

ты, связали их, а затем, забрав оружие и пленных, уехали.

— Они вам что-нибудь говорили?

— Почти ничего. Приказали молчать, — ответил шофер. Но тут охранник вспомнил что-то и хриплым голосом добавил:

— Я хорошо слышал, как они, когда связывали нас, между собой говорили, что какой-то Керим будет рад их работе.

— Керим?! — в один голос воскликнули Майер и Мирзокарим.

— Все ясно, — удрученно пробормотал Мирзокарим, — они выследили меня и, выбрав момент, когда я отошел от машины, напали. О, шакалы! Аллах, покарай их! Отомсти! — и он картинно вскинул руки к небу.

— А зачем вам понадобилось отходить от машины? — строго глядя на Мирзокарима, спросил Майер. Он с недоверием смотрел на душмана. Расчет полковника был удачен. Мирзокарим готов был упасть на колени. Дрожа от страха, что этот господин заподозрит его в измене и пожалуется Рахматулло, он готов был на все.

— Саиб! Саиб! Не думайте обо мне плохо. Я даже не представлял, что такое может произойти. Видит Аллах, я совершенно не виноват...

— Тогда поясните мне, уважаемый, почему вы отошли от машины до нашей встречи? Чем это вызвано? Только честно скажите.

— Саиб, я бегал к знакомому дуканщику, чтобы забрать долг.

— А что, это нельзя было сделать после того, как вы передали бы пленных?

Майер резко повернулся и зашагал вдоль дувала к улице, где стояла его машина. Мирзокарим поспешил за ним. Он обогнал Майера и неожиданно упал на колени:

— Саиб, послушайте меня. Не говорите Рахматулло о моей ошибке. Клянусь, я буду вам предан на всю жизнь! Вы можете распоряжаться мной. Умоляю, не губите! Рахматулло убьет и меня, и мою семью! Умоляю..!

Майер обошел его и бросил:

— Встаньте. На вас смотрят ваши подчиненные. Кстати, не я, так они сообщат Рахматулло о вашей проделке.

Мирзокарима словно током ударило. Он вскочил на ноги и, опешив от слов Майера, долго смотрел в сторону своих друзей.

«Еще поубивает их сдуру, — подумал Майер, — хотя это его дело».

— Я сделаю так, чтобы они молчали. Охранника прямо сегодня, сейчас же направляю в отряд. Шофер — мой человек, и его не надо опасаться. Если вы, саиб, дадите мне слово, что не скажете моему господину, то остальное я все улажу.

Майер делал вид, что колеблется, не знает, как ему поступить.

— Да, а как же с этими русскими? Я же вчера уже успел сообщить своим, что они у меня в руках.

— Саиб, я вас умоляю, пожалейте меня. Я всю жизнь буду обязан вам. Лучшего слуги вам не найти.

— Скажите, Мирзокарим, выходит, что опять в ваши дела вмешивается Керим? Неужели он так хорошо осведомлен о деятельности афганской оппозиции?

— Этого нельзя отрицать, саиб, но поверьте, и я немало знаю о них.

— Выходит, забрав русских, они объявили войну и мне?

— Да, да, саиб, вы совершенно правы, — Мирзокарим цеплялся за соломинку, которую подсовывал ему Майер.

— Мирзокарим, если я соглашусь не сообщать Рахматулло о вашем провале, вы окажете мне помощь в возвращении этих пленных солдат? Как говорится, услуга за услугу?

— Я согласен, я сделаю все, чтобы разыскать их.

— Да, теперь я вижу, что Керим заслуживает того, чтобы быть наказанным за свое преступление. Хорошо, Мирзокарим, я даю слово, теперь ваш ход. Для начала разберитесь со своими людьми и через два часа встретимся у центральной мечети. Там и решим, как действовать дальше.

ГЛАВА IX

После длительного перелета через весь континент Мельников и Полещук прибыли в какой-то город.

Утром их разбудили, затем позвали к завтраку. В десять всем троем разрешили побыть двадцать минут во дворе. Он был довольно большим, отгороженным от внешнего мира высоким каменным забором. По доносившимся звукам можно было определить, что с одной стороны проходит довольно оживленная улица. А внутри двора густые кустарники, пальмы создавали уют и покой. Мельников и Полещук попытались уединиться и поговорить. Но, увы, Бугчин, словно специально приставленный (а может оно так и было), тут же бесцеремонно присоединился к ним.

— Не пойму я этих людей. Даже не хотят называть, куда нас привезли. Дебилы, неужели не понимают, что нам не трудно будет установить название города, — он по-хамски помочился на пальму.

Мельников проворчал:

— Ты бы вел себя по-человечески. Вон из окна на втором этаже за нами наблюдают.

— Ну и черт с ними, пусть смотрят, я и на них могу...

Правда, этот маленький инцидент позволил Мельникову отвести Полещука немного в сторону и тихо сказать:

— Если нас разлучат, каждый четверг будут ждать на центральной улице у дома номер семь. Если нет такого дома, то надо искать семнадцатый, если такого нет, то двадцать седьмой. Запомни время: утром с 9 до 10, в обед с 12 до 13, и вечером с 18 до 19 часов. К нам подойдут сами. Пароль тот же.

Подождал Бугчин:

— Интересно, по сколько они нам отвоят?

— Чего? — переспросил Полещук.

— Чего, чего? Как зарплату нам платить будут и в чьих башнях? Лучше бы зелененькими, американскими. Они мне больше всего подходят. Ох, и люблю я их!

Он хотел еще что-то сказать, но на аллее появился чернокожий гонец и на ломаном русском языке пригласил «господ» следовать за ним. Проходя по аккуратной аллее мимо злополучной пальмы, негр не смог скрыть на лице гримасы отвращения...

На первом этаже в большой комнате им предложили кресла и попросили подождать. Первым пригласили Бугчина, но не прошло и минуты, как в другую комнату позвали Мельникова. Капитан оказался в небольшой ком-

нате, где за двумя столами, расположенными справа и слева, сидели двое мужчин. В центре стоял стул. Мельникову предложили присесть, и тут же мужчина, сидевший слева, спросил:

- Ваша фамилия?
- Мельников.
- Имя, отчество?
- Виктор Петрович.
- Место рождения?
- Город Смоленск.
- Где находится этот город?
- В России.
- В какой части России?
- В западной.

Затем последовали вопросы о родителях, где учился, кем служил в армии. Дотошно допытывались об обстоятельствах, при которых Мельников попал в плен, почему раньше не называл себя. Сидевший справа спросил:

- Как фамилия контрразведчика вашего полка?
- Не знаю, даже не уверен, что он был у нас в полку.

— А кто тогда с вами встречался перед тем, как вы оказались в плену?

- Никто со мной не встречался.
- Это точно?
- Послушайте, вы что, хотите сказать, что даже мое ранение было запланировано? Не порите чепуху!

Допрос, а иначе эту беседу и не назовешь, длился более трех часов. Часто вопросы повторялись или задавались в другом сочетании. Было ясно: проверяют, как могут. Вопросы порой были просто-напросто глупыми, и у Мельникова, кроме раздражения, они ничего не вызывали.

Когда он вышел в большую комнату, там уже сидел Бутчин. Вскоре появился и Полещук. Их тут же позвали обедать, а затем привели обратно в то же помещение. Высокий, крупный араб, лет пятидесяти, беседовал с ними через переводчика:

— Мы отобрали вас для очень большого и важного дела. Вы знаете, что сегодня в мире идет борьба за сферы влияния. Каждая страна или группы стран хотят навязать другим свои условия жизни. Из-за этого происходят

войны. Одни богатеют, другие живут в нищете. Мы же поставили перед собой цель решить проблему совершенно иначе. Тогда ни у кого не появится желания навязывать другим свою волю, ибо все страны будут равны между собой и подчиняться одному центру. А мы с вами будем членами этого Центра.

Араб говорил долго и все более туманно, намекая на какие-то силы, могущественных людей. В его речи была и нескрываемая угроза за отступничество, неповиновение. Когда он закончил, Мельников спросил:

— Скажите, а где мы находимся?

Араб, не мешкая, ответил:

— В Марокко, точнее в марокканском городе Надор.

— Нам покажут город? — спросил Полещук.

— Да. Завтра мы устроим вам небольшую экскурсию, а затем отвезем на нашу базу.

— Что мы там будем делать? — поинтересовался Бутчин.

— Будем вас учить.

— А сколько мы будем получать?

— Много. Но ваш заработок будет зависеть от вас самих.

Мельников понимал, что задавать другие вопросы смысла нет и сделал жест Полещуку: молчи, мол.

Бутчин задал еще вопрос:

— А нам разрешат сегодня выйти из этой крепости в город?

— Нет. Вы здесь находитесь практически на нелегальном положении, без соответствующих документов. Это чревато конфликтом с местными властями. Позже, когда вы адаптируетесь, мы, конечно, предоставим вам такую возможность.

На этом разговор был окончен. Их опять отвели в дом, где находились отведенные каждому комнаты. Правда, общаться не мешали, и Полещук направился в комнату Мельникова. Говорили об одном, а глаза — о другом.

— Полещук изумился:

— Ты понял, куда мы попали? В Марокко. Я даже не слышал о таком городе Надор.

— Городов на свете много, всех не запомнишь, — ответил Мельников, сожалея, что не успел сообщить другу и вторую точку встречи со своими — местный базар.

На следующий день, сразу же после завтрака их посадили в «Мерседес» с затемненными окнами и повезли в город. Вскоре они оказались у моря. С этого места они могли убедиться, что Надор раскинулся на берегу красивой бухты. С двух сторон его зажали в свои клещи горы. К западу кварталы сползают к прибрежной долине. Город казался белоснежным, чистым и аккуратным. Они пошли вдоль берега, любясь водной лазурью, так влекущей в свои объятия, разгоряченные, истосковавшиеся по прохладной свежести тела. В этот момент недалеко остановилась машина, из нее вышел Эршад:

— Привет, ребята! Я, конечно, понимаю, что вам надоел. Но видит бог, вам придется терпеть меня. Мне приказано общаться с вами и дальше. Одним словом, господа, я буду и вашим гидом, и вашим патроном. Итак, предлагаю осмотреть город. Прошу в мою машину.

Через несколько минут они ехали по узким и совсем не белоснежным улицам.

— Да, а издали этот город казался другим, — разочарованно произнес Полещук. И тут же спросил:

— А почему здесь такие маленькие гостиницы, для чего их столько много?

— Действительно, в Надоре нет шикарных гостиниц, — ответил Эршад, — поэтому так много маленьких, недорогих отелей. Здесь нет и больших шикарных ресторанов. Зато, обратите внимание, огромное количество отелей — однодневок, кафе, бистро. Кстати, вы не знаете, откуда пошло слово «бистро»?

— От французов, — ответил Мельников.

— Не совсем так. Когда в девятнадцатом веке русская армия оказалась в Париже, то французы, особенно торговцы, часто слышали, как солдаты торопили их словами «быстро», «быстро», и некоторые предприимчивые владельцы маленьких кафе и ресторанов стали называть свои заведения «бистро». Так что, гордитесь, даже в этом захудалом марокканском городишке, кое-что напоминает о России. Слева — мы проезжаем старый рынок.

— А что, есть здесь и другие рынки? — поинтересовался Мельников.

— Да, есть и новый рынок.

— Чем торгуют на них?

— Всем: и одеждой, и обувью, и радио-телетехникой, часами, сувенирами. Правда, чаще всего все это привозное из Сингапура, Гонконга, Испании, Франции и других стран.

— Мы побываем на рынках?

— Да. Но не сегодня.

Машина пошла в гору, шум двигателя прервал разговор. Только Бугчин пробурчал:

— Что толку в этих базарах, когда в кармане пусто?

— Не волнуйся, — хмуро бросил Полещук, — свое получишь.

Вскоре машина свернула на одну из дорог, по которой они выехали из города прямо на юг.

— Едем на базу, — пояснил Эршад и добавил: — Там и будем обедать.

— Мы там и останемся? — спросил Мельников.

— Решит шеф. Мое дело вас доставить туда.

Дорога все круче уходила в горы. На перекрестке с узенькой без асфальтного покрытия дорогой они остановились:

— Подождем, сейчас приедет джип, на нашей машине дальше не поедешь — дорога не из лучших, — пояснил Эршад и вышел из машины. — Выходите, подышите горным воздухом.

Достав из багажника сумку-холодильник, вытащил из нее три банки пива:

— Угощайтесь.

Все молча потянулись за банками. Здесь, в горах было гораздо прохладнее, дышалось легко, чистый горный воздух не только бодрил, но и живительной прохладой вливался в легкие, выталкивая из них застоявшийся казематный, тяжелый, перемешанный с пылью воздух.

Любоваться горным пейзажем довелось недолго. С гор уже спускался открытый американский джип. Он, как козел, прыгал по каменистой дороге. За рулем сидел молоденький черноволосый араб. Он выскочил из-за руля и, молитвенно сложив ладони, уважительно поздоровался по-французски со всеми, поклонился Ричарду.

Эршад перебросился с ним несколькими фразами и повернулся к русским:

— Прошу садиться. Вас повезу я.

Он небрежно швырнул сумку-холодильник на заднее сиденье и сел за руль. Рядом с ним устроился Бутчин, а Мельников и Полешук уселись на заднем сиденье. Эршад выждал, пока араб развернет легковушку и уедет вниз, и только после этого завел двигатель джипа, медленно развернулся и направил машину по ухабистой, сплошь усыпанной камнями дороге, вверх. Пассажиры швыряло из стороны в сторону, подбрасывало, так что казалось, вот-вот выбросит из машины.

Эршад оказался классным водителем. Он вел машину то по самому краю пропасти, то впритирку к высоким скалам, совершенно не сбавляя скорости.

Ехали долго, и все время поднимаясь в горы. Казалось, не будет конца тряске, прыжкам, разьедающей глаза и нос пыли. И только к вечеру, когда силы были на исходе, после очередного крутого поворота перед ними внизу раскрылась долина.

— Прибыли, — громко произнес Эршад и крепче вцепился в баранку — узкая дорога по спирали пошла вниз. У довольно большого строения машина остановилась. Эршад приветственно махнул рукой двум автоматчикам, стоявшим на посту, и повел своих подшефных в здание. В небольшой комнате он рукой указал на стулья и предложил присаживаться, а сам вышел. Минут через пять Эршад возвратился вместе с двумя мужчинами. Они кивком головы поздоровались и сели. Один из них, высокий и усатый, уставился на Мельникова черными, злыми глазами. Мельников, чувствуя его взгляд, отвернулся от окна и спокойно смотрел на незнакомцев. Тот, что был пониже ростом, что-то тихо сказал высокому. Кивнув в ответ головой, высокий заговорил, а Эршад, учтиво стоявший недалеко от него, начал переводить:

— Мы вырвали вас из плена с тем, чтобы дать новую жизнь, которая позволит каждому иметь власть и богатство, чувствовать себя всемогущим.

— Я в плену не был, — перебил его Бутчин, — я сам пришел к вам.

— Это неважно. Скоро вы убедитесь, что здесь действуют другие законы и никакой роли не играет, кто и как тут оказался. В нашей организации самое главное — преданность нашему духу и честность.

Высокий вдруг обратился к Мельникову:

— Ты недавно внимательно смотрел в окно. Что ты там видел?

Мельников спокойно ответил:

— Во двор приехал вездеход, и из него вышли четверо мужчин. Я их узнал. Когда мы находились в городке, они неотступно следовали за нами.

— Правильно. Они следили за вами по моему приказу.

— Зачем? — вырвалось у Бутчина.

— Если бы кто-либо из вас вздумал бежать, мои люди не допустили бы этого.

— А как бы они это сделали? — Бутчин вел себя вызывающе.

— Они бы убили вас.

— И меня?! Я же добровольно пришел к вам! Не то, что эти сосунки, которым нравится зубрить присягу, хочется любить Родину. Мне же наплевать на все это. Я хочу иметь много денег и больше ничего.

— Вы будете иметь деньги, будете богаты, если целиком и полностью подчинитесь нам.

Высокий вдруг встал, за ним поднялся и низкий, худощавый мужчина с усиками:

— Пойдемте, я хочу показать, что ждет каждого, кто пытается предать нас.

Они вышли из здания и обошли его. По узкой тропе, выходящей между большими камнями, направились к скале. Обошли ее справа и оказались в каменном мешке. Со всех сторон, словно стены, высокие скалы, и выход из мешка один — тропинка, по которой они пришли. На каменной россыпи, между двух обломков скал сидели трое заросших мужчин. Руки связаны, одежда в лохмотьях, тела и лица — сплошное кровавое месиво. Недалеке от них стояла группа вооруженных людей. Увидев подходивших, они подтянулись и угоднически заулыбались. Все больше становилось ясно, что главным здесь является высокий. Вот и сейчас он молча, по-хозяйски обошел связанных мужчин, произнес:

— Эти люди хотели нас предать. Вчера они пытались бежать. Я уже говорил вам, что мы к предателям беспощадны и, где бы они ни прятались от нас, их ждет расплата. Сейчас вы убедитесь в справедливости моих слов.

После этого высокий негромко что-то сказал низкому. Тот повернулся к группе автоматчиков, а в ней было

пятеро одетых в гражданскую одежду мужчин, и отдал приказ. Резко ударили очереди, и обреченные, буквально изрешеченные пулями пяти автоматов, опрокинулись на каменную россыпь, которая мгновенно обагрилась их кровью.

В наступившей тишине зловеще прозвучал голос высокого:

— Вас ждет богатство и слава, но, если вы предадите нас, вас ждет это. — И он пальцем указал на убитых и направился прочь. Все молча двинулись за ним. Они пришли в тот же дом, где находились до этого. Высокий, наконец, представился:

— Меня зовут Керим. Я — руководитель и хозяин большой международной организации, которая ставит перед собой цель подчинить себе весь мир и навести в нем порядок. Мы научим вас всему, дадим — все, вам останется только одно: быть честным и смелым бойцом. Вам надо отбросить свое «я» и помнить, что вы должны делать все, что я прикажу. Сейчас вы находитесь в одном из наших центров. В нем пройдете курс психологической и физической подготовки, за это время мы определим, на что вы способны и, в соответствии с этим, предоставим работу. Ничего скрывать не будем. Сегодня перед ужином с вами будут беседовать ваши командиры, будьте с ними откровенны. Помните, ваша судьба в их руках.

— А нам подъемные, или как тут у вас называется, дадут? — спросил Бугчин.

— А что такое подъемные? — не понял Керим.

— У нас, в СССР, если человек переезжает на новое место, ему выплачивают подъемные, ну деньги дают, чтобы человек мог обосноваться, устроиться на новом месте.

— Денег, конечно, мы вам можем дать, но в ближайшее время они не понадобятся. Кормить, одевать и учить вас будем бесплатно. Ну почти, как при коммунизме, — и Керим впервые улыбнулся, а затем посмотрел на часы. — На первый раз хватит. Мы еще побеседуем.

И он, не прощаясь, вышел. За ним засеменил и второй. Эршад, выждав пока закроется дверь, сказал:

— Десять минут на перерыв.

— На улицу можно выходить? — поинтересовался Мельников.

— Можно, только далеко не уходите. Здесь всюду посты, и без пароля далеко не уйдешь, можно и на пулю напороться.

Они вышли на площадку у входа. Бугчин потянулся было за ними к дальнему углу, но Мельников остановил его:

— Ну ты, будущий миллионер, тебе с сосунками нельзя, по соплям схлопочешь...

— Да бросьте, ребята, я же просто так, для балды!

— Вот и чеши от нас фокстротом к своему балде! — утрировано предложил Полещук и демонстративно повернулся к Бугчину спиной.

— Ну и черт с вами, — буркнул Бугчин и отошел в сторону.

— Звери, — тихо, еле сдерживаясь, сказал Мельников, — людей ни за что, просто так, расстреляли.

— Скорее всего для нашего устрашения.

— Вполне может быть. Запомни еще одно место для встречи с нашими людьми: у входа на рынок, пароль тот же.

В этот момент из дома вышел Эршад и пригласил всех троих на беседу. Мельников вошел в небольшую комнату. Там в креслах сидели трое. В центре — Керим. Эршад устроился в двух метрах от сидящих на простеньком стуле. Только после этого Керим пригласил Мельникова садиться на отдельно стоявшую табуретку и сразу же спросил:

— Расскажите, Мельников, как вы оказались в плену?

— Меня ранило, когда пришел в себя, то увидел, что нахожусь в руках у духов.

— У кого?

— У духов, ну у душманов.

— Когда это было?

— 13 февраля 1987 года.

— Где?

— Под Салангом.

— Кем вы были в Советской Армии?

— Командиром разведроты.

— Ваше звание?

— Капитан.

— Откуда призывались в армию?

— Из Смоленска.

— Вы там раньше тоже жили?

— Да. Я там родился. Там же живут мои родители, жена и дочь.

Керим на некоторое время прервал допрос и начал внимательно изучать лежавшую перед ним на журнальном столике карту. Затем он, заглядывая в блокнот, который лежал поверх карты, остро отточенным карандашом обвел какую-то точку на карте кружком и спросил:

— На смоленской атомной станции бывали когда-нибудь?

— Нет. Посторонних туда не пускают.

— В 40-й армии есть ядерное оружие?

— Нам говорили, что нет.

— А какие ракетные части стоят в районе Смоленска?

— Не знаю.

— Там есть аэродром для дальних бомбардировщиков. Не бывали там?

— Нет, не доводилось.

— По горам лазить можете?

— Естественно.

— Водить автомашину можете?

— Конечно.

— А боевую машину пехоты? Бронетранспортер?

— И танк тоже.

— Минировать?

— Да.

— Женщин любите?

Мельников неопределенно пожал плечами и ответил:

— У меня есть жена.

— Пьете?

— Если надо, могу выпить.

— Курите?

— Не увлекаюсь.

— Какими языками, кроме русского, владеете?

— Немного английским.

— Не хотите своим родителям или жене написать письмо?

— Что толку в этом? Я же даже знать не буду, получили ли они мое письмо.

— Если захотите написать, вам дадут ручку и бумагу. Гарантирую, что ответ получите довольно скоро...

Когда Мельников вышел из кабинета и в ожидании Полещука прогуливался у дома, его не покидала мысль о предложении Керима. Еще бы! Дать о себе весточку жене и дочери, родителям.

«Интересно, — думал он, — если бы я встретил Алену на улице, узнал бы ее? Ей уже идет десятый годик... Тяжело сейчас жене, бедная, дорогая моя Валюша! Знаю, как ты мучаешься, ты, конечно, не веришь, что я погиб. Я уверен: ты ждешь меня».

Ему вспомнился разговор с Майером, который, инструктируя его, сказал, что ребята о себе могут говорить правду.

«Керим наверняка организует проверку наших показаний. Интересно, как это будет сделано? Не пошлют ли они специально своего человека в СССР?»

В дверях показался молодой чернокожий мужчина. Он поклонился Эршаду, потом и русским.

— Его зовут Дино. Он будет у вас слугой и контролером, — пояснил Эршад. — Все, что понадобится, можете спрашивать у него. Он знает, где и я буду находиться, если понадобится, позовет.

— А как же мы с ним общаться будем, он по-русски ни бум-бум, а мы на его языке ничего не понимаем? — поинтересовался Мельников.

— Он хорошо говорит по-английски и немного по-русски, — и Эршад вдруг по-русски обратился к негру:

— Дино, ты покажи гостям, где туалет, где они могут умыться.

— Хорошо, господин, будет сделано, но сначала я им принесу одежду и приготовлю постели.

— Дино, откуда ты? — спросил Мельников, как только за Эршадом закрылась дверь.

— Я не понимал.

— Где ты родился?

— А, я приехал в Марокко из Нигерии. Работал в Раббате, немного работал у советских специалистов, они научили меня говорить по-русски. После я приехал в Надор. Работы было мало, там много надо торговать наркотиком, я не хотел. После мне дали работу, и я приехал сюда.

— Давно?

— Пять месяцев.

— Русские здесь были? — задал смелый вопрос Мельников и весь напрягся.

Дино испуганно посмотрел по сторонам и почти шопотом ответил:

— Есть. Один раз три русских, и после еще один, а после еще два. Сейчас есть десять — пятнадцать — двадцать. Но я вам не могу так сказать. — И, улыбнувшись, Дино, приложил палец к губам.

— Понятно, — улыбнулся Мельников, — не беспокойся, мы никому не скажем. Спасибо тебе.

Полещук незаметно пожал локоть друга. Оба подумали об одном и том же: чем черт не шутит, а вдруг в лице Дино они встретили друга? Он, конечно, неглупый парень и понимал, что говорит этим русским гораздо больше, чем следует. А раз говорит, значит у них есть хоть маленькая, но надежда на контакт с ним.

Мельников тихо спросил:

— О чем тебя спрашивали?

— Где родился, жил, служил. Где АЭС стоят, базы с ядерным оружием, бывал ли я там, разбираюсь ли в этом оружии. Да, еще спрашивали видел ли я НЛО, есть ли в армии экстрасенсы, давали ли нам наркотики? Кстати, Вить, а ты не чувствуешь какое-то необычное состояние после ужина?

— Немного есть. Сначала возбуждение, а вот сейчас на сон тянет и голова затуманилась.

— Факт, наркотики подмешивают.

— Если это так, нам надо держаться, контролировать себя, не сболтнуть лишнего.

ГЛАВА X

Глория не скрывала, что Эдвард ей нравится. Они вместе проводили целые дни, и Эдвард, благодаря ей, узнал очень много о Каире, Египте, местных обычаях и нравах. Хотя Глория в первый вечер, когда пришла к нему в отель, сказала, что согласна с ним поехать в Ливан для встречи с профессором Кресом, Эдвард не очень-то верил в это. Ради чего ей это надо? Ради любви к нему? Но он женат. Эдвард этого и не скрывал. Для нее в их романе не было никаких перспектив. Да и разговора после того вечера о поездке Глория больше не заводила.

Геллан же не спешил уезжать, ловил себя на мысли, что ему не хочется расставаться с красавицей Глорией. И когда начинал себя корить за затяжку, то успокаивался тем, что Глория буквально напиговывает его очень полезными познаниями. Как-то вечером, стоя у перил моста через Нил, когда они рассматривали желтую воду реки, Эдвард спросил:

— Глория, ты не бывала в городе Асьют? Говорят, там живет девушка, которая якобы встречалась с космическими пришельцами, прилетавшими на межпланетном корабле?

— Да, я слышала об этой девушке. Она рассказывает о чудесах. Ей предлагали переехать жить в Каир и даже в Англию, Америку, но она отказывается, так как пришельцы сказали ей, что она должна жить в Асьюте и ждать от них весточки. А ты что, хочешь увидеть ее?

— Конечно. Рассказ о ней вызовет огромный интерес у моих читателей.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой?

— Я был бы счастлив, — он обнял ее за плечи. — С тобой я чувствую себя уверенней.

Утром Эдвард и Глория позавтракали вместе и сразу же тронулись в путь. Дорога часто шла среди песков и только узкая бетонная полоска да автомашины, проносившиеся по ней, напоминали о времени, в котором жили путешественники. Довольно часто то слева, то справа, словно призраки, вставали из желтого раскаленного песка какие-то сооружения, чаще всего из белого камня. Даже на расстоянии было видно, что в них никто не живет.

— Интересно, как можно было жить среди сплошных песков? — словно продолжая свои раздумья, вслух произнес Эдвард.

— Когда-то здесь цвели сады, была вода и ключом била жизнь. Этим дворцам тысячи лет. Время разрушило их. Вода и жизнь ушли, но еще долго будут стоять эти памятники уму и таланту человека прошлого. Обрати внимание, как они прекрасно выглядят, даже будучи полуразрушенными.

— Да, я обратил на это внимание. Сколько тайн и загадок хранят они. Станные мы существа — люди. Пытаемся разгадать тайны космоса, а свои, земные, — оставляем потомкам.

Несколько раз они останавливались на отдых, но из машины не выходили. Стояла жара, дул смешанный с пылью горячий ветер, а в салоне кондиционер поддерживал свежесть и прохладу. Ели бутерброды, пили кофе, болтали. В общем, когда они прибыли в Асьют, то чувствовали себя не очень уставшими. Быстро отыскали нужный дом. Глория прекрасно ориентировалась, и в который раз Эдвард с благодарностью подумал об этом.

Хозяйке было на вид лет двадцать. Глория объяснила, кто к ней приехал и, как понял Эдвард по тону их разговора, девушке была не очень приятна эта встреча. Позже Глория пояснила Эдварду, что девушке надоели журналисты, и она вынуждена им отказывать в беседе. Глория же смогла уговорить ее и та пригласила в соседнюю комнату, обставленную простенькой мебелью.

Хозяйка, глядя поочередно то на Глорию, то на Эдварда, спросила:

— Что именно интересует господина?

Голос у нее был мягкий, приятный, большие карие глаза уже не смотрели настороженно и враждебно.

— Где она видела приземление космического корабля?

Глория перевела. Девушка посмотрела в глаза Эдварду:

— Не лучше ли вам посмотреть это место самому? Здесь недалеко.

— Да, да, конечно. Я буду вам благодарен, если вы отведете нас туда.

— Нам лучше поехать туда машиной.

Минут через пять они уже ехали в западную часть города. Выехали на окраину, и девушка рукой показала, что надо двигаться по дороге, идущей вправо. Метров через двести она попросила остановиться. Все вышли из машины и обошли небольшие заросли из деревьев и жухлого кустарника. Перед ними была ровная площадка. Девушка подошла к ней и сказала:

— Вот здесь опустился их корабль.

— Как он выглядел?

— Сначала я обратила внимание на собаку, которая была со мной. Она сильно забеспокоилась, затем злобно залаяла, потом заскулила и, поджав хвост, бросилась к городу. Я подняла голову и обомлела. С неба спускался шар, а вокруг него постоянно меняющее цвет свечение.

Над самой землей шар завис, и из его нижней части возник столб пламени, и только через минуту или две шар опустился.

— Шар большой?

— О, да. Я думаю в поперечнике метров восемьдесят. В шаре образовалось довольно большое отверстие и из него вышли три существа. У них были ноги, руки. Голова без шеи, прямо на плечах. Меня сковал страх, я не могла даже шага сделать. Они медленно подошли ко мне и вдруг я услышала певучий, даже нежный, как мне показалось, женский голос: «Ты не бойся нас, мы вреда не причиним. Как твое имя?» Я назвала и вдруг почувствовала себя совершенно спокойно. Они позвали меня за собой, и я охотно пошла. Мы вошли в их корабль. Они провели меня через несколько помещений, посадили на крутящееся кресло, долго обследовали, притрагиваясь к моему телу какими-то приборами. Задавали очень много вопросов: сколько мне лет, какова у людей продолжительность жизни, как люди изучают другие планеты, что они чувствуют, когда убивают друг друга. Один из них принес снаружи ветви, стебли и траву. Уложил каждый вид в отдельный пакет, долго изучал мои глаза, а потом сказал, что я буду жить девяносто девять лет. Я уточнила, что так долго люди редко живут. А он ответил: «Мы тебе немного продлим жизнь, но ты только не покидай свой дом, живи в нем все время. Когда прилетим сюда еще, мы встретимся».

«А как я узнаю о вашем прилете?», — спросила я. Ответил тот, у которого голос звучал немного ниже, это, наверно, мужчина: «Ты об этом узнаешь. Мы тебя позовем и ты придешь. Мы сняли с тебя параметры, нам известно теперь, как с тобой общаться на расстоянии». Затем они спросили, как у нас на земле люди прощаются друг с другом. Я объяснила. Они по очереди дотронулись до моей ладони. Мне было очень приятно от этих прикосновений, и вдруг в моей памяти произошел какой-то провал, и я пришла в себя вот на этом месте, где мы с вами стоим, а в руках держу... — вдруг девушка запнулась, а затем продолжила: — В этот момент я увидела, как корабль стал излучать ослепительный свет и начал медленно подниматься. Он некоторое время летел над землей, а затем вдруг исчез. По-моему, я долго стояла, как загипнотизированная. Потом, когда подошла к тому

месту, где находился шар, то обнаружила ровный стеклянный круг. Он ослепительно блестел на солнце.

— И что, он исчез? — спросил Эдвард.

— Нет, пустыня покрыла его песком. Эдвард сделал десяток шагов:

— Здесь была посадка?

Глория перевела, и девушка утвердительно кивнула головой.

Эдвард сначала ногой, а затем руками начал разгребать песок. И, о чудо! Он нащупал твердую стеклянную поверхность. Эдвард еще быстрее заработал руками и вскоре очистил площадь не менее квадратного метра.

— Ученые исследовали это место?

— Нет.

— Почему?

— Мне никто не верил.

— Да, но я же сама читала о вашей истории, — сказала Глория.

— Ну и что? Многие газеты писали об этом, но что толку. Мне надоели журналисты, только они и приезжали ко мне со своими расспросами.

Девушка замолчала, а пораженный Эдвард неотрывно продолжал смотреть под ноги. Затем он отмерил несколько шагов и снова начал разгребать песок, и опять наткнулся на ту же поверхность. Он подошел к девушке и взял ее за руку:

— Вам обязательно надо встретиться с учеными, показать им это место и все до мельчайших деталей рассказать. Я об этом напишу.

Девушка пристально и долго смотрела прямо в глаза Эдварду. Ему даже стало не по себе от ее взгляда. В карих глазах он ясно увидел какую-то светящуюся точку, она как бы пронизывала его мозг, он почувствовал себя бессильным.

Девушка тихо произнесла:

— А ведь вы не журналист. Вам будет трудно написать.

— Откуда вы это взяли? — попытался шутить Эдвард, чувствуя все усиливающееся волнение.

— Вы военный, я это знаю, а в прошлом, триста лет назад, вы были слугой у одного европейского господина. Вы живете на Земле уже пятый раз.

— Что вы говорите? О какой жизни вы говорите?

— О земной. Не пугайтесь меня. Умение видеть человека всего, узнавать, кем он был в далеком прошлом, я приобрела от пришельцев. Они сделали меня такой. Теперь я многое могу. Например, вижу, что вас ждут тяжелые испытания. Вы окажетесь в руках врагов, но судьба будет к вам благосклонна.

Свежий ветер растрепал длинные черные волосы и они почти закрыли ее лицо. Эдвард не мог оторваться от ее глаз. Они прожигали его насквозь, подавляли волю, подчиняли себе.

Глория, потрясенная этой сценой, чуть слышно переводила, продолжая стоять в стороне. Девушка неожиданно повернулась к ней:

— Ты должна пожалеть его. Он же нравится тебе, ты в него влюбилась...

Все это было сказано таким многозначительным тоном, что даже сломленный Эдвард вопросительно посмотрел на Глорию. Что девушка имеет в виду? Почему она так резко разговаривает с Глорией, которая сразу побледнела и молча слушала?

— Глория, что она тебе говорит?

Глория, словно очнувшись, повернула голову к Эдварду и попыталась улыбнуться:

— Ничего... она меня ругает за то, что я плохо ухаживаю за тобой.

Эдвард почувствовал фальшь в ее словах. Глория играла, она не говорила ему правду.

Эдвард посмотрел на девушку. Та хотела что-то сказать, но, посмотрев на Глорию, промолчала.

Эдвард сам не понимал, почему он это делает, повернулся и направился к машине. Глория и незнакомка двинулись следом.

Они довели девушку к ее дому и, поблагодарив, отправились в обратный путь. Глория молчала. Она сидела, закрыв глаза, но Эдвард чувствовал, что она не спит. Обратно, как и договорились они ранее, машину вел он.

Эдвард тщательно анализировал все, что довелось услышать и увидеть. Девушка, похоже, говорила правду. Если это действительно так, то он стал свидетелем сенсации. Но волнение прошло и на смену пришли беспокойство и тревога — вечные спутники разведчика. Снова и снова, вспоминая каждую подробность, анализировал он сегодняшний день и, наконец, понял, что тревога по-

явилась у него в душе, после того, как догадался, что Глория сказала ему неправду.

«Почему она не перевела слова девушки, когда та так зло что-то ответила ей? Ведь когда она заявила, что я не журналист, а военный, Глория перевела словно автомат — мгновенно. Сегодня же подготовлю подробный доклад. Надо, чтобы мне помогли разобраться в этой ситуации».

Прошло не менее двух часов, когда Глория спросила:

— Ты не устал? Если хочешь, я могу повести машину. Кстати, ты не находишь, что мы проголодались?

— Ты права. Может пообедаем в одном из придорожных ресторанчиков?

— Я тоже хотела предложить этот вариант. Если мне не изменяет память, то километров через десять мы сможем отдохнуть.

Вскоре в лучах солнца заблестел десятками зайчиков небольшой комплекс из алюминия и стекла.

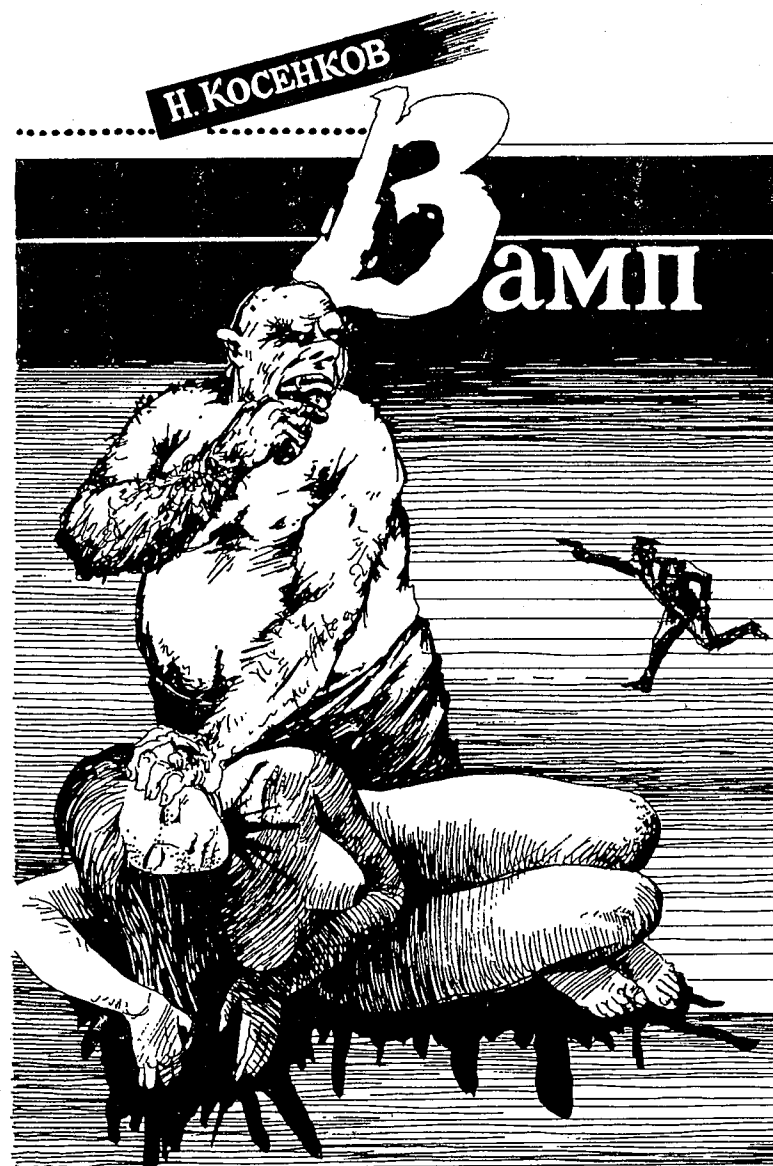
Внутри ресторанчика было прохладно. Эдвард с удовольствием осушил бутылку кока-колы и взялся за трапезу. Настроение было на нуле, но он понимал, что не имеет права высказывать или как-то проявлять свои подозрения. И когда они снова оказались в машине, Глория села за руль, он, решив сменить тему, спросил:

— Глория, ты не знаешь, что пришельцы подарили девушке. Помнишь, она сказала, что они подарили ей что-то, но вдруг запнулась и не стала продолжать?

— Да, я помню, как она это говорила. Ничего, будем надеяться, что мы еще встретимся с ней.

— Я хотел бы этого, — промолвил Эдвард и вдруг его осенило: «А не захотела ли она, чтобы я ушел? Действительно, почему я вдруг направился к машине? Почему перестал расспрашивать ее? Да, да, скорее всего, она смогла каким-то неизвестным мне образом, без слов и жестов, приказать мне отстать от нее. Нет, как только приеду в Каир, сразу же свяжусь с шефом. Я нуждаюсь в его совете».

(Продолжение в следующем номере)

Читатель помнит сообщения прессы об открывшем охоту на москвичей вампире. Утверждалось, что до этого он совершил ряд актов людоедства в Алма-Атинской области, был задержан, бежал.

Между тем, казахский каннибал, в период приписываемых ему московских деяний, сидел в следственном изоляторе Ферганы за покушение на убийство...

Это пошатнуло намерение автора в полном объеме описать ход официального расследования. В корне изменила изначальные планы последовавшая затем встреча с приятелями студенческих лет — медиком и юристом. Ваш корреспондент решил ограничиться периодом до первого задержания маньяка. После упомянутой встречи захотелось взглянуть на вампиризм не только как на явление социальное, все более входящее в субкультуру криминогенных группировок, но и сугубо физиологическое.

Кроме предоставления материалов биохимических исследований, приятели, к вящему удивлению автора, поделились воспоминаниями о предпринятом ими частном розыске каннибала. Поскольку рассказ ведется от частного лица — адвоката, а действия уголовного розыска в нем составляют фон, автор, будучи закоренелым перестраховщиком, ставит подзаголовок:

ПОЧТИ ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

При моем появлении вид у Рымбаева — словно после дозы стрихнина.

— Послушай, Пак, ты же «отмыл» своего клиента. Какого черта...

Я покорно поднимаю вверх руки, но вместо удовлетворенного самолюбия в голосе майора шелест холодной ярости:

— Оставались мелкие формальности... Он мне был еще нужен! Но после твоего протеста пришлось вы-

швырнуть его из следственного изолятора. Можешь проверить...

В принципе Тулеген неплохой парень. И как начальник отделения уголовного розыска области на месте. Поэтому мне вдвойне прискорбно, что никогда не будет лада между нами — сыщиком и адвокатом. Подобно бойцовым петухам, мы колошматим друг друга над зерном истины и каждый кукарекает, что прав именно он.

Накануне я развалил выводы Тулегена, что глухонемой камнерез Сматаев из села Узул-Агач и есть тот самый... Короче, в недалеких от Алма-Аты селениях произошло шесть однотипных убийств. Неизвестный нападал среди бела дня на женщин, резал шейные артерии и высасывал у бедняг кровь. После полового акта с трупом, он объедал мягкие ткани своих жертв. В день обнаружения последней Булат Сматаев, на свою беду, бродил среди камней возле дороги между Узулом и поселком Фабричный. Искал подходящие минералы. Наткнувшись на объединенный труп, шокированный камнерез никому не сказал о находке. Обнаружили его дети. Дюжина свидетелей указала на «спявшего» среди камней. Следы немного нашли возле останков. Участь его казалась решенной. Я зацепился за личность подзащитного. В образе жизни, творениях этого скалоподобного тридцатилетнего угрюмца, изолированного от мира звуков, была редкая гармония с природой. Люди такого склада наделены даром сострадания всему живому, спасают даже тонущую в кумысе муху...

Восточные глаза Рымбаева превращаются в щелочки. Он еще не свыкся с мыслью, что логика «адвокатишки» разложила на лопатки его профессиональное самолюбие.

— Пак... Не заставляй меня испытывать прочность этого пресс-папье на твоём медном лбу. И помни: очередная жертва немного Микеланджело — на твоей совести!

Лучший способ осадить Рымбаева — ненавязчиво проявить твердость. Отворив дверь, я дал знак тощему сидишту возле окна. По-птичь покаявшись в такт шагам, он юркнул в кабинет и застыл перед столом Тулегена. Нестандартного мышления человек всегда помечен столь же нестандартной внешностью. Мой одноклассник Колька

Буслик, так и не ставший в свои тридцать три Николаем Ивановичем Бацановым — лучшее тому подтверждение. Безалкогольная и лишенная любвеобилия юность прекрасно сохранила этот похожий на студента-старшекурсника экземпляр. Узкое лицо с высоким лбом и неразвитым подбородком, между которыми громоздился длинный нос-клюв. Непропорционально длинные ноги в узких, вечно в пузырях на коленях брюках, чуть поданное вперед, но не сутулое туловище... Кличка Буслик словно ждала его с самого рождения.

Таким я узнал Кольку Бацанова в студенчестве, в далеком родном Минске, таким он предстал передо мной неделю назад в этой продуваемой всеми ветрами тьмутаракани. Что сюда занесло меня — сгоревшего без вины экс-сыщика — вполне объяснимо. Но талантище Буслик...

— Не заладилось, — со святой простотой пояснил Колька. — Работал в Боровлянах в онкологии. Сказали: у нас лечат, а не экспериментируют. Вытиснули. Случайно познакомился с главврачом из Фабричного. Давай, говорит, к нам — условия создадим. В своей больничке накапливаю материал, а с алма-атинскими биохимиками экспериментирую в их лаборатории.

Вечный экспериментатор... На бацановских разработках защитилась тьма заурядного люда, сам же генератор идей добровольно влачил существование клерка от науки. Блестяще начав на реалистической почве, Буслик всерьез занялся изучением... вурдалаков. Сначала его высмеяли, затем оценили биохимические исследования крови и, высосав из них всю полезную информацию, выперли из престижной клиники. Не спасли бацановскую репутацию даже канадцы, обосновавшие гипотезу, что вампиризм не выдумка, а тяжелая форма болезни.

Буслик извлек из крокодилового портфеля кучу бумаг.

— Это мои переводы статей канадского биохимика Дольфина. Читайте: вампиры это вовсе не выходцы из могил, как принято считать. Это живущие среди нас больные люди!

— Психи... — прищурил левый глаз Рымбаев.

— Не только, — не замечая подначки, продолжал Буслик. — Вначале болезнь поражает не мозг, а кожу.

Причина ее в генах. Всякий организм насыщен пигментами-порфиринами. Они входят в гемоглобин, делающий кровь красной. Подобно нарушению обмена других веществ, у человека бывают обычно наследственные нарушения порфиринового обмена. Есть ряд вариантов порфириновой болезни, но нас интересуют только гемолитические кризы. В норме гемолиз, то есть разрушение эритроцитов крови с выделением в окружающую среду гемоглобина, завершает жизненный цикл красных кровяных телец примерно за 125 суток. Происходит он непрерывно. При кризах же, синглетный кислород губит клетки крови намного быстрее, нежели они успевают воспроизводиться. Разрушаются также клетки кожи и мышц. Пораженные ткани могут превратить лицо в живую маску ужаса. Уродливые формы постепенно принимают все тело. Такие больные не переносят воздействия дневного света, переходят на ночной образ жизни.

Природа своеобразно позаботилась о порфиричных больных. По диктату инстинкта самосохранения, человеком овладевает патологическая, неодолимая жажда чужой крови... Именно в ней он находит достаточное для недолгого облегчения количество быстро усваивающегося «живого» гемоглобина.

— Зачем же людей убивать? — уже без тени иронии вставил Рымбаев. — Осенью, когда режут овец, крови в кошарах хоть залейся.

— При легких формах порфирии — приемлемо, — увлеченно ткнул пальцем в его сторону Буслик. — Но! У различных видов организмов гемоглобин имеет разное строение и разную дозу составных элементов! То есть при тяжелой патологии человеку подходит только гемоглобин человеческой крови!

— Что-то, парень, ты загибаешь... — стряхнул оцепенение Тулеген.

Услышав это первый раз, я тоже словно побывал в гипнозе. Однажды при встрече с Колькой обронил фразу о своем подозреваемом в канибализме подзащитном. И тут он выдал... Ошеломило, что Буслик тоже вел «вычисление» людоеда. Уже тайно состав картотеку подозреваемых из подходящих под расчеты пациентов «больнички». Сматываю в н' было.

— По вашему получается, — перешел на «вы» Тулеген, — что моим ребятам надо шерстить всех анемичных больных Алма-Атинской области?

— Зачем всех? — Буслик был неподдельно удивлен. — Только указанную мной категорию.

— Ах-ха... По вашему, вампиры, как сайгаки, бродят здесь стадами... Вы хоть понимаете, что предлагаете?.. И вообще, что за чертовщину несете?!

— Есть соломоново решение, — поспешно вмешался я. Рымбаев уже принял решение и навязывать ему наши идеи бесполезно.

— Мы с доком, Тулеген, сами проверим наиболее интересных особ. Ты только, в случае необходимости, подстрахуй.

— Антон... — в черных, чуть раскосых глазах Рымбаева тлел мягкий укор. Понимаю, разыграла сыскная жилка. Но ты уже сменил погоны на мантию. Занимайся лучше своим делом...

Тулеген редко называл меня по имени. Это он с первых дней знакомства обозначил аббревиатурой мои исходные данные. Из Антона Ксаверьевича Пятницкого я превратился для всех управленцев в Пака. Обращение по имени означало высшую степень благожелательности. Тулеген действительно ограждал меня от лишних неприятностей. Но «сыскная жилка» здесь была делом пятым. Меня заразил своей яростной увлеченностью Буслик. Ему до зарезу был нужен этот проклятый каннибал. Колька видел в нем посланца судьбы, способного дать могучий импульс для дальнейших исследований по своей теме на академическом уровне. Я знал: вздумая отказаться, этот сумасшедший займется отловом сам. Для таких что дрозofiла, что вампир, суть одна — исследовательский материал. Но укус последнего куда неприятнее, поэтому, на всякий случай, стоит заручиться поддержкой уголовки.

— Все будет, Тулеген, в рамках закона. Я же его слушаю...

— Доводы разума на тебя не действуют, — Рымбаев покосился на поникшего Буслика. — Тогда прими к сведению: на краю Голодной Степи есть райончик. Хохмачи окрестили его Каюк сук. Периодически там не хватает стряпчего и фельдшера. Если прокурор получит на вас жалобу...

Я прервал паузу рукопожатием:

— Все будет в рамках законности...

Пивбар «Таганай» я облюбовал с первых дней в Алма-Ате. Отсутствием назойливых патрулей и раскованной публикой, он напоминал мне минское кафе актеров, которое чуждые официоза служители Мельпомены окрестили «Мутным оком». Добрейшая барменша Галина Ивановна и заигранное пианино с прокуренными зубами клавишей создавали полную иллюзию одомашненности.

В «Таганай» фортепьяно заменяла степная трехструнка, а за стойкой возвышался покладистый бармен Егидей. Разбивка главного зала на компактные кабинки позволяла говорить, не опасаясь клейкого уха. Здесь мы и осели с Колькой набросать черновик предстоящих действий.

— Твой сыщик не там ищет! — похоже, после первого же бокала Буслик перешел на белый стих. — Эпицентр убийств: Агач — Фабричный. Из шести жертв — в пригороде лишь одна. В отличие от остальных, ее не резали. Вена разорвана зубами. Судя по краям раны, кровь отсасывали пока не ослаб ток. То есть убийца спешил, боялся задержаться здесь, а в остальных случаях действовал спокойно, не торопясь. Выбор места для каннибальских пикников свидетельствует, что он неплохо знает окрестности села и поселка.

— А откуда тебе известны такие подробности?

— А это, Пак, мой тебе сюрприз. Кстати, вот и он сам...

Перед кабинкой стоял коренастый, широкоскулый мужчина лет тридцати пяти. При улыбке тонкий шнурочек его усов подался вверх.

— Рад видеть вас... — в голосе пришельца не было и тени притворства. — Динмухамед Манаев. В обращении просто Дин. О себе Дин был краток. Из патологоанатома переквалифицировался в судмедэксперта. С Бусликом сошелся на занимавшей обоих теме. Из эскулапской солидарности, Дин не держал в секрете от приятеля результаты вскрытий. Мне импонировала его деловитость.

— Ребята, дам лишь общую наводку. Кстати, Николай, идущую вразрез с твоей версией и трактовкой причин убийств.

Еще до судебки у меня в санитарях был странный тип — Абай Бергенов. Обычно он вперится в одну точку и ноль внимания. Но на вскрытии детей — преображается. Подберется весь, глаза блестят... И я заподозрил! Под видом уточнения вскрыл после его зашивки тело пятилетней девчушки — нет сердца! Я к главврачу, в милицию. Они: нам хоть бы с живыми разобраться, а вы, «трупари», между собой уж сами...

Я Бергенову ничего не сказал, но он почувствовал неладное — перевелся в клинический крематорий. Теперь сжигает ампутированные части тела.

— Н-да... У вашего Бергенова пристрастие к трупам, а мы собираемся крутить живоеда.

— Хорошо, Пак. Но кто видел, доказал, что «живоед» съедает печень с сердцем на месте? Кто знает, сколько крови он выпивает сразу? Почему, нападая с ножом, делал несколько надрезов на сосудах шеи? Чтобы напиться вдоволь, достаточно одного вскрытия сонной артерии.

— И это не исключает моей теории, — вставил разомлевший от пива Буслик. — Вон в Джезказгане... Трое старшеклассников девочку убили — и в яму. А перед этим, в лучших традициях демонизма, методично выкачали кровь и пустили стакан по кругу. Вампиризм становится составной частью молодежной субкультуры, а пресса все еще преподносит кровопийц в криминогенных тусовках, как сенсацию.

— Полагаю, тусовка здесь не при чем. В этом году у меня было три вскрытия на предмет установления самоубийства. Две женщины балзаковского возраста и юнец. По ряду характерных признаков — налицо суицид. Но! Резать себе вены они ехали из Алма-Аты на затерянный в Алатау могильник шаманов. Психиатры сообщили, что обе женщины обращались к ним незадолго до гибели. Жаловались на преследующие их «голоса преисподней», постоянную тревогу. Так вот, я обратил внимание, что эта тройка для сведения счетов с жизнью выбирала ночь полнолуния.

— То есть время эсбата — ежемесячного сборища сатанистов во всем мире, — ошеломенно прошептал Буслик.

— Я этого тогда не знал, — продолжал Дин. — Но подозревал что-то... такое. Следовательно порылся в запи-

ся парня и показал мне. Одна цитата из дневника засела в памяти: «...В каждом из нас сидит сатана. Задача состоит в том, чтобы познать и выявить его. Сатанинское начало, заключенное в людях, — главное и наиболее могущественное. Им надо гордиться, а не тяготиться. Собственно говоря, мы проповедуем то, что уже давно стало нашим образом жизни». А теперь сопоставьте все, что я сказал и сделайте выводы.

Тревога, непонятная и необъяснимая, уже овладевала мной.

Рядом приглушенно источалась странная музыка. Она напоминала звук натянутого, как тетива, затем отпущенного полотна двуручной пилы. Заунывная вибрация держалась пару тактов в одном темпе, чуть перебиваемая щипками струн, затем делала глубокий провал, словно падая в душу, и волнами начинала вздымать в ней залежи смутных, беспокойных чувств.

Казалось невероятным, что трехструнка, на которой здесь тренькали кому не лень, в руках мастера способна явить качества синтезатора. Захотелось взглянуть на акына.

Сбоку основного был зал поменьше. Столики в нем едва достигали колена. Сидели здесь по-степному, на ковриках. Играл длинноволосый, коричневый от загара парень. Кожа его изможденного лица, казалось, без мышц прилегал к самому черепу. Только руки и глаза — два сверкающих темных кристалла — жили отдельной от тела жизнью. Руки — обтянутые пересохшим пергаментом кости. Но сколько пластики, гибкости было в этих мощах, на ходу переплавлявших бренчащие звуки в мягкую, вобравшую голоса степных духов, мелодию. Музыкант и музыка казались неделимы, как дыхание с телом. Угаснет музыка — падет в прах творец. Видимо то же чувствовал своим оголенным инстинктом сосед импровизатора. Это был классический образец вырожденца. Низкий, сплюснутый лоб, маленький нос при неандэрталоподобной челюсти, без мочек, угловатые верху уши... Не будь на столе коньяка, я счел бы его ввалившимся в транс. Закатив свинцовые глаза, он пошатывался из стороны в сторону. Вдруг, подобравшись, впери в нас взгляд. В ту же секунду сидевшее к нам спиной нечто могучее и бесформенное качнулось. Без шеи, уходящая в плечи, голова вместе с туловищем повернулась —

и меня передернуло. Вместо лица была бурая маска с мозаикой роговых чешуек, облепивших лоб у висков и выступы крутых скул. Дубленая, как на скаковом седле, кожа едва сдерживала напор вен. Уродливо раздутые, они двумя ветвями сбегали к переносице и бутрились тут же жгутом на боковой плоскости хищного носа. От черных без зрачков глаз сквозило замогильным холодом.

— У толстяка гемосидероз, — объяснил Буслик. — Вызван отложением в коже бурого пигмента гемосидерина. Судя по специфическим признакам, в данном случае это сопутствующее проявление некоего основного заболевания, возникшего из-за порфиринового сбоя.

Свой диагноз Буслик поставил на улице. А в зале я был поражен еще одним видением. Сбоку колоритных фигур сидел глухонемой камнерез...

***

В полупустом салоне «Лаза» было душно. Колька спал рядом сном праведника. Меня одолевала тяжелая, как тучи на багровом небосводе, предчувствия. Уже смеркалось, когда миновали Агач. Буслик настоял ехать к нему сегодня. Я с трудом представлял наш поиск. Прелестная компания: расстрига-сыщик, чокнутый эскулап, труженик морга на подхвате. Такой теплой компании еще не знал мировой детектив...

Колькину «картотеку» потенциальных вампиров я заведомо считал смехотворной. Меня уже путало его маниакальное упорство. Ведь даже банальную слежку за подобранными Бусликом «объектами» и мои же коллеги могут квалифицировать как посягательство на гражданские права личности. А ведь события могут принять и более крутой оборот...

Я тщетно пытался нащупать более реальный путь поиска. Несомненно, судя по географии убийств, каннибал обитает в этой зоне. Может, даже едет в одном автобусе в нами... Я обвел пристальным взглядом салон и в то же время боковым зрением уловил, как за окном мелькнула легковушка. С полминуты шоссе было пустынно. Но вот впереди показалась «Волга». Свернув на уходя-

щую вверх, в камни дорожку и дергаясь на сплошных колдобинах, она медленно удалялась от асфальта навстречу догорающему закату. В машине виднелись три силуэта. Кой леший мог нести их в эту глушь? Я всмотрелся в заднее стекло машины. На фоне темно-красного окна, занимая основную его часть, виднелась утопающая в плечах голова без шеи...

— Куда может вести дорога через эти камни?! — толкнул я, придя в себя, Буслика.

Колька с минуту ословело созерцал мелькание за окном, затем хрипловато выдавил:

— Учкудук смерти. Черный колодец.

Видимо, у меня были глаза по пятаку, потому что, стряхнув остатки сна, Буслик добавил:

— Бросовый караван-сарай, по нашему — постоянный двор. В начале века христианские поселенцы отрядили караван с дарами в Землю Обетованную. Здесь его следы оборвались. Розыски не дали результатов. Все списали на козни дьявола, которому допустить поход в Святую землю хуже, чем провести себе серпом по одному деликатному месту. Дурная слава учкудука отвадила от него странников. Степные корсары облюбовали его для биваков. Он и поныне не утратил дурной славы...

Я почувствовал, что нашел отправную точку поиска. Час спустя, Колька, выложив свой архив, увлеченно обосновывал отбор в него кандидатов в каннибалы. Мои же мысли крутились вокруг технического обеспечения операции. Прежде всего — колеса. Все мысли сводились к Дину. У него престарелая, но еще крепкая «Победа», способная, при необходимости, выполнять функции броневика. Дин неспроста обмолвился о неделе отгулов — им тоже овладел поисковый зуд.

Бинокль, под благовидным предлогом, Буслик выпросил у егерей. Оружие... Пока достаточно моего газового «бульдога».

На следующее утро я позвонил из больницы Дину. Тот словно ожидал моего звонка. В полдень, с видом готовящих заговор карбонариев, мы втроем шгукались в кабинете Буслика. Мнение было единым: осмотреть учкудук. Дин оказался битым парнем. Кроме дана по национальной борьбе, успел приобрести шикарный газовый «питон». С оптикой у него тоже был порядок. Грех не рискнуть.

До учкудука от поселка было с полста километров. Несмотря на почтительный вес Диновой долгожительницы, нас трясло в ней, как святого Вигта в момент проризания. Но Буслику даже на заднем сиденье все было ни-почем. Его несло:

— В нашей деревне — это на Могилевщине — жила одинокая старуха по кличке Кровавая Мери. Типичная психопатка. На это и списывали ее странности. Как начинают осенью бить свиней, Марья тянется по дворам «на кружечку крови». Бледная, худая, как семь библейских коров, что приснились фараону, в месяцы убоя скота она преображалась. Лицо — кирпичное, глаза — блестят. И ни слова обычных жалоб на «агульную мясцъ»!

Однажды хорь извел ее курей. А на курах она была помешана, кроме коровы, только их и держала. Стала Марья хиреть на глазах. Кожа сделалась прозрачной, ноги чуть волочит. И прямо-таки буйные приступы озлобления. А главное — взгляд. Тихий, манящий, не от мира сего. И столько в нем недоброго...

Однажды подзывает меня: «Идем, яблочек райских дам. Мне семь лет было — несмышлениш... Заводит в огород, а там, в глухом углу за сараем — топор в колодке. Колодка вся черно-бурая от засохшей крови. Старуха меня к ней подталкивает: «Посиди, пока я яблочек насобираю...» А у меня от ужаса колени подгибаются. Дальше — как во сне. Крутнулся и стрекача через забор. Но яблоки, такие, как у Кровавой Мери, мало у кого были. Через неделю усмотрел, что она к соседке пошла — и в ее огород. Наелся, целую рубаху набрал, и тут заявляется карта с соседской курицей под мышкой. Я в ботву — ни жив, ни мертв. Слышу, куриный вскрик и удар топора. Приподнимаюсь — волосы дыбом. Стоит старуха запрокинув голову и, как воду из чайника, сосет кровь прямо из горла курицы... А по подбородку красная струйка на шею стекает, за воротник... Наконец, вынула изо рта пузырящуюся горловую воронку и, тяжело дыша, повернулась в мою сторону. Тут я совсем ошалел. Но, видно, Марья было не до меня. Глаза по полтиннику, на лице — восторг неописуемый. А самое страшное — рот. Огромная окровавленная дыра с красными обломками зубов. Припав еще раз, старуха отшвырнула курицу и, пошатываясь, словно опьянев, потащилась в дом...

Отец — он терапевтом в сельской больнице был — сказал: «У Марьи больная кровь». Что за болезнь — я так и не узнал.

Вскоре Марью забрали в психиатрическую больницу и больше она в деревне не появлялась...

— А у нас в ауле дурачок Мальсаг был, — не отводя глаз от дороги, сказал Дин. — Он пил баранью кровь. Но не дожидался пока барашков резать будут, а сам, как волк, прокрадывался к старым и резал. Тоже в психлечебнице кончил...

— Господи, сколько незаменимого материала для исследований бесследно поглотила эта бездонная воронка в стране тотальных госстандартов!

— Это ваши-то кровососы «незаменимый материал»?

— В научно-исследовательском смысле — да! — вспыхнул Буслик.

— Возьмем только один аспект: лечение рака. Ведь именно вампиры наводят на идею, если синглетный кислород поражает органические ткани, почему бы не использовать его для подавления злокачественных клеток? Я пока носился с этой идеей, чуть сам не угодил в «дом хи-хи». А канадцы создали методику и целенаправленно экспериментировали. Порфирины вводили под кожу больным и облучали солнечным светом. Экспериментально удалось разрушить некоторые виды кожной опухоли. Теперь канадцы нашли пигменты, которые реагируют не только на ультрафиолетовое, но и на тепловое излучение. Инфракрасные лучи глубже проникают в организм. С их помощью, может, удастся лечить опухоли внутриполостных тканей. Но в Боровлянах у меня сложилось впечатление, что Чернобыль в первую очередь вошел в нашу кровь. Вот, говорят о всплеске лейкемии. А учитывал ли кто тьму других отклонений в кровяном составе людей из пораженных радионуклидами зон? По-прежнему идет борьба со следствием, а не причиной! Никто не изучает, не прогнозирует страшнейшие аномалии, которые может породить не таящая на первый взгляд смертельной опасности патология крови.

— Но вампиры и каннибалы существовали издревле...

— Усилиями инквизиции было создано несравненно больше легенд, чем было самих вампов. Теперь учти их побудительные мотивы: неподвластные тогдашним меди-

кам болезни, голод... Пойми, Пак, вопрос не в том были ли вурдалаки раньше, а в том, что они в непредсказуемых количествах активно появляются сейчас. А медицина, имея возможность блокировать рост их числа за счет целенаправленного лечения, не делает этого...

Нашу ученийшую беседу прервал затяжной подъем, с которого открылся пейзаж из фильма ужасов. В недрах мрачной, лишенной зелени долины выступали серые очертания развалюхи.

Странная это была постройка. От въездных, составлявших некогда арку, ворот остались лишь несущие столбы каменной кладки. Ограждение разрушено так, что во дворе просматривалась круглая надстройка колодца. Двухэтажное г-образное строение с плоской крышей зияло дверными проемами и проломами стен. Над одним из проломов белела надпись: «Опасно для женщин». Однако после получасового наблюдения мы не заметили признаков подобной опасности. Ветерок с гор принес сиреневые сумерки. Дин проверил под полой фонарик, и мы двинулись к развалюхе. Буквально сразу я уловил ритмичное позвякивание. Мы стояли в угловом, соединяющем два крыла здания, помещении. Самое странное было в блуждании звука. Каждый был убежден, что он доносится откуда-то из-под ног, затем звук слышался сверху. В смежных с угловой комнатах стояла глухая тишь.

Веселенькая картина открылась бы увидевшему нас в эти минуты. Три солидных мужика азартно ползают на карачках и, припадая ухом к выптербленным плитам пола, гримасничают, как дети.

— Наваждение какое-то! — Колька откинулся спиной в дальний угол, да так и застыл в этой позе.

— Кажись... Господи, нашел...

Да, звук раздавался где-то в стене, или она была его переносчиком. Мы стали усиленно тыкать камни. Стена являла собой твердыню. Через узкий оконный проем вверх я выбрался наружу и в ту же минуту услышал треск.

— О, шайтан! Фонарик накрылся, — простонал Дин.

Я щелкнул зажигалкой и, прикрывая ладонью огненный язычок, осмотрелся. Широкая щель — хватит пролезть человеку, между угловой стеной и приваленной кое-как увесистой глыбой не оставляла сомнения —

здесь вход в подземелье. Повиснув на наших руках, Дин спустился во тьму. Мы последовали за ним.

Позвякивания больше не было. Запущенное на полный фитиль пламя зажигалки осветило интерьер из готического романа. Узкий — расставив руки, достанешь стен — подземный ход по краям был обложен камнями. Сверху, касаясь наших голов, нависали прогнившие доски. В крошечной тьме они светились зеленоватым светом.

— Иллюминация дьявола... — прошептал Буслик. — Ей Богу, мы на пути в преисподнюю.

Если это так, то он начинался из угловой комнаты. Неразличимый в полу снаружи, здесь четко просматривался квадрат потайного люка. Рядом с люком выступали встроенные в стену слуховые трубы. Теперь ясно, какие демоны сгубили странников, идущих в Святую землю. Да только ли пилигримы канули в небытие из комнаты-ловушки?!

Я перевел взгляд вниз. Сидя на корточках, Дин с Колькой рассматривали глубокий отпечаток на камне — вытянутое раздвоенное копыто с... пятью человеческими пальцами. В шаге от него находился такой же след. Четкость была поразительной. Словно неведомый монстр шел не по горной тверди, а по свежееуложенному асфальту. В следах не было ни пылинок, будто оставлены только что. Как замороженные, мы ткнулись в поисках третьего отпечатка за поворот, и в тот же миг зажигалка погасла. Впереди, метрах в двенадцати, мелькнул зеленый всполох, и вновь воцарилась тьма.

— Не светись, там кто-то есть... — шепнул Дин.

Напрасное предупреждение. Даже после серии щелчков моя безотказная зажигалка не подавала признаков жизни.

— Загоняем сатану в угол... — Дина трясло от напряжения.

Мы шли плечо к плечу. Я, крайний справа, ощупывал скользкие стены. Вдруг мне самому прошлась по лицу тыльная сторона чужой ладони. Рядом учащенно дышал Дин.

— Эй, кто там спутал меня со стеной? — неожиданно просипел Буслик. — Да уберите, черти, лапы...

Я вновь почувствовал, как мягкая ладонь погладила мне щеку и прошлась по волосам. От этого прикоснове-

ния похолодело внутри. Левой я чувствовал правую руку Дина, а для Буслика был недостижим. Значит, возле нас находится четвертый!? Наверно, это дошло до всех одновременно, потому что тишину разорвал дикий Колькин вопль:

— Кто здесь?! Мужики, рядом кто-то есть!

Я сжал рукоять «бульдога», и только какая-то клеточка в подкорке вовремя дала пораженному ужасом сознанию команду: «Не стрелять!» Видимо, подобное пережил и Дин. Вспыхнувшая суматоха обошлась без пальбы. Когда немножко оклемались, меня осенило. Послonyaвив палец, я вертикально выставил его перед собой. Со стороны, где исчез всполох, на уровне наших голов чувствовался упругий ток воздуха. Очевидно, он всасывался сюда снаружи и, упираясь в стенку, на повороте вихрился, находя выход. Это могли быть устроенные под особым углом и способные поддерживать тягу ветра щели. Прimitивная подземная коммуникация, но сколько изощренности проявили ее создатели, чтобы отпугнуть отсюда нежеланных свидетелей.

— Да, парни, дали мы труса... — после микроэкскурса в аэродинамику я вновь бодро защелкал зажигалкой. Но огонек не спасал даже щиток ладони.

— Говорят, огонь гаснет возле давних трупов, — опять впал в абсурд Буслик. — Воздух пропитан запахом морга.

— Тс-с-с... — Дин растопырил перед нами руки. Впереди, очевидно, был еще один поворот. Оттуда проступали едва уловимые блики. Припав к стене, мы дотянулись до поворота. Я снял с предохранителя «бульдога» и в стойке для стрельбы очутился перед проемом. В висках стучал кузнечный молот. Малейший шорох — и я разразился бы всей облоймой. Но в зеленоватой тьме проступала лишь стена тупика. Свет сочился из опрокинутого на фану сигнального фонаря. Мы сдвинули зеленый светофильтр, и желтое тепло озарило глухой угол. Внизу лежал квадратный валун, за которым виднелся той же формы лаз. Втиснуться в него мог даже крупный человек. Луч уперся в серую породу, которая через три метра преграждала путь.

— Все ясно: «дьявол» пытался уйти этой норой, но не смог сдвинуть выходную заглушку, — констатировал Дин.

Выходило, что, воспользовавшись паникой, он угрел проскользнул между нами.

— Кстати, где следы? — прочитал мои мысли Буслик.

Как раз там, где Колька залепил о покойниках, два завершающих цепочку «копыта» уперлись в стену, словно наследивший ушел в ее чрево.

Рукоятью пистолета я постучал по каменной кладке. Изнутри раздался глухой отзвук. Дин щелкнул выкидным ножом, запустил лезвие в паз меж камней и легко повел им в сторону. Вцепившись кончиками пальцев в ребристый выступ и, помогая ножом, он вынул камень из стены. Остальные, не схваченные раствором, пошли еще легче. Тошнотворный эксгумационный запах наполнил проход. Я поднес фонарь к отверстию. Лица прильнувших туда Дина и Буслика побелели, как мел. В квадратной трехметровой нише валялись груды желтых человеческих костей. По меньшей мере дюжина замурованных! И среди них... россыпи крысиных черепков. Четырехлапых каннибалов заточили вместе с людьми. Явив чудо адаптации, они прижились в затхлой тьме. Пожрав двуногих «друзей по несчастью», грызуны принялись за сородичей. Но пробил час и последнего серого монстра. В каменном мешке давно не было признаков жизни.

Мы с Бусликом глухо молчали, а Дин упорно шарил лучом по скелетам.

Левые ребра людей рассечены.

Стена состоит из двухрядной каменной кладки и только вверху заложенное одним рядом камней «окошко». Через него в камеру подавались трупы, лишённые сердца и других уважаемых каннибалами внутренних органов. Хотя, нельзя исключать и вариант ритуальных жертвоприношений, затребованных шаманами.

...Даже ухабы, на которых «Победу» швыряло, как мячик, не могли вывести нас с Бусликом из глубокого потрясения. Зато Дин с невозмутимостью эксперта-«трупаря» продуцировал версии о подземной гробнице. Самой внимательной его слушательницей была набирающая округлую форму луна. Привычка объединять в логическую цепь порой независимые друг от друга явления, наконец, вернула и мне способность размышлять. Мистическая мелодия, утопающая в плечах голова без шеи, самоубийства и эсбаты демонистов в полнолуние, тайна

учкудука, следы на камнях, загадочный звук, ускользнувший призрак, вдруг, подобно стеклам калейдоскопа, сложились в четкую картину. Теперь я знал, как действовать дальше. Мы не оставили следов пребывания в подземелье. Невидимка мог принять нас за искателей кладов, приключений, а то и просто уголовников, но только не за тех, кто мы есть. Значит, все пойдет своим чередом. В полнолуние у учкудука состоится эсбат сатанистов, к которому они усердно готовятся. Каннибал непременно объявится на нем. Дальше — дело оперативной техники. Но не рымбаевской команды, а нашего триумвирата.

***

По лунному календарю у нас в запасе оставалось трое суток. Я занимался разработкой операции. За Дин-ом была фотокамера с телевиком.

Меня не обучать, как из подручных средств соорудить простейшую установку прослушивания и звукозаписи. На составленных по памяти планах местности и караван-сарая я нашел вариант скрытой прокладки шнура с микрофоном. Но использовать его поздно. В учкудуке наверняка уже таятся наблюдатели.

Оптические глаза есть. А вот ушами пользоваться придется невооруженными. Если оргия разыграется вокруг колодца, есть точка, с которой можно не только снимать, но и слышать происходящее. Караван-сарай расположен на подошве горы. Чуть поодаль, за тыльной стеной, на высоте ныральной вышки есть каменный козырек. Он удачно мимикрирует среди расщелин и выступов.

В эту ночь, на излете августа, мрака не было. Потеряв полдня на огромный крюк, чтобы даже мельком не окатиться в поле зрения наблюдателей, мы подбежали с обратной стороны горы. Перебраться через хребет было детской забавой по сравнению с адской изощренностью, которую пришлось проявить, чтобы добраться до козырька. Внизу, возле игрушечных размеров караван-сарая стайкой гнуса мельтешило множество огоньков, а мы, влипая в каменные борозды, все еще ползли вниз. Луна сияла так, что оптика пускала «зайчиков». Мы изго-

товились к очередному переползанию, как вдруг перед нами беззвучно материализовались две тени с очертаниями гомункулусов. Повея по сторонам столбообразными головами, они скользнули по диагонали вниз. Видимо, дьявол выставил для охраны своих поклонников не лучшие сторожевые пикеты.

Через полчаса мы были на козырьке. Вскоре пробила полночь. Невесть откуда возникли звуки органа — тягучие, с шипящим окончанием. Словно невидимые змеи свивались в клубок какофонии и, дыша угрозой, ввергали слушающих в мистический трепет. Я почувствовал, как защеботало в носу от душистого обволакивающего запаха фимиама. Наверняка, внизу он доводил собравшихся до одурения. Луна мертвила их отрешенные лица с выкаченными глазами, а мерцающий свет черных свечей в руках казался адским пламенем. Сомнамбул внизу было много — десятка четыре. Среди них я не сразу заметил шесть существ с накинутыми на голову черными капюшонами.

— Это у них жрецы, — пояснил, не отрываясь от фототелевика, Дин. — А застланный руном учкудук с голой ведьмой — алтарь. Сейчас будут ему поклоняться. Я читал об этом ритуале в дневниках юнца-самубийцы.

Действительно, капюшоны выстроились в «стенку» и склонились в поклоне перед лежащей на краю учкудука голой мясистой девичьей. Жрецы еще не выпрямились, когда за ней из колодца показалась башка посредника сатаны: в рогатой маске из черной шерсти, что произвело на толпу сногшибательный эффект.

— Абаддона, Асмодей, Люцифер, Молох... — дьяволопоклонники вплотную подступили к жрецам.

— Шемхэм — форэш! — иступленно раздалось из десятков глоток.

— Слава сатане! Слава сатане! Слава!

Дикая, сопровождаемая завыванием органа круговерть развернулась вокруг колодца. Музыкальное сопровождение, конечно же, было «фанерой», но я дорого дал бы, чтобы узнать, в каком концертном зале сварили эту шокингую фонограмму.

— Жертву!!! — рогач призывно воздел руки в гору.

— Жертву! Жертву!! Жертву!!! — прокатилось по толпе.

Притихшая мелодия вновь набрала силу. Но это была уже не какофония, а мистическая гармония, поразившая меня в «Тагане». В органном исполнении она воспринималась неземным импульсом, накатывалась тревожной волной и погребала под собой слушателей. Действо вокруг колодца все больше утрачивало связь с реальностью.

Сидя верхом на черных баранах, к алтарю подъехали тринадцать ряженных. В руках голой ведьмы возник тесак. Не напрягаясь, она повела им по шее подставленного наездником первого барана. Тугая струя ударила ей в лицо. Ведьма даже не шевельнулась. Агонизирующий агнец тут же был сброшен в колодец. Сатана жертву получил. Теперь, по иерархии, ублажали себя поклонники. Рогатый посредник был первым. Раскроив баранье горло, он поднял его над собой и подставил под тугие струи неприкрытый маской рот. Баран дернулся и вывернулся из могучих лап. Рогатый запрокинул его навзничь и, став на колено, сверху припал к развороченному горлу. Спустя минуту, вновь оторвал от земли уже бездыханную тушу и швырнул в толпу. Мгновенно выросла куча-мала.

В это время наездники начали колоть остальных баранов. Кровь пили уже не из горла. Собранная в пиалы, она сначала была поднесена «орошенной» ведьме, затем жрецам и только после них начали причащаться остальные.

Посредник не терял времени даром. Взгромоздившись на алтарь у ног ведьмы, он открыл вентиль бездонной бочки маразма:

— Не являемся ли мы, следуя инстинктам, хищными зверями? Если человеческие существа полностью перестанут делать друг друга своей добычей, смогут ли они продолжать существование? Повинуйтесь же Верховному Сатане и следуйте, как он заповедует, своим прирожденным инстинктам.

— Слава сатане! Слава! Слава... — неслось вокруг.

— Да будут прокляты кроткие, ибо они унаследуют угнетение! — надрывался рогатый.

— Прокляты... слава Верховному... Слава...

— Да будут блаженны сильные, ибо они будут владеть землей!

— Шемхэм — форэш! Слава...

Пиалы еще ходили по кругу, когда рогатый крикнул: — Сердце младенца!!!

Церемонно держа медное блюдо, к нему через толпу двинулась гологрудая дива в бикини. Я навел бинокль на блюдо. О, раны Христовы! На мерцающей огнем медной глади, раскинув, как на распятии, ручки, неподвижно лежало мизерное тельце. Поднос плавно покачивался в такт шагам дивы. Ужас деяния только подчеркивал роковую красоту этой грациозной, прекрасных форм смуглянки с картинно распущенными по плечам волосами. Наверно так же, в красном свете факелов, несла когда-то блюдо с головой Иоанна Крестителя обольстительница Юдифь...

Пав на колени перед рогатым, дива протянула ему поднос. Тот взял комочек стылой плоти и, словно любуясь в свете поднесенных свечей, покивав башкой, очевидно творя заклинание, положил тельце обратно. Наклонившись, монстр полминуты повозился с ножом над подносом и поднял вверх окровавленную лапу. Большим и указательным пальцем он держал нечто неуловимое даже для нашей мощной оптики. Убедив таким образом в наличии желаемого, посредник вновь сотворил заклинание и бросил подношение в колодец. Вслед за ним полетело распотрошенное тельце. С минуту рогач медитировал над безводным жертвенником. Вдруг, дернувшись, как эпилептик, затянул глоссоластию, из которой явствовало, что Люцифер вышел на контакт. Скрыченный палец Посредника указывал на угол караван-сарая.

— Там вход к нему! Он явит знамение, что ждет отрекшихся.

Руководимая стадным инстинктом, толпа двинулась за Посредником в угловую комнату. Едва площадка перед учкудуком опустела, небо резверзлось мириадами вспышек и вокруг стало светлее, чем днем. Дюжины две теней, подобных тем, что материализовывались перед нами, со всех сторон рванулись к караван-сарая. При свете зависших в небе ракет, «гомункулы» оказались экипированными в маскхалаты амбалами-омоновцами. Их требовательные крики внизу возвестили, что сатанистов просят «проследовать наружу».

Сатанисты появлялись поодиночке и тут же формировались в «ромашки» — на ружье задержанного защелки-

вался один браслет наручников, на второй, свободный, «прищелкивалось» еще несколько человек. Вряд ли рога-посредник захочет стать одним из «лепестков» в этом букете. Дин с Бусликом были солидарны со мной. Улучив паузу в работе «осветителей», мы пауками перебрались на пологий склон и поползли к угловому изгибу строения. Под окошком, где Дин разбил фонарик, торчал с коротким автоматом наизготовку пятнистый истукан. Из-за угла к нему двигался еще один.

— Кранты, кажись, все повязаны, — послышался пренебрежительный бас.

Там, где по нашим расчетам находился «запасный выход», никого не было.

— Может, сдался? — предположил Дин.

— Не та натура. Ждем...

Я рассмотрел идентичную по цвету подземной «заглушке» плиту гранита. Вот-вот она отодвинется... Брать наместника лучше на выходе. Мы поползли стороной, по зигзагообразному желобу расщелины. Метров через семь я привстал на четвереньки, пытаясь оглядеться, и в этой же позе повернул за конусообразный валун. Что-то твердое ткнулось мне в темечко. Вспышка ракеты ослепила. Спустя секунду я увидел, лоб в лоб, бурую чешуйчатую рожу с оскаленными клыками. Инстинктивно отпрянув назад, я оказался сбоку карабкавшегося вслед Буслика. Не поняв, что произошло, он сунулся вперед. Раздался звук, похожий на урчание грызущего кость пса. Могучая лапа слегка притянула Кольку за грудки, и громадная башка с глухим стуком обрушилась на его академический лоб. Жалобно ойкнув, Буслик рухнул вшиз лицом. Тем же захватом монстр с треском накрыл на свою кувалду мою ветровку, и я не придумал ничего лучшего, как, летя навстречу мозгодробительному удару, инстинктивно ткнуть вперед два растопыренных пальца. Указательный угодил во что-то ускользающе мягкое, и протяжный стон возвестил, что я имею шанс на дополнительный удар. Бить не пришлось. Рядом с прокаженным мурлом возникла рифленая подошва Дина. Удушательный прием был прекрасен. Они лежали перевитые, как залегающие в спячку змеи. Но если двухцентнерная туша едва могла пошевелить рукой, то эксперт ловко манипулировал всеми конечностями, нанося нестерпимую боль противнику. Мне показалось, что во время схватки

мимо нас кто-то мелькнул. За валуном зияла дыра, возле которой валялся плоский серый камень. Мы просчитались, определяя выход из лаза. Но сейчас было не до этого. Парализованный страхом посредник сатаны созрел для раскола. Подавив отвращение, я наклонился к его лицу.

— Тебе нечего нас бояться. Мы не причиним зла при условии, что будешь откровенен...

— Что ты хочешь, легавый?

Ракетная свистопляска утасла. Но при свете луны можно было рассмотреть даже буквы в удостоверении.

— Я — адвокат. Вот ксива. Твои делишки тесно переплелись с проблемами моего подзащитного. Я почти «отмыл» его, но появляешься ты и путаешь все карты. Поэтому жажду определенности...

— Что ты хочешь?

— Во-первых, добровольного признания в каннибализме. В этом случае могу даже выступить твоим адвокатом. Наш парень даст медицинское обоснование твоей страсти. Тобой займутся не столько тюремщики, сколько медики...

— Это тобой должны заняться медики, псих!

Посредник скорчился в тисках Дина от боли.

— Ладно, — продолжил я миролюбивым шепотом. — Чем объяснишь свою тягу к кровопитию?

— Это ритуал причащения у сатанистов. Как в церкви вино.

— А убитый младенец?

— Его убийца — мать. Это было сердце выкидыша. Наш человек работает в больничном крематории. Туда их пачками привозят с абортария и роддома.

— Вполне вероятно, Пак, — подтвердил Дин, отпустив тушу. — Выкидышей перед отправкой в крематорий трамбуют в целлофановый пакет. Дальше они в полном распоряжении кочегара... Значит, Абай — ваш человек? Отвечай, боров!

— Нет... Он не наш. Для этого быдла важнее веры — деньги.

— Сматеев на каких правах у вас? Как вы его закармили?

Вдруг лицо посредника застыло от ужаса. Всей массой он подался назад. В ту же секунду у меня потемнело

в глазах от нестерпимой боли в плече. Каменная твердь под коленями ринулась навстречу и плотно припечаталась к щеке. Первое, что я увидел оторвав, от камня голову, — блеск наручников на запястьях посредника. Сам я тоже не мог развести руки из-за спины — их держало такое же железо. Попытку подняться оборвал вскрик:

— Лежать!

Рядом топотало и звякало, доносились глухие удары. Наконец, схваченный под руки двумя амбалами в комбинезонах, появился Дин — тоже в наручниках.

— Дээ-дээ... — донесся вдруг знакомый голос, и луч фонарика резанул по глазам. — Значит, Пак записался в сатанисты?

Поставленный на ноги, я очутился перед едко улыбавшимся Рымбаевым. Рядом высился широкоплечий усач. Даже просторные рукава комбеза не скрывали его туго набитых бицепсов.

— Это что, главари? — прорычал усатый.

— Да нет, капитан, это великий правозащитник Пак со своими апологетами истины. Главари — он же Великий Магистр, посредник между сатаной и кучей тех полоумных — вот этот бугай.

— Правозащитники по таким притонам не шляются. Вяжем его с остальными!

Только тут я заметил Буслика. Приваленный к камню, бедняга все еще свободным от мысли взором тарачился на кончики своих ботинок. Колькина видуха, разбитый нос Дина и нудная боль в суставах вызвала у меня глухую неприязнь к омовцу.

— Состав обвинения?! — процедил я с холодной яростью.

— Приедем в изолятор, я тебе составлю, крыса судебная...

— Не заводись, миролюбиво встрял Тулеген. — Ты задержал — и в сторону. А мне потом с ними разбор вести...

Ткнув мне в грудь фонариком, Рымбаев отдельно проговорил:

— Прощу, Пак, не путайся под ногами. Хватит того, что ты мне плешь проел как адвокат. Давай отдохнем друг от друга...

Протяжный стон Кольки вызвал у него болезненную гримасу.

— Не стойте вы того, но могу подбросить до поселка...

— Спасибо, друг... Мы своим транспортом...

Моя ирония задела Тулегена:

— Вижу, вы плотно взялись за дело. Пора останавливать. Тогда так: в понедельник утром все трое ко мне в кабинет. Возьму объяснение, как и с какими целями вы оказались на сборище сатанистов. И еще: этим чудикам на первый раз прошу, а на тебя, Пак, пишу докладную в коллегия адвокатов!

Наше возвращение через хребет напоминало альпийский поход Суворова. Мы шли избитые, изможденные, но не побежденные.

***

— Здравствуйте, Маншук... Хозяин дома?

Худенькая, с печальными глазами серны, жена Сматеева молча кивнула и закрыла за мной дверь в глинобитном заборе.

Женой Булата она стала наперекор родителям. Творчество резчиков по камню всегда было невостребованным. Приходилось подрабатывать на жизнь халтурой. Булата взяли в оборот дельцы из бюро ритуальных услуг. Поставляли сюда дефицитный гранит «габро», он высекал шикарные надгробия. Когда «дело» накрыли, не ведающий, по каким баснословным ценам уходят «налево» его работы, камнерез тоже получил срок. Вместо трех отсидел полтора года. Маншук добивалась, чтобы Булат не срывался больше на халтуру. Когда Сматеев открыл кооперативную мастерскую, жизнь наладилась. До той страшной находки.

— Булата словно подменили, — Маншук промокнула платком уголки глаз. — То сутками пропадает, то запирается в мастерской. Нехорошие люди повадились... Ума не приложу, что с ним сделалось...

Я тоже мог «приложить» лишь смутные догадки. Несомненно, следы в подземелье — работа Булата. И, пожалуй, это он уходил с Магистром тайным ходом от обвалы. Доверительные отношения со Сматеевым у нас

сложились еще в следственном изоляторе. Теперь хотелось, чтобы он пролил свет на деятельность секты и свою причастность к ней.

Дверь в мастерскую отворилась сразу. Булат был бледен, как аспирин. В блуждающих, с нездоровым блеском глазах вспыхнул испуг. Не отреагировав на знак поговорить по душам, он снова резко затворился.

— Что за люди здесь появлялись? — спросил я у всплакнувшей Маншук.

— Первым повадился Джума. Фамилию не знаю. Знаю, что сидел, нигде не работает.

— Что он собой представляет?

— Смахивает на питекантропа. Но главное — взгляд.

Напряженный, исподлобья, словно у рыси на охоте. И уши у него рысиные — острые, торчком.

— А кто остальные?

— Только один был. Бывший начальник цеха ритуальных услуг Нурсултан Худайбердыев. Я называю его Черная Беда. Из-за него Булат угодил под суд. И после этого появления видите, что с мужем творится... Он несет в наш дом беду. Это чудовище!

— Как он выглядит?

— Я же говорю — чудовище! Громадное, уродливое. Вместо лица бурая маска в чешуе. Раньше он таким не был, а с возрастом совсем, как его дед стал.

— Что еще за дед?

— Известный некогда шаман. Видела его в детстве — мерзкая жаба с покрытым жуткими наростами лицом. У них это наследственное. Бич Божий...

Я чувствую, это Черная Беда на него плохо влияет. Булат не хочет иметь с ним дел, но какая-то злая воля толкает его. Господи, чего этот дьявол от него добивается?

Мы с Бусликом разрешили этот вопрос так. Выйдя на свободу и не получив доступ к материально-ответственным должностям, Черная Беда вспомнил про деда-шамана. Выходит, он отпрыск посредника между реальным и астральным мирами. Всплеск в изверившейся стране мистицизма, поиск спасения под крылом ирреальных сил, явил заманчивые перспективы. Чтобы шаманить, надо иметь биоэнергетические задатки и практические навыки. Чтобы дурачить алчущие новых идолов головы, да

еще получать с них взносы за тупость, достаточно подвешенного языка и банальной мистификации. Для бедового внука оставался только второй путь. Сколотив «орден сатаны» и объявив себя в нем Магистром, он двинулся к безбедному существованию. Худайбердыев облюбовал для ночных выкханалий известный дурной славой учкудук. Обнаружение там братской могилы весьма на руку, поскольку поклонники сатаны одолели просьбами наладить встречу с Князем тьмы. Но без печати самого эта готическая усыпальница — абстракция. Тайные воздухопроводы, имитирующие астральное осязание, подсказывают идею — проложить по ходу тяги следы и тем самым создать ощутимый эффект присутствия сатаны.

Магистр вспоминает о поделнике по «надгробному делу». Пока загадка, чем именно он взял Сматеева. Одно несомненно: между ними разыгралась какая-то жуткая драма, поскольку ненавидящий Магистра Булат до сих пор еще в шоке. Тем не менее, заказ выполнил — «наследил» в подzemелье.

Такой виделась нам общая картина событий. Правда, непоколебимый в своих идеях Колька привнес в нее малость «генетической чернухи». Дескать, Магистр унаследовал от деда-шамана не только предприимчивость, но и ярко выраженный вампиризм. Я оставил его при своих убеждениях и выехал в Алма-Ату, чтобы обогатить добытую информацию изысканиями Динмухамеда.

Нашел его в морге.

— Заклейми меня как профана, идиота, кретина! — потребовал Дин, встретив меня на входе в своего преисподнюю.

Он провел меня в мрачную помесь чулана и электрощитовой. Только вместо трансформаторных — дверные щитки отключенных с полгода назад холодильников. Смрад был густой — хоть вешай топор. Дин рванул одну из дверок. За ней просматривалось нечто серо-зеленое, с белым пятном лобной кости.

— Здешний «долгожитель» — неопознанный номер сто двадцать семь, — Дин захлопнул дверь. — За год таких набирается о-е-ей! Иногда захоранивают почти голые кости...

До меня начало доходить, куда он клонит.

—...И столько наплеватьства на последнюю дань усопшему, что... В общем, сволота Абай, наш санитар, о котором я тебе рассказывал, этим пользоваться. Полканистры щелочи, час выдержки и... заказ на «древние мощи» выполнен.

— Н-да... Ну, а ты-то причем, Дин?

— А при том, что, как студент, не определил давности «мощей странников». Частично, сбили с панталыку крысы. Ведь очищенные от плоти кости темнеют дольше, чем при разложении трупа. Вдобавок, затмило мозги расчленение левых ребер — сработала психологическая установка на караван-сараевских потрошителей. Даже не вспомнил, что некоторые щелочи придают костям специфический оттенок давности. Крети-и-ин...

— Так подземная жральня крыс — мистификация?

— И довольно грубая!

— А наличие камеры, а подслушивающие сосуды в стенах?

— Постоялый двор находился на насыщенной караванной артерии. В наших горах и степях никогда не было покоя. Междоусобицы, нашествия иноземцев... Двор — древнее агентурное гнездо некой организации или клана, где, кроме негласного сбора, информацию добывали «с пристрастием». Но замурованные мощи — изобретение Магистра.

В микрокабинете экспертов, Дин выставил на стол диктофон. Голос из него был странный, словно человек говорил во сне.

— Я больной... Моя кровь чернеет, густеет, превращается в мощные щупальца. Они сдавливают и выворачивают тело наизнанку. Абай дает сидящему во мне спруту спотворное, он засыпает. Щупальца отпускают мои свиты в канат мышцы и нервы. Боль уходит и я чувствую сладостное ничто... Кровь уходит из меня, тело уходит. Остается душа... Ей легко и приятно. Душа вечна, тело — ничто... Я помогал Абаю высвобождать людей из оков плоти... Мы растворяли их, превращали в ничто. После нашей щелочной ванны они вышли чистые и освеженные. Их было двенадцать. Столько было нужно Абаю... Зачем? Для какого-то Магистра. Его знает Абай и Джума...

— Пошла тянучка, — Дин выключил диктофон. — Докажу сам. Джума-Джумагалиев Николай Есполович. Си-

дел за неумышленное убийство. Четыре года колонии и два строек. Абаю тоже за примерное поведение заменили зону стройками. Там они стакнулись.

Вещающая сомнамбула — Джакып Вильданов, приятель Абая, бывший санитар, теперь сторож морга. Я подозревал, что он сидит на игле. Вчера в его шкафу нашел шприц и пузырек с варевом из соломки. Зашился я с вечера здесь, а когда дед ширнулся, расколол его...

— Снимаю шляпу...

— Значит так: Абай в прошлом работал на кладбище. Не поделили с бугром, то бишь своим бригадиром, проценты навар. А тут обэхээсники вышли на группу расхитителей памятников. Бугра повязали как соучастника. Его приспешники заподозрили, что стукнул Абай и сдали его самого. А именно: Бергенов присматривал богато приодетого покойника, ночью с кладбищенским сторожен вскрывал могилу и сбывал шмотки в комиссионку.

— Имея бешеный навар шел на такую дешевку?!

— Ничего себе дешевка! Да учти еще, что «обеспеченные слои населения» взяли моду подчеркнуть значимость родного усопшего материальным эквивалентом — камешками и золотишком. «Что может быть милей вас, денежки, дороже совести, дороже девочки...»

— С последним не согласен. Абай помешан на девочках. Точнее — девственницах. Есть, Пак, и такие «коллекционеры». При обыске, дома у Бергенова нашли «ожерелье» из нанизанных на шнурок дешевых колец. Количество колец соответствовало количеству их обладательниц, подаривших Бергенову право первой ночи. Бергенов потом сам сознался, что, кроме денег, давал экс-девственницам взамен колечка «на память» украшения покойников.

— Держу пари, это были законченные уродины или психопатки. «Целомудренна та, от которой все отказались».

— Па-ак... — в голосе Дина сквозило неприкрытое разочарование в моих познаниях женской психологии. — Это были куколочки-симпатюльки, годные их первому мужчине в дочки.

— Сколько же он платил им?!

Дин смотрел на меня, как на непроходимого ту-пицу.

— Что нужно для покорения женщины, — начал он менторским тоном. — Нестандарт! Эффект неожиданности, позволяющий возбудить ее любопытство. А уж если оно взыграло, эту музыку несложно положить на ноты. Иное дело, что на обеспечение «нестандарта» и «праздника жизни» куколкам Абай раскручивался по полной выкладке, поэтому постоянно нуждался в деньгах. И нуждается...

— А вместо подельника-гробохраниителя у него теперь Вильданов с Джумагалиевым?

— Джума — шваль, проходная пешка в интересующей нас компании. Тусуется без дела с разным отребьем, не дурак выпить, может засмалить косячок конопляшки, но на иглу не лезет. Куда интереснее...

— Спевка Абая с Магистром!

— Да. Они ведь родственные души. До посадки цинично зарабатывали на людской беде. Абай и сюда лез ради навару — родственники легко раскошеляются на придание усопшему «достойного вида».

— А если его устройство — звено еще за решеткой продуманной операции по выкачиванию денег из дураков?

— Не думаю. Абай освободился раньше Магистра. А тот ударился в сатанизм после неудач погреться у казны. Это — раз. Два — Магистр хотел иметь Бергенова поставщиком «ритуальных мощей» и только. Но Абай, по словам Вильданова, цепко сел ему на хвост. Он требует деньги за что-то более важное, чем кости покойников. Налицо шантаж. Угроза в адрес Магистра звучала так: «Если этот любовник покойниц не оценит мое молчание, он потеряет все...»

Я не верил своим ушам. Хороший подарочек получили сыщики от Абая. А я ломал голову, как Рымбаев вышел на сатанистов! Ведь основное время у него ушло на отработку версии «убийца-камнерез».

Право же, Тулеген заслужил поздравление. Поскольку его запугивания были блефом, и он ничем не препятствовал нашим изысканиям, искренность моя была чиста, как богемский хрусталь. Но Рымбаев усмотрел в поздравлении «новую адвокатскую шпильку».

— Зайди, жду... — пробасил он в трубку.

Настороженный, пытливый взгляд Тулегена говорил, что дело продвигается не так уж гладко.

Сейчас мы были по одну сторону баррикад, и я не стал играть втемную. Сполна сдал информацию Дина.

— Дээ, дээ... Так вот что это за подземная кунсткамера, — протянул Тулеген.

Он отвечал взаимностью. О «проделках» Абая, оказывается, не имел понятия. Все члены секты были убеждены, что останки, действительно древние. Из-за задержки результатов экспертизы костей, следствие тоже придерживалось этого мнения. Магистр умел дурачить...

— Но почему Абай назвал его «любовник покойниц»?

— У следователя этих «покойниц» с десятков набралось, — ухмыльнулся Рымбаев. — Нурсултан Худайбердыев тоже был не дурак попользоваться насчет клубнички. По ритуалу, когда сатана был задействован на других эсбатах, «единение духом» с избранной в его любовницы девушкой выполнял посредник, сиречь, Магистр Нурсултан. Для усиления эффекта жертвенности, он укладывал любовницу на смертное одро, вокруг по всем правилам совершался ритуал отпевания. И поскольку дьявол не спешил забирать душу своей любовницы, она, естественно, «оживала». Но в следующий раз, на ее место ложилась другая. Это считалось в секте за великую честь...

— Тебе не кажется, что Магистр подвержен некрофилии?

— Сексопатологи еще посмотрят. Но что Абай яркий образчик педофила — несомненно. Естественно, помешанный на трепетных еще полудетских телах сексопат, воспринимает пристрастие к имитации трупа, как верх извращения. Отсюда его брезгливость к Магистру. Гораздо интереснее другое. Кто дает Абаю отчеты о сатанинских вечеринках?

— И все-таки, дело не в вечеринках.

После моих слов Тулеген невольно отвел взгляд. Это выдало его с потрохами. Он откровенничал насчет Абая, но нечто более важное не хотел открывать, да и не имел права. Я был не задействованный в деле, «мешающий следствию адвокат». И все же, хотелось определиться насчет Магистра.

— Некрофилия — влечение, прежде всего, к мертвому телу. У пяти жертв были взяты на исследование выделения убийцы-насильника...

— Антон... Это в «Знатоках» Зиночка Кибрит в два счета дает Сашеньке и Пашеньке результаты исследований. А мы по месяцу на коленях перед экспертами стоим. Ни одна экспертиза еще не дала заключения по делу Магистра. Алиби у него во всех случаях не железное, так что крутим потиху. Но Абай, поверь, не менее интересен. Гранд мерси, старик, что помог...

— Я могу расценивать это как поощрение дальнейшего приватрасследования?

— Пак, остепенись! Ты со своими гавриками мне помешаешь.

Я согласно кивнул. Что мы могли предпринять, если обрублены все концы?

***

Среди недели в «Таганае» малоллюдно. Я по привычке заскочил в обед на пиво с бутербродом. В коллегии предлагали только тусклые делишки по хищениям. Брать не хотелось. Мне все милее становилась идея раскопаться с вампиром и, урвав на память листок с лавров Тулегена, отбыть, наконец, в Беларусь. Теперь казалось несусветной глупостью покинуть родные пенаты.

От ностальгических раздумий меня оторвал живой скелет. Тот самый творец музыкальной мистерии. Оглядываясь, он застыл возле стойки бармена. Только сейчас меня насторожило, что вместо Егидея — незнакомый мне пупсик-крепыш. Они перекинулись парой слов и музыкант ушел. Едва закрылась дверь, два обросших черной каторжной щетиной парня двинулись вслед. Что-то толкнуло меня за ними. Промедлил буквально полминуты. Когда шагнул на тротуар, от входа уже отъезжала черная «Волга» без номера. Музыканта, несомненно, «загрузили» в эту машину. Быстро удаляющаяся в противоположную от отъехавшей машины сторону спина показалась знакомой. Чуть сгорбленная, широкая, с ровными, без покатости плечами. Рядом, на уровне плеч, дергался от быстрой ходьбы хохолок макушки напарника. Оба явно спешили скрыться. Я непроизвольно пошел вслед.

Меньший резко обернулся. Это был Джума Галиев. С ним, несомненно, немой камнерез. Похоже, Джума не заметил слежки. Мы шли по узким, окаймленным довоенными двухэтажками улочкам Старого города. Они свернули в проходной подъезд. Явно «закидывают петли». Не дойдя одного дома, я проскочил к тыльному углу. Во дворе был лабиринт из сараев. Я переместился за стенку ближнего, прошел вдоль нее до противоположного конца и вновь выглянул. Тылом на лужайку с песочницей выходил однотипный дом с проходным подъездом. Мои объекты вошли в его темную пустоту. Чуть выждав, я шагнул за ними. В полумраке было не рассмотреть, какая сила швырнула меня под пролет лестницы. В ту же секунду в глазах сверкнула красная вспышка, и я без лифта поехал вниз. Так бывает, когда тебя отключают приемом джиу-джитсу. Придя в себя, я даже не сообразил, сколько пролежал «в тенке». Ясно, что преследовать поздно. Но кто преследовал меня?!

Вечером втроем мы проследовали на «Победе» Дина моим маршрутом. Эксперт любил свой город и знал здесь каждый закуток.

— Ты знаешь, Пак, где тебя отключили? На поддороге к дому Абая! Сейчас мы сделаем ему реверанс.

Улочка оборвалась на краю холма.

— Прекрасный наблюдательный пункт, — отметил Дин. — Видите внизу салатный особняк с террасой?

Дин протянул нам подозрительную трубу.

Криво скалясь от напряжения, Буслик уставился на «коробок».

— В Багдаде все спокойно...

— Но беспокойно в датском королевстве, — куснул ноготь Дин. — Абай срочно рассчитался. Думаю, на него опять пало подозрение в стукачестве. Сатанисты ребята аховые — принести в жертву любого им, как раз плюнуть...

— Значит, уйдет в бега?

— Не похоже, чтобы дошло до бегов, — промямлил Буслик, ввинчиваясь взглядом вниз. — Мужчина с тремя девушками подъехал на такси. Хозяин на террасе машет... Дин, держу пари — у него лицо цвета погребального савана. И сосудистая сетка до капилляров просматривается...

— Н-ну... У тебя, что зрение, как у матери Галилея?

— Дай сюда, зануда... — я припал глазом к окуляру.

— Да, мы попали кстати. Похоже, намечалась вечеринка. Запустив гостей в дом, хозяин разговаривал на террасе с Джумой. К чести Кольки, хозяин действительно был неординарный субъект. На Сторожевском рынке в Минске я видел американскую пипу-белесую лягушку с толстенными задними и маленькими передними лапками. Этот живой, безобразный студень обладал невероятной ловкостью.

Абай — обрызгший, белесый, кажущийся издали ловкой пипой, все еще суеился на террасе. Нет, я в упор не представлял, какой нестандарт может явить по теории Дина это бесхвостое земноводное, чтобы соблазнить девицу...

— Итак, мы имеем, — констатировал Дин, когда пришла его очередь наблюдать, — Абай, Джума, поставщик девочек и твой, Пак, батыр-камнерез — с одной стороны, три особи женского пола неопределенного из-за расстояния возраста, но вполне определенного поведения — с другой. Не понимаю, чего мы надеемся дожидаться от этой компании? Взялись ловить людоеда, а сами как сексуально озабоченные отроки под окном женской бани тусуемся...

Меня тоже вконец одолело чувство бессмысленности наших подсматриваний, когда около полуночи, вскинув трубу, Дин возбужденно молвил:

— Вечер перестает быть томным...

Одна из женщин, обхватив голову, металась по террасе, возле нее суеилась вторая с неизвестным нам мужчиной. Вывернувшийся из дверей хозяин вмиг затолкал их обратно. Свет в торцевой части окна погас.

— К дому! — скомандовал я, как вперёдсмотрящий на бочке пиратского брига.

В момент нашего приезда возле калитки уже стояла черная «Волга» с затемненными окнами, а вдали мелькал синий маячок патрульной машины.

— Фу ты, ну ты... — вырвалось у Дина. — Только заварим кашу, а в нее уже наплевано.

Вокруг дома собирался народ. Нас туда не пустили, пока не появился Рымбаев.

— Эти со мной, — бросил он сержанту и с ехидцей добавил: — Заслужили за муки...

Первое, что бросилось в глаза, — голова брюнетки на блюде посреди богато сервированного стола. Обрызганное кровью лицо искажала гримаса боли.

Подавляя ужас, я с трудом повернулся к хозяину. Абай был прозрачно-серым. Бесцветные жабы губы дрожали. Руки-лапки, околцованные наручниками, сучили в воздухе. Но крови на нем не было. Рядом на диване, опустив глаза, сидел Сматаев. Тоже в наручниках. Две девчушки прижимались к парню. Для них наручников, видимо, не хватило. Я чувствовал, что кого-то не хватает еще. И тут он появился... Кровавый оскал напоминал жуткую улыбку. Я четко рассмотрел по два выпирающих из красного частокола зубов клыка. Сверху и снизу. Выпученные глаза блуждали по нашим лицам, затем, вперились в отчлененную голову. Что-то дикое — не то радость, не то восторг — овладели им. Трепыхнувшись в крепко сжимающих с обеих сторон руках сыщиков — тех самых небритых парней, что взяли в «Таганае» музыканта — он возбужденно загыгыкал.

— Тело в той комнате, — сказал один из небритых Рымбаеву.

Обезглавленное, с раскинутыми руками, оно лежало совершенно голое на залитой кровью кровати. По стене, достигнув потолка, тянулся шлейф алых пятен.

— Вступал в половую связь дважды, — донеслось до меня сквозь застилающий сознание туман. — Сначала с живой, затем...

***

Занималась заря, когда мы уселись в «Победу». С нами был Тулеген. Все молчали пока Динова «старушка» не вскарабкалась на склон старого города. Здесь Рымбаев попросил остановиться.

— Люблю зарю над Алатау... Какая неподвластная скверне чистота... Хорошо, когда встречаешь таких же людей.

— Ты о ком это? — глухо поинтересовался я.

— О вас, парни, о Булате-камнерезе... Только чистый душой человек поверит другому. Как ты, Пак, Сматаеву.

Но если думаешь, что именно ты своими адвокатскими штучками развалил доказательную базу против него, — ошибаешься. Он сам спас себя...

— То есть... — я был на грани шока.

— Он четко влип на шестой жертве. И как минимум, уж за нее, за одну получил бы по полной раскрутке. Но меня подкупила твоя вера в него. Чем черт не шутит? И я поставил Булату условие: смоешь с себя подозрения, если поможешь взять людоеда. Он был в шоке — человек искусства, тонкая душа. Поэтому и получилась заминка в изоляторе, из-за которой ты чуть не подвел меня под минарет. Но Булат согласился. Зачем был нужен именно он? Я уже сказал. Кроме того, вампир действовал в тех местах, где жил камнерез. Значит, и сам, как на поверку оказалось, оттуда. Арест Сматеева вызвал резонанс. После его освобождения, убийца так или иначе должен появиться возле него, поинтересоваться результатами. А поскольку не владеет сурдоазбукой, набьется Булату в друзья, задержится, пока не научится понимать его.

Первым всплыл Джума с заказом на памятник, вторым — Магистр с просьбой «наследить» в подземелье. Мы сначала не могли определиться: оба не проявляли особого интереса к его аресту. И тут интерес моих сыскарей пересекся с интересами «межрегионалки» по борьбе с наркомафией. Выяснилось, что Худайбердыев-Магистр еще до посадки связался с кыргызстанскими «торговцами сном» и за Иссык-Кулем у него маковая делянка. Кстати, именно этим и пытался его шантажировать Абай. Глубоко входить в дело Магистр боялся. Ограничился минимальным паем «маковой семьи». Это позволяло, не входя в близкий контакт с остальными наркодельцами, сбывать опиум и сырье через самостоятельно налаженные каналы. В частности — небезызвестного вам троим Егидея в «Таганае». Промышлял сам. Секта сатанистов — полулегальный притон, в который он втягивал наркоманов, затем и здоровых людей. Взносы в секте — это бешеные деньги за наркотики. Давал их Магистр через подставных людей, вроде небезызвестного музыканта. Черная «Волга» тоже подстрахована «подставкой» — личным водителем. Так что крутить его по конфискации еще ого-го!

Короче: представленная «межрегионалкой» фактура на Магистра позволила сделать вывод, что каннибализм не его амплуа. Худайбердыев — духовный вампир, высасывающий души людей.

Таким образом, оставался Джума. Им вплотную и занялись. Ждали, что пойдет на дело в глухом месте, а его, под влиянием алкоголя, жажда крови одолела прямо в притоне, в который ты его столь неудачно «сопроводил», Пак. Извини, но моим парням пришлось временно отключить тебя, чтобы не путался под ногами...

— Боже мой... — простонал Буслик. — Я ведь держал в руках амбулаторную карту Джумы! Помню, еще сомневался: заносить его в свою «картотеку» или нет, потому что у него в детстве была очень специфическая анемия... Убежден, проверка покажет, что у Джумы и сейчас не все в порядке с кровью...

— А я, пока сегодня не увидел его окровавленную пасть, на смех поднимал вашу теорию, доктор... Нет, тут действительно еще, кроме психики, что-то есть...

Тулеген задумался, затем, спохватился:

— За Сматеева, Пак, не волнуйся. О том, что он с нами шушукался никто не подозревает. Так что, пусть творец творит...

***

...В аэропорт мы поехали на такси.

— Может напрасно, Пак? Сам знаешь: хорошо там, где нас нет.

Голос Дина предательски подрагивал.

— Знаю, старик, что покидаю друзей. Но мне надо в Беларусь. Хоть улицы подметать, но только дома, в Минске!..

Буслик без слов понял мой взгляд.

— Нет, Антон... Наука не знает периферии. Мне соиздали здесь условия. Буду работать!

Мы уже вышли на регистрацию, когда неожиданно возник Рымбаев. Он долго созерцал меня фотографирующим взглядом, наконец, с несвойственной ему сдавленностью в голосе, произнес:

— Осточертел ты мне...

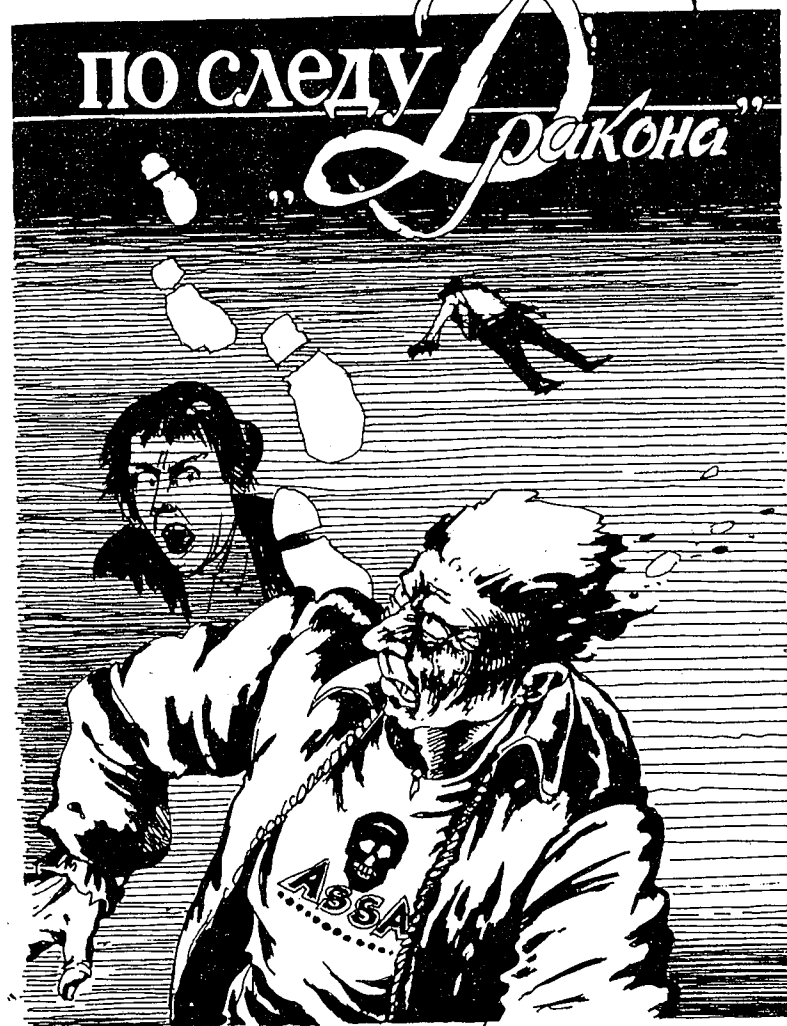
Мы крепко, по-мужски обнялись.

Возле подвального автобуса я невольно оглянулся и вздрогнул от неожиданности. Как-то миновав регистра-
туру, за стеклом посадочного зала стоял Сматаев. Он
приложил к сердцу обе ладони и, отняв, послал мне воз-
душное рукопожатие. Я прекрасно знал язык немых, хо-
тя здесь об этом никто, кроме Булата, не догадывался.
Не мог же я показать, что негласно контролирую точ-
ность сурдоперевода при его допросах.

Я тоже ответил рукопожатием и почти ощутил ладо-
нями шершавые руки камнереза...

В. Гойтан

по следу Дракона

Последний, шестой удар он нанес для верности... Нож прошел между ребрами, даже явственно послышался хруст костей, какое-то хлопанье там, внутри. Тесак что надо, недавно оттял его у одного частного таксиста вместе с дневной выручкой. Долго оттачивал на наждаке, готовил для дела. Не знал только, что так скоро пригодится. Потом неспешно нагнулся, поднял с земли «Шарп», что стоял в каком-нибудь метре от лежащего в крови человека, а заодно и его болоньевую куртку, а свою, старую и потертую, оставил рядом. Собственно, из-за «Шарпа» он и порешил парня. На «черном рынке» два куса отвалят за этот магнитофон, совсем новенький. «Сам виноват, дурачок, — без особой злости подумал убийца, шагая по тропинке, что петляла между деревьями. — Не надо было высовываться напоказ со своей заморской штуковиной. Кажется, никто не видел, а когда спохватятся, его и след простынет. Мертвец же будет молчать...»

* * *

— Алексей Николаевич, присаживайся, — сказал заместитель начальника Гродненского областного управления внутренних дел полковник Платонов. — Руководство решило поручить вам одно ответственное дело. Знаю, что, наверно, синим пламенем сгорит отпуск, хотя, если справитесь быстро... Впрочем, об этом пока рано говорить. Вы, надеюсь, в курсе, что у нас в области орудует самая настоящая банда. Что бы ни говорили, однако все признаки налицо: организованы, вооружены, совершают дерзкие разбойничьи нападения. По черк похожий, к тому же обычно связывают свои жертвы. Осталась самая малость: установить, кто они, и задержать. Этим и займетесь. Помощников можете подбирать по своему вкусу. Все управление в вашем распоряжении. Да, чуть не забыл, звонили из Дятловского райотдела внутренних дел, там у них новое происшествие: кто-то пытался убить парня, всего исполосовали, ограбили. Врачи удивляются, как только выжил. Возможно, это каким-то образом связано с тем, чем вам предстоит заняться в ближайшее время. Словом, задание ясно?

— В общем-то да, Михаил Алексеевич, — улыбнулся Позенко. — Как вы изволили заметить, осталась самая малость: начать и кончить...

...Подполковник милиции Позенко был, конечно же, не новичок в своем деле. И все же каждое новое задание воспринимал, как в первый раз. Давно убедился, насколько важно с самого начала собрать и разложить по полочкам факты, улики. Пока их до обидного мало. Отдельные сведения, поступившие по поводу ограблений, еще не цепь для построения определенных версий, логических выводов. Но уже то, что неизвестные орудовали в нескольких районах, наводило на мысль, что у них либо есть свой транспорт, или перехватывают «леваков». Теперь вот случай в Дятлово. Прав полковник, этим дерзким ограблением следует заняться в первую очередь. Поскольку парень остался жив, возможно, он запомнил приметы грабителя. А это уже кое-что. Надо бы самому съездить на место происхождения, да дел не впрокорот здесь, в Гродно. А туда, кажется, по поводу убийства женщины выезжает старший оперуполномоченный уголовного розыска майор милиции Якубовский...

* * *

Сознание возвращалось к нему медленно. Порой Юрий Белоусов терял нить воспоминаний, словно проваливался в бездну. Но постепенно память все более четко обрисовывала подробности того страшного дня. Если бы не адская боль, впивающаяся буквально в каждую клеточку истерзанного тела, многое можно было бы вспомнить.

Он с трудом уговорил родителей, чтобы те разрешили взять с собой в поездку новенький «Шарп». Хотелось блеснуть перед своей знакомой великолепной покупкой. Юра еще не мог привыкнуть к «гражданке» после двух лет армейской жизни. Охотно отвечал на вопросы знакомых, легко сходилась с совсем незнакомыми людьми. Все вокруг было в розовом цвете.

До отправления автобуса в его родную деревню Пацевичи оставалось еще около получаса, и поэтому он охотно согласился показать незнакомцу дорогу в стройуправление. Вышли к небольшой рощице.

— А не перекусить ли нам на дорожку? — его попутчик опустил прямо на траву. — Приезжал вот к корешу, да не

застал дома. Не тащить же угощение назад. Меня зовут Анатолий, попросту Толик. А вас?

Пришлось представиться разговорчивому попутчику. А тот разложил нехитрую снедь, достал из сумки бутылку. Рубаха расстегнулась, и на груди с правой стороны показалась татуировка — аккуратная женская головка. Еще подумал: утораздило же парня превращать свое тело в картинную галерею. Видать, больно было. И тут шею словно огнем обожгло. Дальше, как сквозь сон, — адская боль.

Не помнит, сколько времени пролежал на солнце. Очнувшись — все тело будто в огне. С трудом развязал ремень и подался в сторону ближайших домов: сначала шел, потом полз.

В крайнем доме старик с женой просушивали во дворе зерно. Им помогала внучка — девочка лет четырнадцати. Вдруг со стороны улицы послышался стон.

— Внученька, поди посмотри, что там за шум? — попросил дед.

Та не успела открыть калитку и тут же захлопнула.

— Дед, ужас какой! — вскрикнула она. — Там, на улице, окровавленный человек. Помогите ему, а я побегу вызывать «скорую».

Работники милиции выслушали страшную исповедь Юрия Белоусова. Попытались было расспросить подробнее, но тут вмешался врач:

— На сегодня хватит. Больной и так уже много сил потерял. Ему нужен покой. Столько перенес — врагу не пожелаешь. Вот поставим на ноги, тогда и расспрашивайте.

Вскоре Позенко докладывал Платонову о результатах встречи с потерпевшим. Все подробности той беседы рассказал по телефону майор Якубовский. Не забыл и про татуировку на груди.

— Что делать будем, Алексей Николаевич? — спросил Платонов. — Это ниточка. Я имею в виду татуировочку.

— И я об этом подумал, товарищ полковник. Скорее всего в лагере заработал такую отметину. А это уже особые приметы, они фиксируются, — выложил свои соображения Позенко. — Словом, грех этим не воспользоваться. Да и приметы преступника Юрий обрисовал довольно четко. Можно будет попробовать составить фоторобот. А пока дадим запросы по райотделам милиции. Пусть проверят по карточкам своих «клиентов».

И как в воду глядел. Спустя несколько дней получили из Лиды депешу. Подробная характеристика на Виктора Седлецкого по кличке «Дракон». 26 лет. Дважды судим. И приметы сходятся, и татуировка в виде женской головы на правой груди имеется.

Юрий Белоусов все еще находился в больнице. Досталось таки парню: шесть ножевых ранений, каждое из которых могло быть смертельным. Особенно — удар в шею. По заключению врачей лезвие ножа прошло всего в нескольких миллиметрах от сонной артерии.

Белоусов даже в лице изменился, когда ему показали фотографию.

— Это он, конечно же, он!

В тот же день составили план оперативно-розыскных мероприятий. Удалось установить и одного из подельщиков Седлецкого. Им оказался некий Иосиф Бабич, в прошлом тоже судимый. А «засветился» он, когда с Виктором Седleckим приезжал в Мосты к своим знакомым, которых Виктор и ограбил. Штаб оперативной группы решено было разместить в Лиде.

...Виктора Седлецкого в Лиде не застали. Послали оперативную группу в Мосты: где-то там обитал Бабич. Но того в родной деревне. Большие Степаничи не оказалось. Решили прочесать город. И вдруг возле пивного ларька случайно натолкнулись на него: с дружкой уголял жажду. Тут и взяли. Откуда было знать, что его собутыльник Валентин Дубовский — один из грабителей. Его взяли несколько позже. А пока следователь по особо важным делам областного управления внутренних дел подполковник Малевич приступил к допросу Бабича. То ли от неожиданности, то ли от испуга, но Бабич сразу «поплыл» — стал давать показания и на Седлецкого, и на других членов шайки.

Срочно надо было брать Седлецкого. Он вооружен, особо опасен. Опьяненный кровью, с пистолетом мог натворить дел.

В городском поселке Березовка оперативники чуть было не взяли его на квартире у знакомой. Но в спешке допустили промашку. Несколько замешкались при входе в дом. Виктор Седлецкий успел выскочить в кухню и прижаться к стене. Один из оперативников открыл дверь, просунул голову и обвел взглядом помещение. Кухонька маленькая. Откуда ему было знать, что преступник стоял за дверью с пистолетом в руках. Один шаг — и оперативник получил бы пулю в лоб. Когда после разбора происшествия Позенко напомнил ему

все детали той операции (об этом на допросе рассказал Седлецкий), капитан побледнел, понял, что только чудо спасло ему жизнь.

А пока Седлецкий был на свободе. Догадывался, что за ним охотится милиция, удвоил осторожность. Днем почти нигде не показывался.

Поступили сведения, что он мог скрываться у своей знакомой в Слопиме.

Оперативная группа окружила дом. На этот раз действовали с особой осторожностью. Когда ворвались в квартиру, Седлецкий даже не успел опомниться. И вот уже на руках застегнулись стальные браслеты...

Наутро Седлецкого доставили в Дятлово. В специальной комнате его уже ждали Позенко и следователь Малевич.

Виктор Седлецкий держался вызывающе.

— Где это видано, чтобы людей среди ночи с постели хватать, — начал он чуть ли не с порога. — Об этом произволе сообщу прокурору.

— Хватит ломать комедию, гражданин Седлецкий, — вмешался Позенко. — Постановление о вашем аресте прокурор подписал еще несколько дней назад. А теперь расскажите, как и зачем пытались убить парня? Где похищенные вещи?

«Дракон» в ответ громко рассмеялся.

— Не смешите меня, начальник. Зачем шьете чернуху? Где факты, свидетели? Спросите лучше у того парня, о котором только что говорили.

— Уже спрашивали, — спокойно ответил Позенко. — К счастью, Юрий Белоусов жив. Правда, он еще в больнице. Можем устроить свидание.

«Дракон», кажется, потерял дар речи. Как-то невнятно пробормотал:

— Не может быть. Ведь я его резал, как поросенка. Весь же в крови плавал. Вот невезуха...

***

За свою почти двадцатилетнюю работу в органах следователю по особо важным делам при прокуроре республики Ивану Ивановичу Бранчелю приходилось расследовать немало разных дел. Но то, что поручил ему начальник следственной части Прокуратуры республики В. В. Соболев, было не похоже на другие. Даже по тем далеко не полным фактам, что собрали сотрудники управления внутренних дел Гродненского

облисполкома, преступная группа имела все признаки банды: ее участники (кстати, судимые по несколько раз) были вооружены, отличались исключительной жестокостью в отношении своих жертв.

... Перечитывая страницу за страницей материалы первоначальных допросов подозреваемых в преступлениях, Иван Иванович все больше убеждался в том, что главная фигура в банде — вожак этой стаи Виктор Седлецкий. Впервые он был осужден в 17-летнем возрасте за изнасилование малолетней. К моменту ареста в свои 26 лет имел три судимости. По всему видно, ничто уже не в состоянии исправить характер этого человека, привыкшего жить по волчьим законам. Даже по тем обрывочным сведениям, которые имелись в протоколах предварительных допросов, видно, что это крепкий орешек. Стало быть — начинать с него.

Виктора Седлецкого ввели в комнату следственного изолятора. Высокий, стройный, в покатых плечах ощущается немалая сила. Руки жилистые, мощные. Особенно правая. Кулак, как кирпич. Вначале даже подумалось: опухоль? Ан нет, он такой от постоянных ударов обо что-то твердое. Во время отсидки «набивал».

Бросилось в глаза и множество наколов. Не человек, а какая-то ходячая картинная галерея. Между тем лицо привлекательное, густые светлые волосы красиво обрамляют голову. Такой, конечно же, правится женщинам. И только глаза — дерзкие, колючие — выдают характер.

Он грузно сел на табурет, театрально забросил ногу за ногу. Весь его облик как бы говорил: мне, мол, торопиться некуда. Когда следователь предложил рассказать все с самого начала, скривился:

— Я уже в одном месте рассказывал. Хватит. Не вахлак, чтоб на себя наговаривать. Копайте, доказывайте, это ваш хлеб. А с меня довольно.

— Так что, в молчанку играть будем? — не без иронии спросил Иван Иванович. — Напрасно. Положение у вас аховое — хуже некуда. Чего стоит эпизод нападения на Юрия Белоусова. Еле на тот свет не спровадили. Более того, и это доказано, сознательно хотели убить человека, и только чудо спасло ему жизнь. Словом, чистая сотая статья: «Разбойничье нападение, связанное с покушением на убийство с козрыстю». Только за одно это можно схлопотать выпшку. Единственное, что может привлечь во внимание суда, — чистосердечное признание. Как свидетельствует тридцать седьмая

статья, это и есть смягчающее вину обстоятельство. Надеюсь, с Уголовным кодексом знакомы?

Удар, что называется, достиг цели. Лицо Седлецкого побелело, руки задрожали. Понял: здесь не он — следовательно правит бал.

Бранчель сразу уловил перемену, но не стал дожимать. Сам дойдет.

— На сегодня, пожалуй, хватит. До завтрашнего дня, надеюсь, у вас хватит времени оценить положение и соответственно этому выбрать принцип поведения. Разговор, мне кажется, будет долгим.

Назавтра Седлецкого словно подменили. Куда делись развязность, нахальство. Он заметно нервничал, теребил подбородок. И — рассказывал.

...Судьба свела их с Иосифом Бабичем в Островлевской психоневрологической больнице Лидского района, куда оба угодили на принудительное лечение от алкоголизма. Как и Седлецкий, тот также имел «три ходки» в места не столь отдаленные, причем раз — за грабеж. Словом, рыбак рыбака... Оба мечтали о сладкой жизни, испытывали прямо-таки патологическую ненависть к труду, любили деньги. Следует ли удивляться, как быстро согласился Седлецкий на предложение Бабича пошастать по хуторам. Оба сошлись на том, что живут там, как правило, одинокие старые люди, которые за свою жизнь, конечно же, припасли денюжат. К тому же «божьи одуванчики» вряд ли способны оказать сопротивление, не пикнут, если их хорошенько припугнешь. И с оружием можно уладить. Иосиф как-то намекнул, что у одного его знакомого есть самодельный пистолет.

Друзья снова встретились вскоре после выписки из больницы. На Лидской автостанции взяли билеты в направлении Мостов, где, по словам Бабича, обитает обладатель оружия.

В деревне Правые Мосты зашли к Павлу Адарцевичу. Разжились самогонкой, подались в сторону Немана. После парочки стаканов Бабич повел разговор насчет оружия. Павел согласен кивнул головой. И вот уже в руках приятелей — сверток с пистолетом и одиннадцатью патронами.

Когда возвращались назад, недалеко от дороги увидели одинокий хутор. Неприметная крестьянская изба, далеко не новая, возможно еще довоенной постройки. По всему видно, хозяева не очень зажиточные люди. Но хотелось чем-то пожить, да и оружие не терпелось продемонстрировать. Увидят старики пистолет — последнего рубашку снимут.

29 июня, после обеда, друзья взяли курс в сторону хутора. Остановились в соседней деревне, отоварились в местном магазине. Водка нынче — дефицит, а потому купили пару флаконов БЛО — обычного стеклоочистителя, банку сока, булку хлеба, кое-какую закуску и подались в ближайшую лесопосадку. Выпили, перекусили и залегли на ночевку. Хутор решено было брать утром.

Лишь солнце поднялось над землей, оба были на ногах. Вот и изба, обнесенная простеньким забором. Во дворе пусто. Видимо, хозяева еще не проснулись. Приятели затаились, стали ждать.

Скрипнула дверь. На крыльцо вышла старуха с подойником. Постояла, потом направилась в сарай.

В одно мгновение Седлецкий и Бабич очутились на крыльце. Рванули дверь, заскочили вовнутрь.

Старик лежал на кровати. Попробовал было подняться, но на голову обрушился кулак Седлецкого. Затем грабитель разорвал простыню, связал руки, ноги оглушенной жертве.

Старческая немощь, болезнь давно приковали хозяина к постели. И без того еле поднимался. А тут... Голова гудела, во рту привкус крови. Что им нужно? Вон как исходят злостью. Один выхватил пистолет и больно ударил в лицо:

— Где деньги, старый пенек?!

Скрипнула дверь на веранде. Седлецкий метнулся туда. Старуха не успела опомниться, как со стоном рухнула на пол. Ее притащили в комнату, тоже привязали к кровати.

И снова тот же вопрос, только теперь уже адресованный обоим: «Где спрятаны деньги?»

Не дождавшись ответа, грабители стали шарить по дому. Полетели на пол одеяло, подушки, белье из шкафа. Под швейной машинкой, что стояла на лавке, нашли деньги. Пересчитали: 110 рублей. Не густо, однако для начала неплохо. Заодно прихватили бутылку вина, что стояла в шкафу, пару дюжинок яиц, коробку конфет.

Удача подогрела аппетит друзей. Вместе с тем Седлецкий прикинул: чтобы с большим размахом проводить подобные операции, нужны помощники. Поделится своими мыслями с Бабичем. Тот ухмыльнулся в ответ:

— Есть на примете один кадр, живет в деревне Баступы Вороновского района. С Юркой Ватавой тянули срок на зоне. Мужик что надо. Такой не сдрейфит, не подведет. А еще заглянем к Валентину Дубовскому. С ним тоже в свое время в зоне были. Но сначала к Юрке махнем.

Батава оказался «компанейским мужиком». Не ломался, когда друзья предложили сделать несколько «рейдов» по окрестным хуторам.

— У меня и самого есть один хуторок на заметке, — сказал он. — Заблоцкие там живут. Муж и жена. В доме не приходилось бывать, не приглашали, но люди говорят, что у стариков «бабки» водятся. Ежели потрепает, как следует, думаю...

Потом был визит в Мосты. Встретились с Валентином Дубовским. Тот особого энтузиазма не проявил, но и от предложения гостей не отказался.

В оговоренный день приятели встретились на автостанции в Мостах. Взяли три билета на Вороново. В Бастунах прихватили с собой Юрия Батаву и двинулись в сторону деревни Ловцуны, где находился хутор Заблоцких.

Где-то около половины десятого утра прибыли на место. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы оценить: здесь живут небедно — вон какие постройки.

Седлецкий с Бабичем зашли в дом. Хозяева — Витольд Антонович и Ванда Владиславовна — удивились незнакомым гостям. Но у них даже в мыслях не было, что среди белого дня незнакомцы могли позволить себе нечто такое...

Но вот один из них подошел к Витольду Антоновичу. Ванда Владиславовна не успела опомниться, как супруг рухнул на пол. А спустя мгновение и сама осунулась рядом, потеряла сознание. Пришла в себя на кровати — ни рукой, ни ногой не пошевелила. Поняла — привязали. Слышав возбужденные голоса, незнакомцы ходили по дому, искали деньги. Не брезговали и вещами, одеждой. Прихватили с собой 390 рублей, золотой перстень, спортивный костюм, одежду. Часть из похищенных вещей принадлежала родственникам, которые незадолго до этого уехали в город за покупками.

Когда грабители ушли, Ванда Владиславовна с неимоверным трудом перекусила шпегат, освободила сначала одну руку, затем другую. Таким же образом освободилась от пут на ногах. Развязала Витольда Антоновича. Посидели, погоревали, потом сообщили в милицию.

А шайка, между тем, буйствовала. «Хуторских походов» было мало. Седлецкий с Бабичем начали совершать вояжи по посздам.

В ночь на 10 августа оба приятеля ехали в поезде Гродно — Гомель. Где-то на перегоне Мосты — Волковиск они присмотрели двух парней, что спокойно посапывали на плацкартных полках. У одного на поясе был кошелек. Лезвием

вскрыли его, аккуратно вынули деньги и пачку сигарет. Прихватили кроссовки, стоявшие рядом. Потом подошли к другому парню, тронули за плечо:

— Вставай, приятель. Выйди в тамбур, разговор есть.

Геннадий Жуковец спросонья не понял, что от него хотят эти двое. Молча слез с полки, пошел за ними. Щелкнула дверь тамбура. Сильный удар в лицо — и он на полу. Грабители вынули из портмоне 75 рублей, сорвали джинсовую куртку. Вторая джинсовка была в сумке, которую они потом прихватили вместе с другими вещами.

— Большинство дел мы провернули чисто, практически нигде не наследили, — с какой-то гордостью подвел итог своему рассказу Виктор Седлецкий, — И если бы не тот прокол с Юрием Белоусовым. Остальное — уже мелочь.

Многое из того, о чем рассказал Седлецкий, следовательно уже знал из протоколов предварительных допросов, показаний пострадавших. Но некоторые эпизоды, детали преступлений бандитской шайки открылись впервые. Скорее всего сработал генетический страх преступника перед законом. Тем более, когда на счету такой букет преступлений, замешанных на человеческой крови. Тут на снисходительность суда рассчитывать не приходится. Только чистосердечное признание может как-то повлиять на исход процессов. Седлецкий понял, что это последний его шанс и глупо им не воспользоваться. Пусть любой срок, но не вышка. Поэтому и начал давать показания. Правда, не упоминая о своей патологической жестокости в отношении жертв. Не случайно друзья прозвали его «Драконом». Эта кличка очень точно соответствовала характеру Седлецкого. Вспомнились заключения медицинской экспертизы пострадавших. Вот что говорилось о Заблоцкой: «Перелом костей носа, рваная рана размером 2,5х0,7 см на нижней губе слева, синюшный кровоподтек на левом глазу, бледно-синий кровоподтек на спинке носа, багровый кровоподтек размером 4х8 см на верхней губе...» А вот какое заключение выдали медики Геннадию Жуковцу после его встречи с Седлецким в тамбуре: «Двойной перелом нижней челюсти».

Теперь относительно «мелочей»... Седлецкий почему-то не стал вспоминать свой совместный визит к родственникам Бабица в Мостовском районе. Сам Иосиф тогда в дом не пошел, постыдился — все же родственники. Сказал, что испугался: признают, заявят в милицию. Одного не учел, что они оба уже «засветились», когда еще раньше заходили в дом. Сполна

испытали силу кулаков Седлецкого Янина Феликсовна Ньюнко и ее дочь Елена Михайловна Кучун. Обе от ударов потеряли сознание, а у матери к тому же оказалась переломана нижняя челюсть. Всего рубль с мелочью нашел грабитель в доме...

Потом были Мосты, куда они прибыли на частном такси. Водителя жестоко избили, отняли полтора рубля, личные вещи, а заодно и... автомашину.

Долго еще следователь по особо важным делам при прокуроре республики Иван Иванович Бранчель распутывал это неординарное дело. Ни один эпизод не остался без его внимания. И вот Гродненский областной суд вынес приговор. Вожаком преступной стаи Седлецкий-«Дракон» осужден на 15 лет лишения свободы. Продолжительные сроки заключения получили и другие участники шайки.

МАФИЯ В МИНСКЕ В 1948 ГОДУ?

Семьдесят шесть толстых томов уголовного дела прогибают позвоночник архивного стеллажа. Сквозь удушье пыльной, старой бумаги доносится чудный запах, от которого неприхотливый гурман конца XX столетия может, пожалуй, и свихнуться. Благоухает благородная Рыба. Чего тут только нет! «Шекспинска стерлядь золотая», лоснящиеся белужьи бока и теши, «монастырская» форель, несравненные балыки, отборные серебристые лещи, аппетитная севрюга, крупная черная икра на толстом пергаменте — пиршество красок и запахов напоминает о вечном празднике жизни. Пора взглянуть на титульные листы томов: 1949 год... 1950... 1952... Да, так кушали в ту пору в Минске те, кому это было по карману.

Белорусское «рыбное дело» — один из самых громких процессов 50-х годов — ныне забыто. Что вполне объяснимо: у людей за 40 лет было много других проблем. Кроме того, уголовная хроника время от времени взрывалась очередным «делом века»; в конце концов, это привело общество к равнодушной уверенности, что хищения государственного имущества — неотъемлемая часть советской экономики. Ну что-то вроде кровопускания для болезненной дородной дамы, которой грозит апоплексический удар...

Пролетело мимо и крупнейшее московское «рыбное дело» фирмы «Океан» конца 70-х годов. Уже тогда на кухнях зазвучало красивое слово из пижонского лексикона журналистов-международников: «мафия». Уже тогда многие любопытствовали: как можно воровать так долго, так безнаказанно и так по-крупному, не заручившись поддержкой сильных мира сего? Занимали, конечно, и личности, ворочавшие тоннами и миллионами, и сама Рыба, которая лукаво подмигивала с витрин валютных магазинов и косяками уходила от растерянного рядового потребителя.

Вот тогда бы и вспомнить по аналогии, что дело-то фирмы «Океан» не первое и не последнее в своем ряду. Стало быть, процесс наглядного разложения советской системы начался давно.

По воспоминаниям очевидцев, конец 40-х — начало 50-х годов в СССР ознаменовались повышением уровня благосостояния трудящихся. Государство понемногу заживляло предвоенные и военные раны, стирало следы недавнего страшного голода. Снижались цены. Появлялись давно забытые продукты. Народ, воспитанный в неприхотливости и суровом аскетизме, видел в Сталине благодетеля. «Ленинградское дело», «дело врачей» и другие репрессии терялись на фоне постепенно наступающей полусытости.

В это самое время в Минске одного за другим арестовали многих служащих межобластной рыбной базы и Белорусской республиканской торговой конторы Главрыбсбыта. К развязке под следствием находилось 34 человека. Большинству было предъявлено основное обвинение в хищении государственного имущества в особо крупных размерах. Дело занимались ОБХСС Управления милиции МГБ СССР, а потом прокуратура республики. Следствие продолжалось почти полтора года.

В камерах тюрьмы № 1 МГБ республики сидел цвет «рыбного» Минска: управляющий вышеупомянутой Белконторой Богомолов, его помощник Касаткин и заместитель Бычков, потом завскладом рыббазы Шелег вместе с замом своим Загурским и так далее, вплоть до экспедиторов и подсобных рабочих. В смутении пребывало все, что управляло в Белоруссии щедрыми дарами океанов, морей, рек и озер. Слишком многие «рыбные» и торговые деятели рангом побольше и поменьше были связаны с Богомоловым, Шелегом и К°. Так что, думается, когда 20 марта 1953 года, через полторы недели после похорон Сталина, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР вынесла приговор, многие вздохнули с облегчением.

Девятерым дали по 25 лет исправительно-трудовых лагерей, шестерым — по 20, еще восьмерым — по 15, семерым — 10 лет лагерей. Еще несколько человек были осуждены на меньшие сроки лишения свободы... Дело, казалось, навечно закрывалось и сдавалось в архив, а осужденных с первыми же этапами стремились отправить в места не столь отдаленные.

Примечательно вот что: в обвинительном заключении, которое суд не подвергал особому сомнению, следователь по важнейшим делам Прокуратуры БССР Станилевич переименовал «организованную, широкоразветвленную хищническую группу» (определение ОБХСС УМ МГБ) в «шайку врагов на-

рода». Для чего типично уголовному делу придали политический оттенок? Для чего понадобилось утверждение, будто «организованное и длительное хищение» оказалось возможным якобы из-за того, что «на материально ответственные должности сознательно назначались бывшие кулаки, лица, судимые в прошлом за совершение уголовных преступлений»?

Ведь из всех 34 подсудимых под эти категории подпал лишь Федор Журавков, действительно происходивший из крестьян-кулаков и судимый в 1946 году железнодорожным трибуналом за растрату к семи годам лишения свободы. Личность это таинственная, как и многое в этом деле. Сумму — 23 тысячи рублей — растратчик так и не погасил. Наконец, непонятно, как он сумел уже в 1948 году вынырнуть на свободе, в Минске получить билет члена профсоюза работников торговли и устроиться в фирменный магазин Главрыбсбыта заместителем директора(!). Поневоле призадумываешься... В деле сказано: судимость скрыл. Но ведь не с улицы же набирают в торговую номенклатуру! Значит, или деньги помогли (взятка), или связи (блат, «мафия»). Этот случай, кстати, — прекрасный ответ всем, кто влюблен в сталинскую систему лагерей, работавшую «безотказно». Оказывается, такие, как Журавков, все-таки умели избегать наказания.

Ну, а остальных, при всем желании, в беглые каторжники и классовые враги зачислить трудно. Правда, еще несколько человек в свое время исключались из ВКП(б) за троцкизм (Лазарь Ботвинник, Александр Ухов, Хаим Оксман, Лев Гольдберг). Последнего даже судили в 1937 году по статье 69 УК БССР, статье политической, — но оправдали. Безусловно, среди арестованных были обиженные на Советскую власть. И следствие стало на «верный» путь, выявляя их. Именно так легче всего в 1952 году объяснить столь крупное преступление: происки «врагов народа»!

Однако, как ни старались следователи прокуратуры нащупать «контрреволюционное прошлое» организаторов — Богомолова, Бычкова, Шелега, Загурского, Игнатовского (заведующего холодильником № 2), Палачева (бывшего директора Минрыббазы) и Полоховича (бывшего его зама) — ничего не получилось. Все они по партийным и кадровым объективкам выглядели стопроцентными, кристальными строителями светлого будущего. Например, в аттестации Аркадия Шелега сказано: «Политически выдержанный, дисциплинированный, является заместителем секретаря парторганизации Белконторы... Сравнительно быстро осваивает рыбное дело, проявляя

инициативу в развороте работы». Такими же — если не громче — были характеристики и на других руководителей минской рыбной сети. Разумеется, эти характеристики были насквозь лживыми. Моральный облик того же Шелега — пьяницы, развратника, нечистого на руку — был всем сослуживцам хорошо известен. Значит, и при Сталине жили по принципу: «Это сукин сын, но это наш сукин сын».

Большинство осужденных по «рыбному делу» — ветераны войны, награждены, многие кровь проливали. Заведующий магазином № 12 Мингорпищеторга Арон Паперный, лейтенант запаса, был на фронте с сентября 1942-го по февраль 1945-го, имел орден Отечественной войны, медаль и четыре ранения: два легких, два тяжелых... Что не помешало ему, через несколько лет после Победы с азартом расхищать государственную рыбу.

...Так что же скрывалось за словами «враги народа»? Факт перерождения части административного аппарата? Он очевиден. Если учесть сталинские методы «ротации кадров», то такие дела, как «минское рыбное», готовили почву для новых политических процессов. При этом важно было, чтобы органы выявили как можно больше руководящих работников, связанных с преступниками. Значит, прокуратура — вольно или невольно — создавала «задел» на будущее? Возможно. Но если так, то делала она это очень неохотно. Чувствовалось, что все в стране устало от крови, вне зависимости, во имя какой цели она проливалась.

Но есть и другая гипотеза. Она могла родиться именно сегодня, когда мы все подробнее узнаем о системе жизнеобеспечения организованной преступности. Мафии. Конечно, между расхитителями 40-х годов и «цеховиками» 80-х годов разница существенная. Но, чтобы работать в нормальном режиме, чувствовать себя в относительной безопасности, и тем и другим нужна мощная инфраструктура. Нужны доверенные, «повязанные», «схваченные» люди в кругах власти: партийной, советской или правоохранительной... Ведь масштабы хищений и в 40-х годах тоже были не маленькие. Один из подсудимых, работник Минрыббазы Островский, показал: «За время моей работы здесь, с начала 1949 г., не помню такого дня, когда бы Шелег, Загурский и другие... не занимались хищением рыботоргов. Ими за 1948—51 годы расхищено до 150 тонн, на 2—2,5 млн. рублей». Эти показания подтверждают Шелег, Загурский и другие.

Неужели это оказалось возможным только благодаря повсеместной безалаберности учета и контроля? Неужели крупная шайка расхитителей более трех лет держалась на вовремя поставленной бутылке да щедром рыбном подношении? Почти невероятно! Неужели государственные чиновники времен Сталина так дешево стоили? Имею в виду вот что. Основными методами хищений были: фиктивные коммерческие акты Минрыббазы, составленные совместно с весовщиками железнодорожной станции Минск-товарная; внутренние акты на мнимую недостачу рыбы при поступлении от поставщиков; акты на порчу рыботоргов ко времени приемки якобы в результате длительного хранения; наконец, акты на производящуюся на базе мнимую переработку рыбы с последующим списанием отходов. Акты, акты, акты... Множество документов, которые образовывали гигантские излишки первосортной рыбы, уходившей «налево». Так делали главные деньги. Установлено, что акты утверждали работники Сталинского райторготдела Минска — заведующий Лопатин и его инспектор Юращенко и Юхневич. Им давали взятки, им собирали посылки с севрюжиной и осетриной; их, наконец, банально «накачивали» в ресторациях.

А они с похмелья подписывали, подписывали... Забегая вперед, скажу: депутат райсовета Лопатин за свои проделки получил 20 лет лагерей. Но неужели для того, чтобы спокойно украсть такую уйму ценной рыбы, достаточно нескольких листов бумаги с закорючками клерка Лопатина и его нукеров-инспекторов?...

Кто еще обязан был контролировать рыбных «магнатов»? Бухгалтерия? Это верно. Что ж, ее работники тоже поплатились. Старший бухгалтер базы Цагойко приговорен к 15 годам лагерей.

Забавно, и все-таки факт: проверяла Минрыббазу... родная Белконтора, где верховодил взяточник Богомолов. На него было возложено прикрытие расхитителей. Делал он это достаточно грамотно. В 1950 году организовал «комиссию по борьбе с товарными потерями». Под своим личным председательством. Вошла в нее почти целиком все та же компания ворюг. Они были уже намертво повязаны с Минрыббазой, насквозь пропахли дармовой лососиной, потому и с легкостью списывали десятки тысяч рублей недостач, которые образовались от систематического воровства.

Богомолов был, конечно, могущественным покровителем Шелега и Загурского. В архивном деле сохранился его совми-

новский пропуск; он был действителен по 31 декабря 1952 года, т. е. до того дня, когда, накануне суда, в тюремной камере Богомолов готовился к самому худшему. Этот пожилой джентльмен с голой, как бильярдный шар, головой, думал, что уж его-то, крупнейшего «врага народа», обязательно расстреляют. Так оно, скорее всего, и было бы: по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества», по его 2-й статье в порядке исключения получил бы Богомолов девять граммов свинца. Ведь смертная казнь в 1950-м году была вновь введена для самых-самых опасных... Спасла его и еще нескольких наиболее «отличившихся» преступников смерть Сталина. Она амнистировала очень многих, в том числе и Богомолова. Приговор ему — 25 лет лагерей с конфискацией всего имущества и поражением в правах на пять лет — можно считать невиданным по тем временам везением.

Богомолов... Систематические взятки развратили этого человека. Он всю жизнь отдавался работе. Наконец крестьянский сын достиг известной величины, стал заместителем союзного министра в Белоруссии. Но лишь когда щедрые «подарки» Шелега и других потекли рекой, он понял, что государство жестоко обманывало его много лет! Действие (или бездействие) Богомолова стоило, оказывается, гораздо дороже, чем его годовое жалованье чиновника. И если он был до того момента честным совслужащим, то отныне пропал, спекся, «разложился». Теперь он не садился за стол без икры и севрюги. Теперь он отдыхал на курорте со второй женой, как купец: прокучивал за пару месяцев 10—15 тысяч рублей и одновременно же поручал Шелегу отправлять в Ленинград посылки с икоркой и осетриной для первой своей жены...

Однако как ни крупна была фигура Богомолова, но и она, видимо, не венчала пирамиду расхитителей, взяточников и их покровителей. Из документов (да и по здравому размышлению) видно, что на Белконтору и ее вассалов регулярно делали «налеты» представители Госторгинспекции, Минторга и других заинтересованных ведомств. Как же так получилось, что робеспьеры в наглухо застегнутых френчах, со сталинскими трубками в зубах проморгали крупнейшее хищение? Уму непостижимо! Одно из двух: или затмение нашло, или уж больно вкусна была Рыбка...

Видимо, из корыта, сколоченного Бычковым, Шелегом и другими дирижерами воровской шайки, кормились многие и

многие власть предержащие. Происходило это довольно просто. Из показаний Н. Загурского (26 октября 1951 года): «В 1947 году перед Октябрьскими на Минрыббазу на подводе приехал заместитель управляющего Главурса лесной промышленности. Тимофеева (помощник управляющего Белконторой по кадрам — А. Д.) взяла со склада 80 кг семги, по тогдашним ценам стоимостью не менее 12 тысяч рублей, и без документов отпустила ему. Потом оказалась на базе недостача...»

Рыба — особенно благородные ее виды — являлась своего рода валютой. Севрюга, семга и прочее — все это становилось день ото дня привилегией, пищей богов. Люди же, которые манипулировали ею, получали по 450—500 рублей в месяц, что по тем временам было весьма негусто. Постепенно они приходили к выводу: государство учло, что они обязательно будут воровать, потому и такое жалованье положило. Значит, все, так сказать, честно. И они действительно воровали, чтобы не обмануть чаяний могучей державы.

Но как можно украсть что-нибудь существенное в стране, где еще не так давно сажали в лагеря за колосок пшеницы, вынесенный с поля, и булку хлеба, украденную в магазине? Сталинская система устрашения должна была в принципе пресекать любое покушение на государственную собственность. А ведь вот — давала сбой. Почему?

Мы-то рассказываем не об уголовниках, исколотых татуировками, воспитанных в ненависти к представителям власти. Наоборот, минские рыбовладельцы были люди уважаемые, стремящиеся к бюргерству. Почти все они — выходцы из бедных семей, рожденные под звездой тюльки, постного масла и картошки. Часть жизни недоедали, обитали в плохих квартирах, неважно одевались и думать не смели о роскоши. Мощным импульсом к перемене мировоззрения стала война, точнее, ее заключительные аккорды. Многим из будущих расхитителей довелось побывать в Европе, на континенте ветчины, сливочного масла и брюссельской капусты, повидать, как живет средний немец, чех, венгр, австриец, — и странное чувство зависти, ненависти и душевного опустошения посетило их. Они возвращались домой с трофеями — чемоданами, набитыми пальто и сапогами, кофтами и отрезами, — а сами думали, как побыстрее устроить уютный европейский уголок на славянский манер в семейном масштабе. Действительно, как, если ты не входишь в официальную элиту, за тобой по утрам не заезжает гослимузин, тебе не хлопают из зала, ты не депутат, не секретарь, не прокурор, не судья, не артист, не летчик,

не изобретатель атомной бомбы, наконец, даже не счастливчик, выигравший по лотерее десять тысяч рублей? Ты простой мужичок с рыббазы, твой рабочий пиджак пропах плесенью и салакой, на рукавах налипла чешуя; тебя посылают в командировки чего-то выбивать, ты стучишь кулаком по столу, материшься, уговариваешь, поишь водкой, пресмыкаешься, бегаешь от зари до зари — а живешь как жил, в коммуналке, а на столе по-прежнему пустые щи, а жена вся замотанная, непричесанная, злая. Что делать?

Воровать... Вывод ясен. Как? Очень просто. Ведь вокруг такие же люди, с тем же жадным блеском в очах.

А рядом лежат рыбные богатства, то, за что Запад валютой платит товарищу Сталину, чтобы кормить рокфеллеров и вандербильтов. Значит, эти богатства надо взять! А это действительно не так уж сложно. Прибывают, скажем, 18 вагонов сахалинской сельди, пряной, жирной, отборной, какую вы, читатель, может, никогда и не ели. Идет отгрузка. В приемной комиссии — все свои, все уже знают, кому что делать. Остается один вагончик. В нем, по сути, излишки, образованные в результате манипулирования хитрыми нормами усушки-утруски и списания на порчу и убыль. И тут же Шелег или Загурский тихонько приглашают какого-нибудь Ботвинника, Оксмана, Гольдберга, словом, человека со связями в торговом мире, и поручают быстро реализовать «левый товар» через магазины.

Деньги делили по-братски: 25% — завмагам, 75 — Ботвиннику, а он 50 процентов отдавал Шелегу и Загурскому, 25 же — оставлял себе. Механика, как видите, элементарная.

И каждому была своя цена. С народным судьей Ворошиловского района Хацкевичем Загурский, когда ему грозил штраф за избиение соседки, улаживал дела с помощью банальной бутылки под исландскую селедочку, а вот двум заместителям министра торговли к празднику заворачивали в пакеты деликатесов рублей на 500 каждому: и «сардельки в масле», и балыки, и семга, и икра, и черт его знает, чего там не было...

С таких подношений начинали все коррумпированные деятели. И только провинциальность да оглядка мешали развернуться на широкую ногу. Но уже разворачивались! Уже Шелег пугал «коллег», чтобы не признавались, если арестуют: у него и в ОБХСС, и в следственных органах много друзей.

Большое это дело и темное. Покопаться бы в нем следователям основательнее — и многое из тайн Минска 1948—50

годов, наверное, всплыло бы в материалах дела. Но копаться особенно не стали... Минское «рыбное дело» позволяет увидеть, как недалеко еще ушли от предшественников наши следователи: и в 1952 году много интересного возникало в ходе работы, да только сил, наверное, не хватило, профессионализма, чтобы доказать, вменить в вину, распутать клубок до конца. Как все это похоже на пресловутые «узбекские» процессы, на дело Чурбанова!..

Вы, мой читатель, скажете: ну, да что уж старое поминать, нам бы хоть с современными мафиози разобраться! Но давайте сначала напишем историю отечественной мафии.

Давайте лечить нашу страну! Но для этого она должна честно рассказать нам всю историю болезни, с самого первого дня, когда почувствовала недомогание.

Обращаюсь к деятелям тех лет: к заместителю начальника УМ МГБ БССР полковнику Пинятину и прокурору республики Бондарю, к работникам ОБХСС капитану Кашину, майору Лишаю, капитану Семенову и следователям по особо важным делам Прокуратуры БССР Лапану и Станилевичу, к заместителю министра госбезопасности БССР комиссару милиции 3-го ранга Семенову — ответьте все, кто еще жив, кто имел отношение к процессу Богомолова, Бычкова, Шелега и других: вы с этим согласны? Вы согласны, что «рыбное дело» — один из первых криков нарождающегося советского младенчика-мафиози, которого слишком долго искусственно сдерживали террор и тоталитаризм? Один из первых криков, так никем и не услышанных...

Америго Бонасера сидел в Третьем отделении уголовного суда города Нью-Йорка, дожидаясь, когда свершится правосудие и возмездие падет на головы обидчиков, которые так жестоко изувечили его дочь и пытались над нею надругаться.

Судья, внушительный, важный, подпернул рукава своей черной мантии, словно бы вознамерясь собственноручно разделаться с двумя юнцами, стоящими перед судебским столом. Тяжелое лицо его застыло в высокомерном презрении. И все же сквозила во всем этом некая фальшь, Америго Бонасера чуял ее нутром, хотя пока еще не мог осмыслить, в чем дело.

— Вы поступили, как последние подонки, — резко сказал судья.

Да, думал Америго Бонасера. Да, именно так. Скоты. Животные. Юнды — глянцевого шевелюры модно подстрижены, на умытых, гладких мордах постное смирение — покаянно понурили головы.

Судья продолжал:

— Вы вели себя, как звери в лесу, ваше счастье, что вам не удалось обесчестить бедную девушку, не то отправил бы я вас за решетку лет на двадцать. — Он выдержал паузу, мазнул лисьим взглядом из-под сурово насулпленных бровей по изжелта-бескровному лицу Америго Бонасеры. Потом нахмурился еще сильнее, пожал плечом, как бы преодолевая естественный гнев, и закончил:

— Однако, принимая во внимание ваш возраст, вашу не запятнанную прежде репутацию и доброе имя ваших родителей, а также учитывая, что закон, в неизреченной мудрости своей, не призывает нас к мести, я приговариваю каждого из вас к трем годам тюрьмы. Условно.

Лишь сорокалетняя профессиональная привычка управлять своей мимикой дала силы похоронщику Бонасере скрыть прилив негодования и злобы. Его дочка, юная, хорошенькая, еще лежит в больнице со сломанной челюстью, а этим скотам позволяют гулять на свободе.

Значит, перед ним ломали комедию. Вот сияющие родители сбились тесной кучкой возле своих ненаглядных чад. Еще бы им не сиять. Им есть чему радоваться.

Едкая горечь подступила к горлу Бонасеры, рот застиснутыми зубами наполнился кислой слюной. Бонасера выдернул из нагрудного кармана полотняный белый платок и прижал его к губам. Так он стоял в проходе, а те два молодчика, бесстыжие, наглые, с усмешкой проплыли мимо и даже не взглянули в его сторону. Он пропустил их без единого звука, только крепче зажал себе рот крахмальным платком.

Следом прошли родители — две женщины, и двое мужчин одних лет с Бонасерой, только одеты, как коренные американцы. Эти на него посмотрели — сконфуженно, но и с вызовом, с каким-то затаенным торжеством.

Все эти годы, прожитые в Америке, Бонасера верил в закон и порядок. Того держался, тем и преуспел. И сейчас, хотя у него мутилось сознание от дикой ненависти, ломило в затылке от желания кинуться, купить оружие, застрелить этих двух мерзавцев, Бонасера повернулся к своей ничего не понимающей жене и объяснил:

— Над нами здесь насмеялись.

Он помолчал и, решившись окончательно, уже не думая, во что ему это обойдется, прибавил:

— За правосудием надо идти на поклон к дону Корлеоне.

В Лос-Анджелесе, среди кричащей роскоши гостиничного «Люкса», Джонни Фонтейн глушил виски, как самый заурядный обманутый муж. Развалясь на красном диване, он пил прямо из горлышка и, чтобы отбить вкус, сосал талую воду, макая лицо в хрустальное ведерко с кубиками льда. Было четыре часа утра, и его пьяному воображению мерещилось, как он будет расправляться со своей блудной женой, когда она вернется. Если она вообще вернется. Слишком поздно, а то недурно бы звякнуть первой жене, узнать, как поживают его дочери. Звонить друзьям его как-то не тянуло, особенно с тех пор, как дела пошли скверно. Было время, когда им лишь польстило бы, вздумай он позвонить в четыре утра, в восторг пришли бы. Теперь им не до него, а ведь подумывать только, до чего близко к сердцу принимали невзго-

ды Джонни Фонтейна самые блестящие кинозвезды Америки, когда он шел в гору. Даже забавно.

Он вновь припал к бутылке и наконец услышал, как повернулся ключ в двери. Джонни не отрывался от горлышка, пока жена не вошла в комнату и не остановилась перед ним — такая красивая, с томными фиалковыми глазами, с ангельским личиком, хрупкая, тоненькая, с точеной фигуркой. Миллионы мужчин во всем мире влюблялись в лицо Марго Эштон. И платили за то, чтобы увидеть его на экране.

— Где шаталась? — спросил Джонни Фонтейн.

— Так, переспала кое с кем, — сказала она.

Она неверно рассчитала, он был не настолько пьян. Перемахнув через журнальный столик, он сгреб ее за ворот платья. Но когда к нему приблизилось вплотную это волшебное лицо, вся его злость иссякла, он размяк. Она насмешливо скривила губы и опять просчиталась — Джонни занес кулак.

— Только не по лицу, — взвизгнула она. — Я же снимаюсь, Джонни!

Удар пришелся в солнечное сплетение; она упала. Он навалился сверху, осыпая тумаками ее плечи, бока, загорелые шелковистые бедра. Он тузил ее, как когда-то давно, уличным сорвиголовой, дубасил сопливых мальцов в «адской кухне» — трущобах Нью-Йорка. Больно, зато без серьезных увечий, вроде выбитых зубов или сломанной переносицы.

И все же он бил ее вполсилы. Он не мог иначе. И она открыто смеялась над ним. Распластанная на полу, так что парчовое платье задралось выше пояса, она хихикала, поддразнивая его:

— Ну, давай, Джонни, давай. Иди ко мне. Ты ведь знаешь, чего тебе надо.

Джонни Фонтейн встал. Убить ее мало, эту тварь, неуязвимую за броней своей красоты. Марго перекатилась на живот, упругим прыжком вскочила на ноги и, кривляясь, как девчонка, пританцовывая, пропела:

— А вот и не больно, вот и не больно.

Потом серьезно, с печалью в обольстительных глазах, прибавила:

— Бада несчастная, весь живот отдала, прямо как маленький. Эх, Джонни, век тебе оставаться слюнявым теленком, ты и в любви-то смыслишь не больше маль-

чишки. Думаешь, люди и правда занимаются тем, про что ты раньше мурлыкал в своих песенках. — Она покачала головой. — Бедненький. Ну, будь здоров, Джонни.

Она вышла в спальню, и он услышал, как щелкнул замок. Джонни сел на пол и закрыл лицо руками. От обиды, от унижения его охватило отчаяние. Но не даром он был выкормыш нью-йоркских трущоб. Старая закваска, которая когда-то помогла ему выжить в дремучих джунглях Голливуда, заставила его теперь снять трубку и вызвать такси, чтобы ехать в аэропорт. Один человек еще мог его спасти. Нужно было лететь в Нью-Йорк. К этому человеку — единственному, у кого он найдет силу и мудрость, которых ему сейчас так недостает, и любовь, которой еще можно довериться. К его крестному отцу, дону Корлеоне.

Пекарь Назорин, кругленький и румяный, как его пышные итальянские хлебы, еще припудренный мукой, обвел грозным взглядом свою жену, свою дочь-невесту Катарину и Энцо, работника своей пекарни. Энцо успел переодеться в форму военнопленного, стоял и маялся, боясь опоздать к вечерней поверке на Губернаторов остров. Подобно тысячам пленных итальянцев, которых каждый день отпускали под честное слово на работу к хозяевам-американцам, он жил в вечном страхе — как бы не лишиться этой пощады. И потому нехитрый фарс, который разыгрывался сейчас, был для него делом серьезным.

— Семью мою вздумал опозорить? — прорычал Назорин. — Подкинул подарочек моей дочке на память? Поскольку войне конец, и, что будет дальше, сообразить нетрудно — даст тебе Америка под зад коленом, и катись к себе на Сицилию блох считать в деревне, так?

Энцо, коротконогий крепыш, прижал руку к сердцу, чуть не плача, но все же не теряя головы:

— Padre, клянусь святой девой, не отвечал я злом на вашу доброту. Я люблю вашу дочь. И со всем уважением вас прошу, отдайте ее за меня. Я не имею права просить, это верно, но если меня отошлют в Италию, мне уж в Америке не бывать. И я никогда не смогу жениться на Катарине.

Жена Назорина, Филомена, не стала тратить слов понапрасну.

— Брось дурить, — обратилась она к толстяку мужу. — Тебе известно, что надо делать. Не отпускай Энцо никуда. Отправь на Лонг-Айленд к нашей родне, пусть укроют его покуда.

Катарина плакала навзрыд. Уже дебелиая, с пробивающимися усиками, она не могла похвастать красотой. Где еще она добудет себе в мужа такого видного парня, как Энцо? Кто другой будет касаться ее груди так бережно и любовно?

— Вот уеду жить в Италию, будете знать! — крикнула она отцу. — Не оставите Энцо — сама с ним сбегу!

Назорин скосил на нее хитрющие глазки. Лихая штучка, эта его дочечка. Видел он, как она норовит прижаться к Энцо сдобным крупом, когда работнику нужно протиснуться за ее спиной к прилавку, чтобы выложить в корзины горячие батоны. Пора принимать меры, не то — Назорин позволил себе отпустить мысленно скабрзность — не то этот малый протиснется еще кой-куда. Надо оставить Энцо в Америке, добыть ему американское гражданство. И есть лишь один человек, который может обстряпать такое дельце. Крестный отец, Дон Корлеоне.

Каждый из этих трех людей и еще очень многие другие получили тисненное золотом приглашение пожаловать в последнее воскресенье августа 1945 года на свадьбу мисс Констанции Корлеоне. Отец невесты, дон Вито Корлеоне, никогда не забывал своих старых друзей и соседей, хотя сам теперь обитал в огромном особняке на Лонг-Айленде. Туда и соберутся гости, и уж, конечно, веселье затянется на целый день. То-то будет потом что вспомнить! Война с Японией как раз закончилась, и гложащий страх за сыновей, ушедших на фронт, уже не омрачит людям этот праздник. А свадьба — самый подходящий повод дать волю своей радости.

И вот, когда настало это субботнее утро, из города Нью-Йорка потоком хлынули друзья дона Корлеоне, дабы почтить своим присутствием его семейное торжество. Каждый вез с собою свадебный подарок: плотный конверт, туго набитый банкнотами. Чеков не было. Визитная карточка, вложенная в конверт, удостоверяла личность дарителя и меру его уважения к дону Корлеоне. Уважения, поистине заслуженного.

Дон Вито Корлеоне был человеком, к которому обращался за помощью всякий, и не было случая, чтобы кто-то ушел от него ни с чем. Он не давал пустых обещаний, не прибегал к жалким отговоркам, что в мире-де существуют силы, более могущественные, чем он, что у него связаны руки. При этом вовсе не обязательно, чтобы он числился у вас в друзьях. И неважно, если вам нечем было отблагодарить его за помощь. Требовалось лишь одно — чтобы вы, вы сами, объявили себя его другом. И тогда, как бы ни был сир и убог проситель, дон Корлеоне относился к его невзгодам, как к своим собственным. И уже не было таких преград, чтоб помешали ему поправить беду. А что за это? Дружба, почетное звание «дон» и изредка — родственно-теплое обращение «Крестный отец». Еще? Ну, разве что какое-то скромное подношение: бутылка домашнего вина, корзина сдобных, наперченных *taralles* — коржей, испеченных специально к его рождественскому столу. Единственно в знак почтения — ни в коем случае не в виде материальной компенсации. Разумеется, как того требовала простая вежливость, не обходилось без заверений, что вы — его должник и он вправе в любое время рассчитывать на ответную посильную услугу.

Сейчас, в этот знаменательный день — день свадьбы его дочери, — дон Вито Корлеоне стоял в дверях своего приморского особняка на Лонг-Айленде, встречая гостей. Многие из них были обязаны дону своим житейским благополучием и на этом домашнем празднестве без стеснения называли его «Крестный отец». Здесь все были свои, даже бармен и официанты; руки друзей готовили угощение и развесили по громадному парку яркие гирлянды украшений.

Кто бы ни был гость, богач или бедняк, сильный мира сего или скромнейший из скромных, дон Корлеоне каждого принимал с широким радушием, никого не обходя вниманием. Таково было его отличительное свойство. И гости так дружно восклицали, что фрак ему к лицу, так ахали на все лады, что неискушенному наблюдателю немудрено было бы принять самого дона Корлеоне за счастливого молодожена.

Рядом с ним стояли в дверях двое из трех его сыновей. Старшего, Сантино, все, кроме родного отца, называли Соппи, «сынком». Степенные итальянцы поглядывали

на него косо, молодежь — с восхищением. Для итало-американца в первом колене он был высок ростом — могучий, налитой силой, словно бык, — и казался еще выше из-за пышной копны курчавых волос. Лицо его напоминало грубую маску Купидона: черты были правильные, но губы, изогнутые, точно лук, — плотоядно чувственны, крутой подбородок с ямкой почему-то вызывал смутно непристойные ассоциации.

Здесь, на свадебном пиру, не одна замужняя итальяночка, кругобедрая, большеротая, мерила Сонни Корлеоне уверенным, оценивающим взглядом. Но сегодня молоденькие гости напрасно тратили время. Сегодня у Сонни Корлеоне были другие виды, и неважно, что его жена и трое ребятишек находились тут же. Виды на Люси Манчили, лучшую подругу невесты, и подруга невесты о том прекрасно знала. В розовом вечернем платье, с диадемой из живых цветов в лоснистых черных волосах, она сидела за столом в саду. Всю эту неделю, пока шли приготовления к свадьбе, она кокетничала с Сонни напропалую, а сегодня утром у алтаря крепко пожала ему руку. Незамужняя девушка большего не могла себе позволить.

Что ей было за дело, если он никогда не сравняется со своим отцом, не достигнет того же. Зато Сонни Корлеоне сильный и храбрый. Зато все знают, что он щедр и незлобив. Правда, в отличие от своего родителя, он вспыльчив и несдержан и потому способен на опрометчивые поступки. И хотя он хороший помощник отцу в его делах, многие сомневаются, чтобы дон Корлеоне сделал его своим преемником.

Средний сын, Фредерико — в обиходе Фред или Фредо, — был сыном, о каком всякий итальянец может только молить святых. Почтительный, преданный, во всем послушный воле отца, он в свои тридцать лет все еще жил одним домом с родителями. Коренастый и плотный, он был некрасив, хотя и сохранял фамильные черты сходства с Купидоном: тот же шлем курчавых волос над круглым лицом, тот же изгиб чувственного рта. Этот хмурый молчун был истинной опорой своему отцу, ни словом ему не перечил, никогда не доставлял неприятностей скандальными похождениями с женщинами. Однако при всех своих достоинствах он был лишен той притягательной животной силы, той гипнотической спо-

собности подчинять, какая столь необходима вожаку. Вот почему и Фредо тоже не прочили в преемники дона Корлеоне.

Третьего сына, Майкла Корлеоне, рядом с отцом и братьями не было. Он сидел за столом в самом глухом уголке сада, но даже там не мог укрыться от любопытных взглядов.

Майкл Корлеоне был младшим из сыновей дона — и единственным, кто не признавал над собою воли своего всесильного родителя. Ему, в отличие от его братьев, не досталось ни массивных черт лица, ни сходства с Купидоном, а его смоляные гладкие волосы лежали прямыми прядями и не курчавились. Его чистой, оливково-смуглой коже позавидовала бы иная девушка, да и вообще по тонкости письма красота его не уступала девической, и было время, когда дон тревожился, вырастет ли его младший сын настоящим мужчиной. В семнадцать лет Майкл Корлеоне рассеял отцовскую тревогу.

Сегодня этот третий сын занял место за самым дальним столом, нарочито подчеркивая свое отчуждение от отца и родной семьи. Рядом сидела его девушка, коренная американка, которой до этого случая никто не видел, хоть слышали о ней все. Майкла не приходилось учить хорошим манерам — он представил ее каждому, в том числе и своей родне. Девушка не произвела на них особого впечатления. Тощевата, белобрыса, держит себя чересчур свободно, хотя и молода еще, и ни к чему женщине такое смышленное, живое лицо. И имя чужое, режет слух: Кей Адамс. Она могла бы сказать, что ее предки обосновались в Америке еще двести лет назад и Адамс здесь вполне обычное имя, — но что им было до того?

Все заметили, что дон почти не обращает внимания на своего третьего сына. До войны Майкл был его любимцем, и, без сомнений, именно ему предполагалось передать в должный час бразды правления семейными делами. Он в полной мере обладал тою спокойной силой, тем умом, какими славился его отец — врожденной способностью избирать такой способ действий, что люди невольно начинали его уважать. Но разразилась вторая мировая война, и Майкл Корлеоне, наперекор отцу, пошел добровольцем в морскую пехоту.

Дон Корлеоне вовсе не желал и не собирался допустить, чтобы его младший сын погиб, служа чуждой ему державе. Подмазали врачей, без шума уладили остальное. Много денег ушло на меры предосторожности. Но Майклу уже сравнялся двадцать один год, и он был сам себе хозяин. Он вступил в армию и отправился воевать за океан. Дослужился до капитанского чина, получил воинские медали. В 1944 году журнал «Лайф» поместил на своих страницах его портрет и фоторепортаж о его подвигах. Один знакомый показал журнал дону Корлеоне (никто из семьи не решился), и дон, пренебрежительно хмыкнув, сказал:

— Такие чудеса проделывает ради чужих.

В начале 1945 года Майкла Корлеоне, после тяжелого ранения, демобилизовали подчистую, и откуда ему было знать, что это устроил его отец. Недели три он побывал дома, а там, ни у кого не спросив совета, поступил в Дортмутский университет в нью-гэмпширском городке Хановере и покинул родительский кров. И вот опять пожаловал сюда, чтобы отпраздновать свадьбу своей сестры, а заодно и показать собственную будущую жену — бесцветную, словно застиранный лоскут, молодую американку.

Майкл Корлеоне занимал Кей Адамс, рассказывая ей случаи из жизни наиболее колоритных гостей, приехавших на свадьбу. Ему и самому занятно было видеть, как любопытны ей эти диковинные птицы, — его всегда пленял в Кей жадный интерес ко всему новому, еще не изведанному. Ее внимание привлекла горстка людей, стоящих особняком возле деревянного бочонка с домашним вином. Майкл узнал Америго Бонасеру, пекаря Назорина, Люку Брази. Кей, с присущей ей живой проницательностью, подметила, что эти трое словно бы чем-то омрачены. Майкл усмехнулся.

— А как же. Это просители. Ждут подходящей минуты, чтобы поговорить с отцом с глазу на глаз.

И правда — даже со стороны было видно, как неотступно эти трое провожают глазами дона Корлеоне.

Хозяин дома все еще стоял в дверях, встречая гостей, когда на той стороне мощеной площадки в конце аллеи остановился черный «шевроле». Двое на переднем сиденье вытащили блокноты и принялись деловито, не скры-

ваясь, записывать номера других машин. Сонни повернулся к отцу.

— Из полиции ребята.

Дон Корлеоне пожал плечами.

— Я не распоряжаюсь этой улицей. Пусть делают, что хотят. Он знал, кто эти люди. Недаром его близких друзей и самых важных из гостей заранее предупредили, что на своих машинах приезжать не следует. Дон Корлеоне не сердился. Он давным-давно понял — общество на каждом шагу наносит тебе оскорбления и надо терпеть, утешаясь мыслью, что, если держаться начеку, всегда наступает время, когда самый маленький человек может отомстить тому, на чьей стороне сила. Эта простая истина удерживала дона от гордыни, питая то смиреннодумие, которое так ценили в нем приближенные.

Но вот в саду за домом грянула музыка. Все званые гости были в сборе. Дон Корлеоне отмахнулся от мысли о незваных гостях и в сопровождении двоих своих сыновей направился на свадебный пир.

Многосотенная толпа наводнила огромный парк: одни танцевали на дощатой, украшенной цветами эстраде, другие разместились за длинными столами, уставленными пряной, острой едой, графинами с иссиня-черным домашним вином. Новобрачная, Конни Корлеоне, торжественно восседала за пышным столом на специальном помосте вместе с молодым мужем, лучшей подругой, шаферами и подружками. Свадьбу справляли по народному обычаю, как исстари ведется в Италии. Невесте это было не по нраву, но ей пришлось уступить: своим выбором она уже и без того расстроила отца.

Новобрачный, Карло Рицци, был только по отцу сицилийцем, мать его родилась на севере Италии, и сыну достались ее пепельные волосы и голубые глаза. Теперь его родители жили в Неваде, а Карло после мелких накладов с законом переехал в Нью-Йорк. Здесь он встретился с Сонни Корлеоне и через него познакомился с его сестрой. Дон Корлеоне, естественно, отрядил в Неваду верных людей, и те доложили, что разногласия с полицией возникли у Карло из-за неосторожного, по молодости лет, обращения с оружием. Ничего серьезного, протоколы легко изъять, и малый останется чист, как стеклышко. Верные люди заодно доставили дону подроб-

ную информацию о легальных игорных домах Невады. Дон выслушал эти сведения с большим интересом и не переставал с тех пор размышлять над ними. Секрет успеха дона Корлеоне отчасти в том и состоял, что он из всего умел извлечь выгоду.

Конни Корлеоне глядела на мужа влюбленными глазами и не могла наглядеться. Смолоду Карло Рицци подряжался на подсобные работы в пустыне. От тяжелого физического труда под открытым небом он накачал себе здоровенные бицепсы, фрак трещал на его литых плечах. Он упивался обожанием своей нареченной, то и дело подливал ей вина, ухаживал за ней с показной любезностью, как будто они с нею были участниками театрального представления. И, словно бы невзначай, поглядывал на пузатый, туго набитый конвертами атласный кошель, висящий на правом плече новобрачной. Сколько там? Десять тысяч? Двадцать? Карло Рицци прятал усмешку. Ничего, это только начало. Не с кем-нибудь породнился — с королевской фамилией. Теперь хочешь не хочешь о нем должны будут позаботиться.

В толпе гостей щеголеватый юркий парень, хорек с прилизанной головкой, тоже ощупывал взглядом атласный кошель. По чистой привычке Поли Гатто прикидывал, как сподручней было бы слямзить этот жирный кусок. Развлекался от нечего делать, прекрасно понимая, что это пустая блажь, — так мальчишки в мечтах подбивают вражеские танки из пугача. Он перевел свой взгляд на дощатую танцевальную площадку, где его шеф, немолодой и тучный Питер Клеменца, кружил своих юных дам в забористой тарантелле. Гороподобный, неповоротливый на вид Клеменца отплясывал так искусно и лихо, что зрители награждали его рукоплесканиями. Степенные матроны хватали его за рукав, напрашиваясь в партнерши. Танцоры помоложе почтительно расступились, очистив ему место, и хлопали в такт истступленному брэнчанию мандолины. Наконец Клеменца обессиленно рухнул на стул. Поли Гатто тотчас поднес ему стакан ледяного темно-красного вина, отер взмокшее античное чело носовым платком.

— Ладно, дела не забывай, — отдуваясь, буркнул Клеменца. — Ступай прогуляйся — глянь, все ли в порядке.

Поли скользнул в толпу.

Четыре музыканта ушли промочить горло. Один из молодых танцоров, Нино Валенти, поднял оставленную мандолину, поставил левую ногу на стул и затянул двусмысленную сицилийскую песенку. Красивое лицо Нино Валенти слегка обрюзгло от беспробудного пьянства, он и сейчас уже успел набраться. Вращая глазами, он со смаком выпевал соленые словечки. Женщины вскрикивали, держась за бока, мужчины дружно подхватывали конец каждого куплета.

Дон Корлеоне, чья старомодная благопристойность вошла в поговорку (не смущаясь этим, его кубышка-жена радостно взвизгивала наравне с другими), тактично скрылся в доме. Сонни Корлеоне воспользовался удобным случаем и тут же подсел за стол новобрачных к Люси Манчини. Опасаться было нечего: его жена крутилась на кухне, наводя последнюю красоту на свадебный пирог. Сонни шепнул что-то девушке на ухо, она встала. Выждав немного для вида, Сонни небрежной походкой последовал за ней сквозь толпу, то и дело останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов с кем-нибудь из гостей.

Их провожали сотни глаз. Лучшая подруга невесты, цветущая, вполне американизированная после трех лет, проведенных в колледже, считалась уже девицей «с прошлым». Чуть подобрав с земли подол своего розового платья, улыбаясь деланно и невинно, Люси Манчини вошла в дом и легко взбежала по лестнице, ведущей к уборной. Когда она вновь показалась из-за двери, на верхней площадке стоял Сонни Корлеоне, маня ее к себе.

Из закрытого окна угловой комнаты, кабинета дона Корлеоне, Томас Хейген наблюдал за весельем в нарядном, праздничном саду. Позади него вдоль стен тянулись полки, сплошь заставленные книгами по юриспруденции. Хейген состоял при доне стряпчим, а сейчас временно исполнял к тому же обязанности советника, и потому занимал в служебной иерархии семейства Корлеоне первостепенное по ответственности место. Немало крепких орешков разыграли они с доном, сидя в этой комнате, и теперь, когда Крестный отец покинул гостей и направился в дом, Хейген понял, что свадьба свадьбой, а работа сегодня им предстоит тоже. Дон сейчас зайдет сюда. Хейген видел, как Сонни нагнулся к уху Люси Манчини

и какая сценка разыгралась потом. Он поморщился, решая, стоит ли довести это до сведения донна. Нет, не стоит. Он отвернулся и взял со стола написанный от руки список тех, кто получил разрешение переговорить с донном наедине. Дон Корлеоне вошел в комнату, и Хейген подал ему список. Крестный отец кивнул.

— Оставь Бонасеру напоследок, — сказал он.

Открыв стеклянную дверь, Хейген шагнул прямо в сад, где у бочонка с вином по-прежнему топтались просители. Он подал знак булочнику, пухлому Назорину.

Дон Корлеоне встретил пекаря дружеским объятием. Еще в Италии они вместе играли детьми, росли приятелями. Каждый год на Пасху в дом донна Корлеоне доставлялись неохватные, как колесо телеги, свежие ватрушки, пшеничные пышки с золотистой от яичного желтка корочкой. На рождество и в дни рождения о преданности Назорина напоминали многослойные торты и пирожные с кремом. Какой бы ни выдался год, скудный или обильный, Назорин исправно и безропотно платил взносы профсоюзу булочников, организованному в годы далекой молодости донном Корлеоне. И ни разу ничего не попросил взамен. Что ж, ему давно приспело время предъявить права, заслуженные верной дружбой, и дон Корлеоне не без приятности предвкушал возможность удовлетворить его просьбу.

Хозяин угостил булочника дорогой итальянской сигарой, налил ему янтарной настойки и ободряюще положил руку на плечо. Он знал по горькому опыту, сколько требуется мужества, чтобы просить об одолжении.

Пекарь рассказал ему про свою дочь и Энцо. Мальчишка, если рассудить, работал на победу Америки! А теперь война кончилась, и его, горемычного, отправят в Италию, а дочка Назорина с разбитым сердцем неминуемо зачахнет от тоски. Только Крестный Корлеоне может выручить несчастных влюбленных. На него вся их надежда.

Когда Назорин замолчал, дон Корлеоне мягко улыбнулся:

— Дорогой друг, оставь свои тревоги.

Он подробно изложил порядок действий. Прежде всего надо подать заявление конгрессмену от их округа. Тот внесет на рассмотрение конгресса специальный законопроект, предоставляющий Энцо возможность полу-

чить американское гражданство. Законопроект непременно примут. Дон Корлеоне объяснил, что это будет стоить денег — по нынешним расценкам две тысячи долларов. Дон Корлеоне обеспечит успех дела и передаст по назначению мзду. Устраивает ли это его друга?

Назорин горячо закивал головой. Понятно, он и не рассчитывал, что такая услуга достанется ему даром. Шутка сказать — специальное решение конгресса! Не пара пустяков. Чуть ли не со слезами на глазах Назорин рассыпался в благодарностях. Дон Корлеоне проводил его до дверей и велел быть наготове. В пекарню заглянут сведущие люди, оговорят все детали, позаботятся о необходимых бумагах. На пороге они еще раз обнялись, и Назорин скрылся в саду.

Хейген с улыбкой взглянул на донна.

Недурно Назорин поместил капиталец. И зятек готов, и бессменный помощник у печи. Всего за две тысячи долларов. Дешевка! — Он помолчал. — Кого пустить на это дело?

Дон Корлеоне нахмурился, соображая.

— Наш конгрессмен, из сицилийцев, не подойдет. Пустит еврея, который от соседнего округа. И соответственно измени домашний адрес Назорина. Я думаю, теперь, после войны, таких случаев будет немало, надо завести больше своих людей в Вашингтоне, чтобы не возникали заторы и не поднялась цена. — Хейген сделал пометку у себя в блокноте: «Конгрессмена Лютеко не трогать».

Прощупать Фишера».

Дон Корлеоне вопросительно поднял голову. Хейген сказал:

— Люка Брази к вам просится, его нет в списке. Желает вас поздравить лично и знает, что на людях нельзя.

По лицу прошла тень неудовольствия.

— Это обязательно?

Хейген пожал плечами.

— Вы в нем разбираетесь лучше меня. Могу только сказать, что он очень благодарен за это приглашение на свадьбу. Он этого не ожидал. Вероятно, хочет выразить свою признательность.

Дон Корлеоне вскинул вверх ладонь, показывая, что все ясно и можно звать Люку Брази.

Кей Адамс, разглядывая в саду гостей, выделила Люку Брази среди других по выражению необузданной свирепости, как бы опалившей его лицо и въевшейся в самые поры его кожи. Она спросила, кто это. Майкл привел Кей на свадьбу с тайным умыслом постепенно и по возможности безболезненно довести до сознания своей подруги про своего отца. Пока что Кей, судя по всему, принимала дону за обычного бизнесмена — быть может, не слишком щепетильного в выборе средств. Майкл решил подвести ее к истине окольным путем. Он сказал, что в преступном мире Восточного побережья едва ли найдется фигура более страшная, чем Люка Брази. Своеобразие его таланта, по слухам, состоит в умении совершить убийство собственными силами, без сообщников, что автоматически исключает для стражей закона почти всякую возможность выявить и покарать виновного. Майкл выпятил нижнюю губу.

— Не знаю, насколько все это правда. Но я точно знаю, что с отцом он каким-то образом водит дружбу.

Только тут Кей начала догадываться. Еще не веря, еще не всерьез, она спросила:

— Ты что, намекаешь, будто подобный субъект работает на твоего отца?

Кой черт, в конце концов, подумал Майкл. Рубить, так сплеча.

Он сказал:

— Лет пятнадцать назад кое-кто затеял перехватить у отца его дело, импорт оливкового масла. Отца пытались убить, он чудом остался в живых. Тогда врагами отца занялся Люка Брази. Говорят, за полмесяца он прикончил шестерых и этим положил конец шумевшей оливковой войне.

Майкл говорил посмеиваясь, как бы шутя. Кей содрогнулась.

— И в твоего отца действительно стреляли гангстеры?

— Пятнадцать лет назад, — сказал Майкл. — С тех пор все было тихо. — Он начал опасаться, что зашел слишком далеко.

— Отпугнуть меня рассчитываешь, — сказала Кей. — Не хочешь жениться, вот и все. — Она подтолкнула его локтем в бок. — Ловко придумано.

Майкл улыбнулся.

— Ты поразмысли над этим, вот что.

— Нет, он серьезно убил шесть человек? — спросила Кей.

— Если верить газетам — да, — сказал Майкл. — Хотя наверняка ничего не доказано. Но вообще, он, видно малый — будь здоров, этот Люка.

Люка Брази и впрямь мог нагнать страху на самого черта. Его присутствие набатным колоколом возвещало опасность. Приземистый, ширококостый, с массивным черепом, он носил на лице, как печать, свою звериную свирепость. Карий цвет его глаз таил в себе не больше тепла, чем мертвенно-бурая зыбь болота. Безжизненностью, еще сильнее, чем жестокостью, поражали и его резиновые узкие губы, напоминающие цветом сырую телятину.

Черная слава Люки Брази внушала ужас, о его преданности дону Корлеоне слагались легенды. Он один составлял целую опорную глыбу в том фундаменте, на котором воздвиг свою мощь дон Корлеоне. Существо такой породы, как Люка, было редкостью.

Люка Брази не страшился полиции и общества; он не боялся ни Бога, ни черта — не боялся и не любил никого из людей. Зато по собственному выбору, по собственной доброй воле он боялся и любил дону Корлеоне. Переступив порог комнаты, в которой сидел дон, ужасный Люка Брази одеревенел от почтительности. Запинаясь, он изливался в цветистых поздравлениях — как положено, выражал надежду, что первый из внучат будет мальчик. Затем он вручил дону свой подарок новобрачным: конверт, набитый банкнотами.

Так вот чего он добивался! Хейген заметил, какая перемена совершилась за эти минуты с доном. Дон Корлеоне припал Брази, как король принимает своего подданного, сослужившего ему неоценимую службу: с царственным почетом, но без тени дружеской фамильярности. Каждым движением, каждым словом дон Корлеоне давал Люке почувствовать, что им дорожат. Он не обнаружил ни малейших признаков удивления, что свадебный подарок отдан ему в руки. Он понимал.

Можно было не сомневаться, что в этом конверте окажется больше денег, чем в любом другом. Конечно же, не час и не два Брази просидел, стараясь определить, сколько могут преподнести другие. Его подарок

должен быть самым щедрым, чтобы видно было, кто чтит дону больше всех. Поэтому он и вручил конверт не молодым, а лично дону Корлеоне, и дон спустил ему эту вольность, ответив на его маленькую речь столь же цветистыми словами благодарности. Хейген глядел, как тает печать свирепости на лице Люки Брази и черты его расправляются от гордости и довольства. Хейген открыл ему дверь; Люка Брази, поцеловав дону руку, вышел. Хейген благоразумно проводил его корректной улыбкой, и квадратный, приземистый убийца вежливо растянул в ответ свои безжизненные резиновые губы. Когда дверь закрылась, дон Корлеоне тихонько, с облегчением вздохнул. При Люке Брази, единственном из всех людей на свете, ему становилось не по себе. Подобно стихийным силам, человек этот был до конца не подвластен никакой узде. С ним требовалась сутубая осторожность, как в обращении с динамитом. Дон пожал плечами. Что ж, в случае надобности и динамит можно взорвать без вреда. Он выжидающе посмотрел на Хейгена.

— Один Бонасера остался?

Хейген кивнул. Дон Корлеоне задумчиво наморщил лоб.

— Знаешь, зови его, но с начала давай-ка сюда Сантино. Пусть подучится кой-чему.

В поисках Сонни Корлеоне Хейген обошел весь сад. Попросив Бонасеру еще немного потерпеть, он подошел к столу, где сидел со своей девушкой Майкл Корлеоне.

— Сонни не видел? — озабоченно спросил он.

Майкл покачал головой. Вот еще не было печали, подумал Хейген. Если Сонни до сих пор прохлаждается с подружкой невесты, беды не оберешься. Жена Сонни, родители этой девицы... Может случиться катастрофа. Он в тревоге поспешил к двери, за которой на его глазах полчаса назад скрылся Сонни.

Глядя ему вслед, Кей Адамс снова обратилась к Майклу с вопросом:

— Это кто? Ты когда нас знакомил, сказал — твой брат, но у него фамилия другая, и он ничуть не похож на итальянца.

— Том у нас жил с двенадцати лет. Остался без отца, без матери, шастал по улицам, где-то подцепил заразную болезнь. Сонни раз привел его ночевать — ну, он и за-

стрял у нас. Некуда было деваться. Отдельно зажил только, когда женился.

У Кей заблестели глаза.

— Прямо как в романе! Видно, отец у тебя душевный человек. Взять и так просто усыновить беспризорного, когда у самого столько детей.

Майкл не стал спорить, хотя у итальянских эмигрантов считалось, что четверо детей в семье — это мало. Он сказал только:

— А Тома никто не усыновлял. Он просто жил с нами.

— Да? Почему же, интересно?

Майкл рассмеялся.

— Отец говорил, что со стороны Тома было бы неуважительно менять фамилию. Неуважительно по отношению к его родителям.

Они увидели, как Хейген подвел к двери отцовского кабинета Сонни и затем жестом позвал к себе Америго Бонасеру.

— Что это они в такой день пристают к твоему отцу с делами? — спросила Кей.

Майкл фыркнул.

— Да потому, что по обычаю в день свадьбы дочери ни один сицилиец не может никому отказать в просьбе. И ни один сицилиец не упустит такого случая.

Подобрав подол своего розового платья, Люси Манчини легко взбежала по лестнице.

На площадке Сонни схватил ее за руку и потянул за собой по коридору в одну из пустующих спален. У нее подгибались колени.

Дверь закрылась, и, обдав Люси прогорклым табачным духом, Сонни припал к ее рту...

Наверное, негромкий стук в дверь продолжался уже не первую минуту, но только теперь он дошел до их сознания. Люси лихорадочно одернула на себе розовое платье. Послышался очень тихий голос Тома Хейгена:

— Сонни, ты здесь?

Сонни с облегчением выдохнул и подмигнул Люси.

— Да, Том. Чего тебе?

Все так же тихо голос Хейгена произнес:

— Дон требует тебя в кабинет. Сию секунду.

Раздался звук шагов и стих вдали. Сонни выждал еще несколько мгновений, больно поцеловал Люси в губы и выскользнул за дверь.

Люси причесала растрепанные волосы, еще раз оправила платье, подтянула чулки. Она сбегала по лестнице, вышла в сад и села на прежнее место за стол новобрачных, рядом с невестой. Конни обиженно надула губы:

— Люси, куда ты пропала? Ты что-то прямо как пьяная. Посиди теперь со мной.

Белокурый молодожен, понимающе скаля зубы, налил Люси вина. Люси было все равно. Она поднесла к пересохшим губам пахучую темную жидкость и стала пить. Глаза ее поверх бокала жадно выискивали в толпе Сонни Корлеоне. Никого больше ей видеть не хотелось. Она лукаво шепнула на ухо Конни:

— Погоди, еще пару часов, и ты тоже узнаешь, что к чему.

Конни хихикнула.

Люси скромненько сложила руки на столе, упиваясь вероломным торжеством, словно похитила сокровище, предназначенное невесте.

Вслед за Хейгеном Америкго Бонасера вошел в угловую комнату. Дон Корлеоне сидел за огромным письменным столом. Подле окна, глядя в сад, стоял Сонни Корлеоне. Дон, впервые за время приема, встретил гостя неласково: не обнял его, даже не подал руки. Жена Бонасеры была лучшей подругой хозяйки дома, иначе владельцу похоронной конторы не видать бы приглашения на свадьбу как своих ушей. Сам Америкго был в большой милости у дона Корлеоне.

Проситель повел речь тонко, издалека.

— Извините и не считите неучтивостью, что сегодня не приехала моя дочь, крестница вашей супруги. Она все еще лежит в больнице. — Бонасера покосился в сторону Сонни и Тома Хейгена, давая понять, что не хочет разговаривать при них. Дон и бровью не повел.

— Да, все мы знаем, какая у вас беда с дочкой. Если я тут могу быть чем-то полезен, вы только скажите. Как-никак моя жена ей доводится крестной матерью. Я не забыл, что нам оказана такая честь. — Это был упрек. Похоронщик никогда не называл дона Корлеоне «Крестный отец», как того требовал обычай.

Бескровное лицо Америкго сделалось пепельно-серым, он спросил, уже без обиняков:

— Могу я говорить с вами наедине?

Дон Корлеоне покачал головой.

— Я этим людям доверяю свою жизнь. Каждый из них мне — как правая рука. Попросить их выйти значило бы нанести им оскорбление.

Похоронщик на секунду прикрыл глаза, потом загворил, монотонно, негромко, тем голосом, каким обычно обращался со словами утешения к своим клиентам:

— Я растил свою дочь так, как принято в Америке. Я чту Америку. Америка дала мне возможность встать на ноги. Я предоставил дочери свободу, но при этом внушал ей, чтобы она никогда не роняла честь семьи. Она завела себе молодого человека, не итальянца. Стала ходить с ним в кино. Возвращалась поздно. И хоть бы раз он зашел в дом, познакомился с родителями. Я со всем мирился, слова поперек не сказал — моя вина. Два месяца назад он повез ее гулять. Взял с собой еще одного парня, своего дружка. Напоили ее виски и вздумали надругаться над ней. Она не далась. Не допустила над собой позора. Тогда они ее стали избивать. Били, как собаку. Когда я приехал в больницу, у нее были подбиты оба глаза. Ей сломали переносицу. Раздробили челюсть. Пришлось накладывать проволочные шины. Она рыдала, превозмогая боль: «Папа, папочка, за что? За что они меня так?» Я сам плакал вместе с ней.

Слезы мешали Бонасере говорить, хотя его голос до сих пор ничем не выдавал его волнения.

Дон Корлеоне, как бы невольно, сделал сочувственный жест. Бонасера продолжал, и теперь в его голосе слышалось живое человеческое страдание.

— О чем я плакал? Она была мне светом очей, она была ласковая, моя дочка. И красивая. Она верила людям. Теперь больше никогда не будет верить. И никогда не будет красивой. — Похоронщика трясло, на его землистых щеках проступили безобразные багровые пятна. — Я, как добропорядочный американец, обратился в полицию. Хулиганов арестовали. Потом судили. Улики были неопровержимы, оба признали себя виновными. Судья дал каждому три года — условно. В тот же день их выпустили. Я стоял в суде как дурак, а эти подонки

смеялись мне в лицо. И тогда я сказал жене: «Правосудия нам надо искать у дона Корлеоне».

Дон слушал, склонив голову в знак уважения к чужому горю. Но когда он заговорил, в его холодных словах звучало оскорбленное достоинство.

— Зачем же вы обратились в полицию? Почему с самого начала не пришли ко мне?

Бонасера едва слышно отозвался:

— Что я вам буду должен? Скажите, что от меня понадобится. Только сделайте то, что я прошу. — Это прозвучало неприязненно, почти дерзко.

— А что же именно? — серьезно сказал дон Корлеоне.

Бонасера оглянулся на Хейгена и Сонни Корлеоне и замотал головой. Дон, не вставая из-за стола, подался всем телом вперед, и Бонасера, помедлив, нагнулся к волосатому уху дона, едва не касаясь его губами. Дон Корлеоне слушал, устремив взор в пространство, бесстрастный и недоступный, словно священник в исповедальне. Прошла долгая минута. Бонасера прошептал последнее слово и выпрямился во весь рост. Дон поднял на него строгий взгляд. Бонасера покраснел, но не отвел глаза.

Наконец дон заговорил:

— Это невозможно. Надо же знать меру.

Бонасера громко, внятно произнес:

— За ценой не постою. Сколько?

Хейген при этих словах дернулся, нервно вскинув голову. Сонни Корлеоне в первый раз повернулся от окна и с сардонической усмешкой скрестил руки на груди.

Дон поднялся из-за стола. Его лицо оставалось бесстрастным, но от его голоса кровь стыла в жилах.

— Мы с вами знаем друг друга не первый год, — сказал он, — однако до сих пор вы никогда не приходили ко мне за помощью или советом. Я что-то не припомню, когда в последний раз вы приглашали меня к себе на чашку кофе, а ведь вашу единственную дочь крестила моя жена. Будем говорить откровенно. Вы пренебрегали моей дружбой. Вы боялись оказаться мне обязанным.

Бонасера глухо сказал:

— Я не хотел навлекать на себя неприятности.

Дон вскинул вверх ладонь.

— Нет, постойте. Помолчите. Америка представлялась вам раем. Вы открыли солидное дело, вы хорошо

зарабатывали, вы решили, что этот мир — тихая обитель, где можно жить-поживать в свое удовольствие. Вы не позаботились о том, чтобы окружить себя надежными друзьями. Да и зачем? Вас охраняла полиция, на страже ваших интересов стоял закон — какие беды могли грозить вам и вашим присным? И для чего вам нужен был дон Корлеоне? Ну что ж. Мне было больно, но я не привык навязывать свою дружбу тем, кто ее не ценит, тем, кто относится ко мне с пренебрежением. — Дон помолчал и взглянул на похоронщика с вежливой и насмешливой улыбкой. — И вот теперь вы приходите ко мне и говорите: дон Корлеоне, пусть вашими руками свершится правосудие. Причем просите вы меня непочтительно. Вы не предлагаете мне свою дружбу. Вы приходите в мой дом в день свадьбы моей дочери и предлагаете мне совершить убийство, а потом прибавляете, — дон Корлеоне с издевкой передразнил Бонасеру: — «Я заплачу вам сколько угодно». Нет-нет, я не обижаюсь — только чем я мог заслужить у вас подобное неуважение к себе?

Из глубины души, истерзанной мукой и страхом, у похоронщика вырвался вопль:

— Америка прикутила и обогрела меня. Я хотел быть образцовым гражданином. Я хотел, чтобы мое дитя стало дочерью Америки.

Дон дважды одобрительно хлопнул в ладони.

— Прекрасные речи. Великолепно. Раз так, вам не на что жаловаться. Судья вынес свой приговор. Америка сказала свое слово. Навещайте свою дочку в больнице, носите ей цветы и сладости. Они порадуют ее. И сами утешьтесь. В конце концов, беда не так уж велика, ребята молодые, горячие, один к тому же — сынок высокопоставленного лица. Да, милый Америго, вы всегда были честным человеком. И хотя вы пренебрегли моей дружбой, я должен признать, что на слово Америго Бонасеры можно положиться со спокойной совестью. А потому обещайте мне, что вы выкинете из головы эти бредни. Это совсем не по-американски. Простите. Забудьте. Мало ли в жизни неудач.

Во всем этом звучала такая злая, ядовитая насмешка — в голосе дона слышалось столько сдержанного гнева, что от незадачливого похоронщика остался лишь сгусток студенистого страха, однако заговорил он и на этот раз храбро:

— Я прошу, чтобы свершилось правосудие.

Дон Корлеоне отрывисто сказал:

— Правосудие уже свершилось на суде.

Бонасера упрямо затряс головой.

— Нет. На суде свершилось правосудие для тех мальчишек. Для меня — нет.

Дон склонил голову, показывая, что сумел оценить всю тонкость такого разграничения.

— В чем же состоит правосудие для вас? — спросил он.

— Око за око, — сказал Бонасера.

— Вы просите большего, — сказал дон. — Ведь ваша дочь осталась жива.

Бонасера с неохотой сказал:

— Пусть они испытают те же страдания, какие доставили ей.

Дон выжидал, что он скажет дальше. Бонасера собрал последние остатки мужества и договорил:

— Сколько мне заплатить вам за это?

То был крик отчаяния.

Дон Корлеоне повернулся спиной к просителю. Это означало, что разговор окончен. Бонасера не шелохнулся.

Тогда со вздохом, как человек, неспособный по доброте сердечной держать зло на друга, когда тот заблуждается, дон обернулся к похоронщику, который в эту минуту мог бы помериться бледностью с любым из своих покойников. Теперь дон Корлеоне заговорил терпеливо, ласково.

— Отчего вы боитесь прежде всего искать покровительства у меня? — сказал он. — Вы тратитесь на адвокатов, а они отлично знают, что вас так или иначе оставят в дураках. Вы считаетесь с приговором судьбы, а этот судья продажен, как последняя девка с панели. Все эти годы, когда вам нужны были деньги, вы шли в банк, где с вас драли непомерные проценты, вы, как нищий, стояли с протянутой рукой, пока кто-то вынюхивал, в состоянии ли вы вернуть деньги, пока кто-то совал свой нос к вам в тарелку, подглядывал за вами в замочную скважину.

Дон на мгновение замолчал, а когда заговорил, в его голосе прибавилось строгости:

— Между тем, если б вы пришли ко мне, я протянул бы вам свой кошелек. Если бы вы пришли ко мне, эти подонки, обидчики вашей дочери, уже сегодня заливались бы горькими слезами. Если бы, волею злого случая, вы — достойный человек — нажили себе недругов, они стали бы и мне врагами, и тогда, — дон поднял руку, указуя перстом на Бонасеру, — тогда, вы уж поверьте, они бы вас боялись.

Бонасера поник головой и сдавленно прошептал:

— Будьте мне другом. Я принимаю ваши условия.

Дон Корлеоне положил ему руку на плечо.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть свершится правосудие. Быть может, настанет день — хотя я не говорю, что такой день непременно настанет, — когда я призову вас сослужить мне за это службу. А пока примите этот акт правосудия как дар от моей жены, крестной матери вашей дочки.

Когда похоронщик, бормоча слова благодарности, закрыл за собою дверь, дон Корлеоне обратился к Хейгену:

— Поручи это дело Клеменце, да скажи, пусть отберут спокойных ребят, чтобы не потеряли головы, почуяв запах крови. Мы, в конце концов, не убийцы — что бы там ни вбил в свою тупую голову этот наперсник мертвецов.

Дон заметил, что его первенец, надежда родительского сердца, опять загляделся в окошко на свадебное веселье. Ничего не выйдет, подумал дон Корлеоне. Раз Сантино упорно не хочет учиться, он никогда не сможет возглавить дела семейства, из него никогда не получится дон. Придется искать кого-то другого. И не откладывая. В конце концов, он тоже не вечен.

Из сада в комнату ворвался дружный и восторженный рев. Все трое насторожились. Сонни Корлеоне припал к окну. Взглянул, просиял и быстро двинулся к двери.

— Это Джонни — приехал все-таки на свадьбу, что я говорил!

Хейген подошел к окну.

— Это и правда ваш крестник, — сказал он дону Корлеоне. — Вести его сюда?

— Нет, — сказал дон. — Пусть порадует гостей. Ко мне еще успеет. — Он улыбнулся Хейгену. — Вот видишь. Он хороший крестный сын.

У Хейгена ревниво екнуло сердце. Он сухо сказал:

— За два года — первый раз. Видно, опять неприятности. Надо выручать.

— А к кому же идти ему в трудную минуту, если не к крестному отцу, — сказал дон Корлеоне.

Первой увидела, что в сад входит Джонни Фонтейн, невеста, Конни Корлеоне. В ту же секунду с нее слетела вся ее напускная величавость.

— Джон-ни-и! — завизжала она, сорвалась с места и кинулась ему на шею.

Джонни Фонтейн крепко прижал ее к себе, чмокнул в губы и, обняв ее одной рукой, стоял, пока к нему сбегались остальные. Все это были его старые друзья, с ними вместе он рос на узст-сайдских улицах. Конни подтащила его к новобрачному. Джонни стало смешно: светловолосый юнец явно обиделся, что уже не он герой дня. Джонни привычно пустил в ход свое обаяние — сердечно тряс ему руку, осушил в его честь стакан вина.

С эстрады, где сидели музыканты, донесся знакомый голос:

— Эй, Джонни, спел бы нам лучше песенку!

Джонни поднял голову: на него с усмешкой глядел сверху Нино Валенти. Джонни вспрыгнул на эстраду и обхватил Нино обеими руками. Прежде они были неразлучны — вместе пели, вместе гуляли с девчонками, — а после Джонни устроился петь на радио, и к нему пришла слава. Когда он уехал в Голливуд сниматься в кино, он пару раз звонил Нино — просто так, поболтать — и обещал договориться, чтобы Нино послушали в одном из местных клубов. Но сделать это так и не собрался. Сейчас при звуках голоса Нино, при виде его усмешки, беспощадной, хмельной, нагловатой, бывшая привязанность к другу охватила Джонни с новой силой.

Нино забрепчал на мандолине. Джонни Фонтейн положил ему руку на плечо.

— В честь невесты, — сказал он и, притопнув ногой, стал выпевать соленые слова любовных сицилийских куплетов.

Пока он пел, Нино сопровождал куплеты красноречивыми телодвижениями. Польщенная невеста зарумяни-

лась, толпа гостей выражала свое одобрение зычным рыком. К концу все, топоча ногами, оглушительно подхватывали лукавую, двусмысленную приговорочку, которой завершался каждый куплет. Потом хлопали не переставая, пока Джонни не прочистил горло, готовясь запеть новую песенку.

Здесь каждый гордился им. Он был плотью от их плоти — и сделался прославленным певцом, звездой киноэкрана; самые обольстительные женщины на земле оспаривали его друг у друга. И смотрите — он не зазнался, он проявил должное почтение к своему крестному отцу, перемахнул три тысячи миль и примчался на свадьбу. Он по-прежнему любит старых приятелей вроде Нино Валенти. Кто не помнит, как Джонни горланил песенки вместе с Нино, когда у обоих еще молоко на губах не обсохло, когда никому и не снилось, что Джонни Фонтейн будет держать у себя на ладони пятьдесят миллионов женских сердец.

Джонни Фонтейн наклонился с эстрады, подхватил невесту и поставил ее между собою и Нино. Певцы пригнулись, обратив лица друг к другу. Нино тронул струны мандолины, она отозвалась нестройно и сипло. Это была их старая забава, шуточный поединок за первенство в отваге и любви; голоса их скрестились, точно шпаги, припев выкрикивал то одни, то второй, поочередно. С изысканной любезностью Джонни позволил Нино перекрыть его прославленный голос своим и завладеть другой рукой невесты — позволил Нино победно допеть до конца, а сам пристыженно замолк. Под общие крики и бешеные рукоплескания трое на эстраде обнялись. Свадьба молила, требовала новых песен.

И только один человек почуял неладное. Стоя в дверях своего дома, дон Корлеоне подал голос — грубовато, но беззлобно, чтобы ни в коем случае не обидеть гостей:

— Мой крестник оказал нам такую честь, прилетел за тридевять земель, а никто не догадается, что ему следует промочить горло!

К Джонни мгновенно протянулись штук десять полных бокалов. Он отпил по глотку из каждого и бросился к своему крестному отцу. Они обнялись; Джонни шепнул что-то на ухо дону — и дон Корлеоне повел его в дом.

Джонни вошел в кабинет. Том Хейген протянул ему руку. Джонни пожал ее, бросил:

— Как живешь, Том? — однако без тени той неподдельной сердечности, в какой заключался главный секрет его обаяния. Хейгена слегка задела его отчужденность — а впрочем, ему было не привыкать. Он был раззявший меч дон Корлеоне; за это приходилось расплачиваться и такою ценой.

Джонни Фонтейн обратился к дону:

— Когда пришло приглашение на свадьбу, я себе сказал — ага, крестный на меня уже не сердится. А то раз пять пытался к вам дозвониться с тех пор, как развелся с женой, но, как ни позвоню, Том отвечает: либо дома нет, либо занят — чего уж там, понятно, что впал в немилость.

Дон разливал по стаканам настойку из янтарной бутылки.

— Что прошлое поминать... Ну, так. Я еще на что-нибудь гожусь для тебя? Или же твоя слава и твои миллионы вознесли тебя в такую высь, что туда не протянешь руку помощи?

Джонни опрокинул себе в рот огненную желтую влагу и подставил дону пустой стакан. Он сился отвечать непринужденно и беспечно:

— Какое там — миллионы, крестный. Я качусь вниз. Эх, правду вы мне говорили. Нечего было бросать жепу и ребятишек и жениться не распутной девке. Поделом вы сердились на меня.

Дон пожал плечами.

— Я за тебя беспокоился, вот и все — как-никак ты мой крестник.

Джонни заходил по комнате.

— Я голову потерял из-за этой паскудины. Первая звезда в Голливуде. Хороша, как ангел. А знаете, что она творит, когда кончаются съемки? Если пример удачно сделал ей лицо, она с ним спит. Если оператор выгодно показал ее, зазывает его к себе в уборную и отдается ему. Отдается, кому попало. Раздает свое тело направо и налево, как раздают чаевые. Ведьма — у сатаны на шабаше ей место...

Дон Корлеоне оборвал его:

— Как поживает твоя семья?

Джонни вздохнул.

— Они у меня обеспечены. Когда мы разошлись, я стал платить Джинни и девочкам больше, чем присудили на процессе. Раз в неделю езжу их проведать. Скучаю без них. Иной раз до того скрутит, что кажется, с ума сойдешь. — Он опять осушил стакан.

— А вторая жена смеется надо мной. Не может взять в толк, отчего это я ревную. Я отстал от жизни, я развожу итальянские страсти, а мои песенки — дребедень. Перед отъездом вмазал ей прилично — только лицо пожалел, она сейчас снимается. Намял ей бока, наставил синяков на руках, на ногах — впал в детство, она только хохотала надо мной. — Джонни закурил. — Вот так, крестный, а потому на сегодняшний день, как говорится, жить мне в общем-то нет охоты.

Дон Корлеоне сказал просто:

— Это беды, в которых тебе нельзя помочь. — Он помолчал. Потом спросил: — Что у тебя происходит с голосом?

В мгновение ока от баловня судьбы, который самоуверенно и неотразимо подтрунивал над собою, не осталось и следа. Джонни Фонтейн был сломлен.

— Крестный, я не могу больше петь, у меня что-то с горлом, и доктора не знают что.

Хейген и дон поглядели на него изумленно. Чего-чего, а малодушие за Джонни Фонтейном не водилось никогда. Джонни продолжал:

— Мои две картины принесли большие деньги. Я был звездой первой величины. Теперь меня вытирают из кино. Хозяин студии издавна меня не терпит, и сейчас для него удобное время со мной сквитаться.

Дон Корлеоне встал, повернулся лицом к крестнику, с угрозой спросил:

— За что же этот человек невзлюбил тебя?

— Я выступал на митингах левых, пел — помните, вам это всегда не нравилось. Вот и Джеку Вольцу не понравилось. Он навесил на меня ярлык коммуниста, но, вопреки его стараниям, эта кличка ко мне не приклеилась. Потом — уж так получилось — я увел девочку, которую он приберегал для себя. Увел всего на одну ночь, а точнее — она меня увела. Что еще мне, черт возьми, оставалось? А теперь к тому же меня гонит из дому эта развратная тварь, на которой я женился. Джинни с детьми меня обратно не примут, разве что приползу на коле-

нях. Петь я больше не могу. Что же делать, крестный, что делать?

Лицо дона Корлеоне застыло в ледяном презрении. В нем не было и тени сочувствия.

— Для начала — вести себя, как подобает мужчине, — сказал он.

Внезапно черты его исказились от гнева.

— Как подобает мужчине! — рявкнул он.

Он перегнулся через стол и сгрел Джонни за волосы движением свирепым и любовным.

— Господи Боже мой, столько времени провести возле меня и после этого остаться размазней! Ты что, бесполой голливудская кукла, что вздумал хныкать и кланяться о помощи? Бабы истерики закатывать: «Что же делать? Ах, что мне делать?»

Это вышло так неожиданно, так удивительно похоже, что Джонни с Хейгеном покатались со смеху. Дон Корлеоне был доволен. До чего же прикипел к его сердцу этот крестник... Любопытно, подумалось ему, чем ответили бы на подобную выволочку его родные сыновья. Сантино надул бы и еще долго потом выкидывал коленца. Фредо ходил бы как побитая собака. Майкл повернулся бы с холодной улыбкой, ушел из дому и не показывался несколько месяцев. А вот Джонни — ну до чего милый парень! — уже скалит зубы, собирается с силами, разгадал с первого слова, чего от него хочет крестный. Дон Корлеоне продолжал:

— Ты уводишь женщину из-под носа у своего продюсера — человека, который сильнее тебя, — и потом жалуешься, что он оттирает тебя от работы. Надо же додуматься! Ты бросаешь семью, оставляешь детей без отца ради того, чтоб жениться на девке — и плачешь, что тебя не ждут назад с распростертыми объятиями. Тебе жаль ударить девку по лицу, потому что она снимается в кино, — и ты еще удивляешься, что она над тобой смеется. Ты жил, как дурак, — и неудивительно, что остался в дураках.

Дон Корлеоне сделал передышку и терпеливо спросил:

— Не хочешь хотя бы на сей раз послушаться моего совета?

Джонни Фонтейн пожал плечами.

— Я не могу жениться снова на Джинни, — во всяком случае, на угодных ей условиях. Я играю, я пью, я бываю в холостяцких компаниях и без этого не умею жить. За мной увиваются смазливые бабенки, у меня никогда не хватало сил перед ними устоять. А после я тащился к Джинни и чувствовал себя распоследним гадом. Согласиться опять тянуть эту лямку — нет уж, ни за что.

Видно было, что терпение у дона Корлеоне вот-вот лопнет, а такое случалось нечасто.

— Да разве тебе кто-нибудь велит жениться снова? Поступай как знаешь. Ты хочешь остаться отцом своим девочкам — это похвально. Если мужчина не стал своим детям настоящим отцом, он не мужчина. Но раз так, сумей настоять, чтобы их мать принимала тебя на твоих условиях. Где сказано, что ты не можешь поселиться под одной крышей с ними? Где сказано, что ты не имеешь права строить собственную жизнь, считаясь лишь с собственными желаниями?

Джонни Фонтейн усмехнулся:

— Нет, крестный, жен старого итальянского образца теперь мало. Джинни этого не потерпит.

Дон подпустил в свои назидания яду:

— Так ведь ты вел себя как слюнтяй. Одной жене выплачивал больше, чем ей присудили. Другой боялся попортить личико, потому что она снимается в кино. Ты подчинялся в своих поступках женщинам — а женщины, они на этом свете только помеха делу, хотя на том, разумеется, попадут в святые. Зато мы, мужчины, будем гореть в адском пламени. И еще. Я, знаешь, следил за тобой все эти годы. — Теперь дон говорил серьезно. — Да, ты был примерным крестником, ты ни разу не проявил неуважения ко мне. Ну а как насчет твоих старых друзей? Сегодня тебя повсюду видят с одним, завтра — с другим. Помнишь, тот паренек, итальянец, он еще снимался в таких забавных ролях — на чем-то он раз сорвался, и ты уж не встречаешься с ним, ты же у нас знаменитость. Или другой, закадычный старинный товарищ, — вместе бегали в школу, вместе горлачили песни. Нино. Он вот пьет сверх меры оттого, что ему в жизни не повезло, но никто не слышал от него ни слова жалобы. Вкалывает себе, возит гравий на грузовой машине, по субботам подрабатывает — поет свои песенки. И ни-

когда не скажет о тебе дурного слова. Ты бы ему не помог немножко? А что? Он славно поет.

Джонни Фонтейн объяснил терпеливо, но слегка утомленно:

— Крестный, у него же просто не те способности. Сносно поет, но звезд-то с неба не хватает.

Дон Корлеоне опустил веки, так что от его глаз остались узкие щелки.

— Ну а ты, крестничек, — ведь и ты, как оказалось, тоже звезд с неба не хватаешь. Хочешь, пристрою тебя на работу — возить гравий на грузовике вместе с Нино?

Джонни не отозвался, и дон продолжал:

— Дружба — это все. Дружба превыше таланта. Сильнее любого правительства. Дружба значит лишь немногим меньше, чем семья. Никогда это не забывай. Тебе стоило воздвигнуть вокруг себя стену дружбы — и сегодня ты не взывал бы ко мне о помощи. А теперь говори: почему ты не можешь петь? В саду ты пел недурно. Не хуже Нино.

Хейген и Джонни усмехнулись в ответ на эту изощренную колкость. Теперь настала очередь Джонни проявить выдержку и снисходительность.

— Горло у меня стало слабое. Спою две-три песни — и на много часов, а то и дней лишаюсь голоса. На репетициях, на записях не дотягиваю до конца. Голос садится, что-то разладилось с глоткой.

— Так. Стало быть, неполадки с женщинами. Неполадки с голосом. Теперь скажи, в чем суть твоих неурядиц с этой шишкой этим *rezzonovante* из Голливуда? Где и как он тебе не дает работать?

До сих пор были слова, теперь начиналось дело.

— Он и вправду большая шишка, — сказал Джонни. — Хозяин киностудии, советник президента по военной пропаганде средствами кино. Только месяц назад купил права на экранизацию самого шумевшего романа за этот год. Книжка не залеживается на прилавках, не успевают переиздавать. Главный герой будто списан с меня. Мне бы даже играть не было надобности — просто быть самим собой. Даже не петь, пожалуй. И не исключено, что мне присудили бы премию Академии. Все знают — я прямо создан для этой роли, я снова оказался бы в обойме. Уже как актер. А Вольф, сукин сын, сводит со мной счеты и не дает мне эту роль. Я вызвался

сыграть ее практически даром, по низшей ставке, и все равно он ни в какую. Пустил слух, что если я приду на студию и при всех поцелую его в зад — тогда он, возможно, еще подумает.

Дон Корлеоне нетерпеливым жестом отмахнулся от этой лирической концовки. Разумные люди всегда сумеют найти выход из деловых затруднений. Он потрепал крестника по плечу.

— Ты, я вижу, пал духом. Думаешь, что никому ты не нужен, все от тебя отвернулись, — угадал? И очень сильно похудел. Пьешь, видно, много? Не спишь, глотаешь таблетки? — Он недовольно покрутил головой.

— А теперь слушай и подчиняйся, — продолжал он. — Будь добр на месяц остаться в моем доме. Будь добр есть по-человечески, отоспись, приди в себя. Держись при мне — мне в твоём обществе приятно, а ты, быть может, наберешься от своего крестного ума-разума в житейских вопросах — как знать, вдруг и в твоём хваленном Голливуде пригодится. И чтобы никакого пения, никаких попок, никаких женщин. Пройдет месяц — можешь возвращаться в Голливуд, и эта шишка, этот твой *rezzonovante*, даст тебе работу, о которой ты мечтаешь. Договорились?

Джонни Фонтейну не очень верилось, чтобы дон был столь всесилен. Правда, еще не бывало случая, чтобы его крестный отец посулил что-то сделать и не сделал.

— Этот хмырь — личный друг Эдгара Гувера, — сказал Джонни. — Он вас даже слушать не станет.

— Он деловой человек, — скучным голосом сказал дон. — Я приду к нему с предложением, которое он не сможет отклонить.

— Да и слишком поздно, — сказал Джонни. — Все контракты подписаны, через неделю начинаются съемки. Ничего не выйдет, исключено.

Дон Корлеоне сказал:

— Ступай-ка. Иди к гостям. Друзья тебя ждут не дождутся. Предоставь все мне.

Он подтолкнул Джонни к двери. Хейген, присев к столу, делал пометки в своем блокноте.

Дон тяжело вздохнул.

— Еще осталось что-нибудь?

— Нельзя больше откладывать с Солоццо. На этой неделе вам нужно его принять. — Хейген застыл над календарем с ручкой наготове.

Дон повел плечом.

— Свадьба прошла — теперь давай, когда скажешь.

Из этих слов Хейген сделал два вывода. Главное — что Виргилию Солоццо ответят отказом. И второе — раз дон Корлеоне медлил с ответом, пока не отпразднует свадьбу дочери, значит, он полагает, что этот отказ будет сопряжен с неприятностями.

Хейген осторожно спросил:

— Сказать Клеменце, чтобы разместил в доме часть своих людей?

Дон нетерпеливо поморщился.

— Зачем? Я не давал ответа до свадьбы, потому что такой знаменательный день не должно омрачать ни единое облачко, хотя бы и в отдалении. Кроме того, я хотел заранее знать, о чем он собирается толковать. Теперь это известно. То, что он намерен нам предложить, — infamita. Позор и мерзость.

Хейген сказал:

— Так вы ответите отказом? — Дон кивнул, и Хейген прибавил: — Я считаю, это следует обсудить — сообща, на семейном совете, — а потом уже давать ответ.

Дон усмехнулся.

— Считаешь, стало быть. Ладно, обсудим. Когда вернешься назад из Калифорнии. Что еще?

Хейген доложил безучастно и четко:

— Звонили из больницы. Часы consiglieri Аббандандо сочтены, ему не дотянуть до утра. Родным велели приехать проститься.

— Пусть разъедутся гости, — сказал дон Корлеоне. — Дженко меня дождетсся.

— Звонил сенатор, — сказал Хейген. — Извинялся, что не смог пожаловать лично, прибавил, что вы поймете. Скорей всего имеет в виду тех двух красавцев из ФБР, которое торчали напротив вашего дома и записывали номера машин. Свой подарок он вам прислал с верным человеком.

Дон покивал головой. Не было смысла рассказывать, что он сам отсоветовал сенатору приезжать.

— Стоящий подарочек?

Германо-ирландские черты Хейгена приняли до странности итальянское выражение, обозначающее высокую степень похвалы.

— Старинное серебро, очень ценная штука. Если ребята надумают продавать — верная тысяча. Повозился сенатор, пока отыскал редкую вещь. Для людей его круга в этом вся соль, а не в том, сколько стоит.

Дон Корлеоне выслушал его с нескрываемым удовольствием — со стороны такой фигуры, как сенатор, это был нешуточный знак внимания. Подобно Люке Браззи, сенатор был одной из глыб, на которых покоилось могущество дона Корлеоне, — и, подобно Люке, своим подарком он вновь подтвердил свою неизменную преданность.

Кей Адамс узнала Джонни в первую же минуту, как только он появился в саду. Узнала и искренне удивилась:

— Ваша семья знакома с Джонни Фонтейном! Что же ты мне раньше не сказал? Теперь уж я пойду за тебя за муж, будь уверен.

— Хочешь, и тебя познакомлю, — сказал Майкл.

— Сейчас-то что, — сказала Кей. Она вздохнула. — Три года была в него влюблена. На каждый его концерт приезжала в Нью-Йорк и с каждого уходила охрипшая. Бесподобно он это все проделывал!

— Погоди, познакомишься, — сказал Майкл.

После второй песенки, когда Джонни, вслед за доном Корлеоне, скрылся в дверях дома, Кей не без ехидства сказала:

— Только не рассказывай мне, будто звезда такой величины, как Джонни Фонтейн, будет просить о каком-то одолжении у твоего отца.

— Джонни — его крестник, — сказал Майкл. — И если бы не мой отец, ему, пожалуй, никогда бы не стать звездой такой величины.

Кей Адамс замурыкала от восторга:

— Ой, похоже, мне опять предстоит услышать замечательную историю.

Майкл покачал головой: —

— В эту историю я тебя посвящать не имею права.

— Ты можешь на меня положиться, — сказала она.

И он рассказал ей. Рассказал, не сбиваясь на шуточный тон. Рассказал скрепя сердце. Не приводя никаких объяснений — отметив лишь, что восемь лет тому назад

его отец еще бывал горяч, и поскольку речь шла об интересах его крестника, то счел вопросом собственной чести уладить это дело.

Суть истории можно было изложить в двух словах. Восемь лет назад Джонни с невероятным успехом выступил в составе популярного джаз-ансамбля. Он сделался лакомой приманкой на концертах для радиослушателей. К несчастью, руководитель ансамбля, некий Лесс Галли — личность, в среде эстрадников небезызвестная, — связал Джонни на пять лет кабальным контрактом. С начинающими музыкантами так поступали сплошь да рядом. Теперь Лесс Галли имел право выдавать Джонни напрокат, а его деньги — прикарманивать.

Дон Корлеоне лично вступил с ним в переговоры. Он предложил, чтобы Галли за двадцать тысяч долларов расторгнул контракт. Галли согласился, но с условием, что половину заработков Джонни он все же оставляет за собой. Это позабавило дона. Он убавил двадцать тысяч отступного наполовину. Руководитель ансамбля, по всей видимости не слишком искушенный в делах, не связанных с милой его сердцу эстрадой, оказался решительно неспособен верно истолковать смысл этой уценки. Он отверг предложение дона.

На другой день дон Корлеоне явился к дельцу от эстрады с личным визитом. Он пришел в сопровождении друзей — Дженко Аббандандо, который состоял при его особе советником, и Люкой Брази. Других свидетелей не было. Дон Корлеоне убедил Лесса Галли подписать бумагу, в которой говорилось, что по получении заверенного чека на десять тысяч долларов означенный Галли отказывается от каких бы то ни было претензий, связанных с деятельностью Джонни Фонтейна. Дон Корлеоне убедил Лесса Галли достаточно веским доводом: приставил к его лбу пистолет и с предельной серьезностью пообещал, что пройдет минута, и на бумаге окажется либо подпись мистера Галли, либо его мозги. Лесс Галли подписал. Дон Корлеоне спрятал в карман пистолет и вручил Галли заверенный чек.

Дальнейший ход событий уже достояние истории. Джонни Фонтейн и его песни стали величайшей сенсацией Америки. Две музыкальные кинокомедии с участием Джонни принесли голливудской студии неслыханные доходы. На его пластинках зарабатывали миллионы. Потом

он разошелся с женой, хотя знал и любил ее с детских лет, бросил двоих детей и женился на самой ослепительной и белокурой из голливудских кинозвезд. В недолгом времени он удостоверился, что она торгует собой без стыда и совести. Он начал пить, спускать деньги в игорных домах, гоняться за женщинами. Он лишился голоса. Спрос на его пластинки упал. Киностудия отказалась возобновить с ним контракт. Ему оставалось одно — вернуться к своему крестному отцу. И вот он здесь.

Кей задумчиво сказала:

— А ты не ревнуешь отца? По всему, что ты рассказываешь о нем, видно, как много он делает для других. Вероятно, он человек исключительно доброй души. — Она сморщила нос. — Хотя, разумеется, и прибегает к методам, не вполне предусмотренным законом.

Майкл вздохнул.

— Со стороны, пожалуй, так оно и выглядит, но я тебе вот что скажу. Знаешь, как принято у полярных исследователей, — по дороге к полюсу оставлять за собой запасы провианта через определенные отрезки пути? На случай, если когда-нибудь в них возникнет надобность. Так и с добрыми делами отца. Для каждого его должника наступит день, когда раздастся стук в дверь, и уж тогда — будь добр, раскошеливайся...

Пока выносили свадебный пирог, пока над ним обмирали и ахали, пока расправлялись с ним, стало уже смеркаться. Пирог, над которым по такому случаю самолично воровал Назорин, был искусно украшен раковинками из крема — сущее объедение, и новобрачная, перед тем как умчаться со своим белокурым мужем в свадебную поездку, алчно отколупнула несколько штук с остатков пирога. Дон учтиво и расторопно провожал гостей и заодно обратил внимание, что черной закрытой машины с агентами ФБР уже не видно.

Наконец, перед домом остался последний автомобиль — длинный черный «кадиллак»; за рулем его сидел Фредди. Дон подошел к машине пружинистой, быстрой походкой, неожиданной для его возраста и телосложения, и сел на переднее сиденье. Сонни, Майкл и Джонни Фонтейн разместились сзади. Дон через плечо сказал Майклу:

— Как насчет твоей девушки, доберется она сама в город, ничего?

Майкл кивнул.

— Том сказал, он ее доставит.

Дон Корлеоне удовлетворенно отвернулся — Хейген повсюду успевал.

Еще не отменили талоны на бензин, и Кольцевое шоссе, ведущее на Манаттан, было пустынно. Не прошло и часа, как «кадиллак» свернул на улицу, где находилась Французская больница. По дороге дон Корлеоне спросил своего младшего сына, как его успехи в занятиях. Майкл отвечал, что все идет нормально. Сонни нагнулся к переднему сиденью:

— Джонни говорит, ты взялся уладить его неприятности в Голливуде. Может быть, мне туда смотаться, подсобрить?

Дон Корлеоне немногословно ответил:

— Сегодня ночью туда вылетает Том. Помощники не понадобятся, дело несложное.

Сонни хохотнул:

— Джонни полагает, что у тебя ничего не выйдет, вот я и подумал, не пригожусь ли.

Дон Корлеоне повернул голову к Джонни Фонтейну.

— Какие у тебя причины сомневаться? Разве твой крестный хоть раз не выполнил обещанное? С каких это пор меня стали считать пустомелей?

Джонни неловко повинулся:

— Крестный, вы поймите — на студии вершит дела очень большой человек, заправский стопроцентный *pezzonovante*. Его ничем не возьмешь, тут даже деньги бессильны. У него связи. Я просто не представляю себе, как вы это провернете.

Дон сказал мягко и весело:

— А я тебе говорю, ты получишь эту роль. — Он шутиливо толкнул локтем Майкла. — Как, Майкл, не подведем мы моего крестника?

Майкл покачал головой: он ни на секунду не усомнился в отцовском слове.

Когда все шли к дверям больницы, дон Корлеоне тронул сына за руку, и они приотстали от других.

— Окончишь университет, приезжай, поговорим, — сказал дон. — Я кое-что наметил для тебя, думаю, не расквасишься.

Майкл ничего не ответил. Дон с сердцем крикнул:

— Что я, не знаю, как ты смотришь на вещи? Ничего худого я тебе не предложу. Это кое-что совсем особое. Пока что шагай своей дорогой — ты мужчина, в конце концов. Но закончишь учение — явись ко мне, как подбабает сыну.

Дженко Аббандандо проделал долгий путь, убегая от смерти, но теперь знал, что она вот-вот настигнет его на больничной койке, где он полулежал в изнеможении. Он истаял, обратился в скелет, от буйной копны его смоляных волос остались жалкие редкие клочья. Дон Корлеоне бодро сказал:

— Дженко, дружище, вот притащил к тебе на поклон своих сынов — и глянь, какой гость залетел к нам из самого из Голливуда. Узнаешь Джонни?

Умирающий благодарно поднял на донна горячечные глаза. Молодые мясистые лапы трясли его костлявую руку. Его жена и дочери выстроились вдоль койки, целовали его в щеку, гладили по другой руке.

Дон накрыл пальцы своего старого товарища ладонью. Он задумчиво сказал:

— Давай-ка выздоравливай скорее, и махнем мы с тобой вдвоем в Италию, на родину, в деревню. Сразимся в шары под окнами кабачка, как играли отцы наши и деды.

Умирающий качнул головой. Он подал знак, чтобы все отошли от постели, и крепко вцепился в рукав донна костистой клешней. Он силился что-то сказать. Дон Корлеоне, опустив голову, придвинул стул и сел рядом. Дженко Аббандандо лопотал что-то бессвязное об их детстве... Вдруг черные, точно угли, глаза его воровато блеснули. Он перешел на шепот. Дон придвинулся еще ближе. Он покачал головой, и те, кто стоял в палате, остолбенели: по лицу донна Корлеоне текли слезы. Прерывистый шепот стал громче, заполнил собою палату. В мучительном, нечеловеческом усилии Аббандандо ухитрился оторвать голову от подушки и, блуждая невидящим взглядом, наставил на донна костлявый палец.

— Крестный, — смятенно позвал он. — Крестный отец, помоги тебе, спаси меня от смерти. Мои кости были одеты плотью — теперь она сгорает, я слышу, как черви точат мой мозг. Исцели меня, Крестный отец, ты все можешь, осуши слезы моей несчастной жены. В Корлеоне мы с тобой играли детьми, так неужели ты дашь мне

умереть в этот час, когда я страшусь, что мне уготован ад за мои прегрешения?

Дон молчал; Аббандандо прибавил:

— Сегодня день свадьбы твоей дочери, ты не можешь мне отказать.

Дон заговорил, размеренно, веско, чтобы каждое слово дошло до цели сквозь кощунственный и бредовый туман.

— Мой старый друг, — сказал он, — это не в моей власти. Будь я всемогущ — поверь, я явил бы больше милосердия, чем Господь. Но ты не бойся смерти — не бойся, что попадешь в ад. Каждое утро и каждый вечер в церкви будут служить молебны за упокой твоей души. За тебя будут молиться жена и дети. Как решится Бог покарать тебя, когда к нему со всех сторон будут лететь мольбы о прощении?

Вороватое выражение на костистом лице проступило ясней, губы умирающего тронула циничная усмешка.

— А, так вы с ним договорились?

Ответ прозвучал жестко, холодно.

— Ты богохульствуешь. Смирись.

Аббандандо откинулся на подушки. Лихорадочный блеск надежды в его глазах померк. В палату вошла сестра и буднично, привычно принялась выставлять посетителей за дверь. Дон поднялся, но Аббандандо протянул к нему руку.

— Остайся, Крестный отец, — сказал он. — Побудь со мной, помоги мне встретить смерть. Вдруг старушка увидит, что подле меня сидишь ты, струхнет, да и отвяжется. А не то замолвишь за меня словцо, нажмешь на пужные пружины. А? — Умирающий подмигнул, теперь он определенно валял дурака, подшучивая над доном. — Как-никак вы с ней в кровном родстве. — И, как бы испугавшись, что дон может обидеться, схватил его за руку. — Остайся, дай мне руку. Мы оставим с носом старую блудню, как столько раз оставляли других. Крестный, не отступайся от меня.

Дон подал знак, чтобы их оставили вдвоем. Все вышли. Дон Корлеоне взял в свои широкие ладони иссохшую руку Дженько Аббандандо. Ласково, твердо он говорил старому другу слова утешения, дожидаясь пришествия смерти. Как будто он и впрямь был властен вырвать жизнь Дженько Аббандандо из лап этого

самого коварного и подлого из всех врагов человеческих.

Для Конни Корлеоне день свадьбы завершился благополучно. Карло Рицци выполнил свои супружеские обязанности исправно и со знанием дела, чему немало способствовал интерес к содержимому женина кошелька с подношениями стоимостью свыше двадцати тысяч долларов. Между тем молодая проявила куда больше готовности расстаться с девичеством, нежели с сумкой. Ради обладания этой последней новобрачному пришлось поставить Конни синяк под глазом.

Люси Манчини вернулась домой и ждала, когда ей позвонит Сонни — конечно же, он поспешит назначить ей свидание. Наконец она позвонила сама, ответил женский голос, она повесила трубку. Откуда ей было знать, что в те роковые полчаса, когда они с Сонни уединились, о них уже судили и рядили и уже распознаны слушок, что Сонни сыскал себе новую жертву. «Употребил» подружку родной сестры.

Кей Адамс отвозили в гостиницу Клеменца и Поли Гатто. Пока они катили в Нью-Йорк, Кей непринужденно болтала то с тем, то с другим и диву давалась, как уважительно, с какой неподдельной приязнью они отзываются о Майкле. Зачем же ему понадобилось вселять в нее убеждение, будто он посторонний, чужак в мире своего отца? А вот Клеменца уверяет ее своим одышливым горловым тенорком, будто «сам» считает Майкла самым удачным из своих сыновей и определенно рассчитывает, что после него не кто иной, как Майкл, возглавит дело семьи Корлеоне.

— И что же это за дело? — с невинным видом спросила Кей.

Поли Гатто бросил быстрый взгляд в ее сторону и резко крутанул баранку. Клеменца отозвался с заднего сиденья — тоже вполне невинно:

— Как, разве Майкл вам не говорил? Мистер Корлеоне — самый крупный в Америке поставщик оливкового масла из Италии. Теперь война позади, дела пойдут, только держись. Башковитый парень вроде Майкла очень пригодится.

Когда подъехали к гостинице, Клеменца пожелал непременно проводить ее до столика портье. Она попро-

бовала воспротивиться, и он, с подкупающей простотой, объяснил:

— Хозяин велел довести вас до самых дверей в целости и сохранности. Я обязан.

Она получила ключ от номера; Клеменца довел ее до лифта, подождал, пока она сядет. Она с улыбкой помахала ему на прощанье и приятно удивилась, когда он ответил ей искренней улыбкой. Хорошо, что она не видела, как он опять подошел к портье и спросил:

— Под каким именем она у вас записана?

Портье смерил Клеменцу холодным взглядом. Клеменца щелчком отправил на ту сторону стола зеленый бумажный шарик, который катал в ладонях, — и портье, ловко поймав его, мгновенно ответил:

— Мистер Майкл Корлеоне с супругой.

В машине Поли Гатто сказал:

— Ничего девочка.

Клеменца проворчал:

— Ты утречком заезжай за мной пораньше. У Хейгена к нам поручение, надо братья безотлагательно.

Вышло так, что лишь в воскресенье поздно вечером Том Хейген наконец простился с женой и поехал в аэропорт к самолету.

За плечами был трудный день, но он принес Тому Хейгену удачу. В три часа утра умер Дженко Аббандандо, и дон Корлеоне, возвратясь из больницы, сообщил, что официально назначает Хейгена своим новым советником, *consigliori*. Это значило, помимо всего прочего, что отныне Хейген богат, — о том, как он отныне могуществен, говорить не приходилось.

Дон нарушил давний и уважаемый обычай. Испокон веку повелось, что только чистокровный сицилиец мог стать *consigliori*, и то обстоятельство, что Хейген вырос и воспитывался в семье дона, ничего тут не меняло. Тут кровь решала дело. Лишь коренному сицилийцу, с молоком матери всосавшему требования *omerta*, закона о молчании, а по сути, круговой поруки, можно быловерить должность советника, ключевую позицию в империи любого дона.

Во главе семейного клана Корлеоне стоял дон, он направлял всю деятельность семейства. Три прослойки, три буфера отделяли дона от тех, кто осуществлял его

волю, непосредственно исполнял его приказания. Таким образом, ни один след не мог привести на вершину. При единственном условии. Если не предаст *consigliori*. В то воскресенье дон Корлеоне отдал с утра подробные распоряжения, как поступить с двумя юнцами, которые покалечили дочь Америкго Бонасеры. Но отдавал он эти распоряжения Тому Хейгену, с глазу на глаз. Днем Хейген — тоже наедине, без свидетелей, — передал эти наставления Клеменце. Клеменца в свою очередь велел Поли Гатто привести приказ в исполнение. Поли Гатто оставалось подобрать нужных людей и в точности выполнить то, что ему велели. Ни Поли Гатто, ни его люди не будут знать, чем вызвано это поручение, от кого оно первоначально исходит. Чтобы установить, что к нему причастен дон, ненадежным должно оказаться каждое звено в этой цепочке — такого никогда еще не случилось, но где гарантия, что такое не случится? Впрочем, и на этот случай средство было предусмотрено. Одно звено, ключевое, должно исчезнуть.

Бывали дела, в которых советнику приходилось выступать от имени дона более открыто и все же следить, чтобы он оставался в тени. Как раз по такому делу Хейген летел сейчас в Калифорнию. Он сознавал, что от того, как он справится с этим поручением; в большой мере зависит его дальнейшая судьба в должности *consigliori*. С деловой точки зрения вопрос о том, получит ли Джонни Фонтейн заветную роль в новом фильме или не получит, — сущая мелочь. Куда важнее, скажем, такой вопрос, как встреча с Виргилием Солоццо, которую Хейген назначил на эту пятницу. Но Хейген знал, что в глазах дона оба вопроса равноценны, а для хорошего *consigliori* этим сказано все.

Мелко дрожал корпус самолета — эта дрожь передавалась Хейгену, уже и без того взбудораженному, и, чтобы успокоить нервы, он спросил у стюардессы мартини. Перед отъездом он получил у дона и Джонни исчерпывающие сведения о том, что представляет собой кинопродюсер Джек Вольц. По всему, сказанному Джонни, Хейген понял, что убедить Джека Вольца ему не удастся ни в коем случае. А между тем дон выполнит то, что обещал Джонни, — в этом Хейген не сомневался ни секунды. Значит, его задача — установить связь с Вольцем и начать переговоры.

Хейген откинул спинку кресла и попробовал сосредоточиться. Итак, что он узнал про Джека Вольца? Этот человек входит в число трех крупнейших кинопродюсеров Голливуда, у него своя студия, с ним связаны контрактами десятки ведущих киноактеров. Он член Консультативного совета по военной информации при президенте Соединенных Штатов, возглавляет отдел кинематографии, то есть, проще говоря, печет картины, прославляющие войну. Бывал зван на обеды в Белом доме. Принимал у себя в Голливуде Эдгара Гувера. Звучит внушительно, да так ли это на поверку? Лишь официальные отношения, не более того. Личного влияния в политических кругах у Вольца никакого, главным образом потому, что он исповедует крайне реакционные убеждения, а отчасти потому, что одержим манией величия, обожает распоряжаться своей властью, как ему заблагорассудится, не считаясь с тем, что наживает себе при этом полчища врагов.

Хейген вздохнул. Нет, пробовать столкнуться с Джеком Вольцем — гиблое дело. Он открыл портфель; сейчас бы самое время заняться неизбежной писаниной, но он слишком устал. Он спросил себе еще один мартини и задумался о себе, о своей жизни. Он ни о чем не жалел, — напротив, ему чертовски повезло: неважно, какие причины заставили его десять лет назад избрать для себя этот путь. Важно, что для него это оказался верный путь. Он добился успеха, он счастлив в разумных для взрослого человека пределах, ему интересно живется.

Том Хейген в тридцать пять лет был высок ростом, сухопар, коротко острижен — словом, ничем с виду не примечателен. Он был юрист по образованию и, получив диплом, три года работал по специальности, но теперь содержание его работы было меньше всего связано с ввозом оливкового масла — легальным бизнесом семейства Корлеоне...

А в одиннадцать лет у Тома завелся дружок, его ровесник, — Сонни Корлеоне. Мать Хейгена лишилась зрения, а когда сыну пошел одиннадцатый год, умерла. Отец, и всегда-то любитель выпить, после этого спился вконец. Он был плотник, работающий человек, за всю жизнь не совершил нечестного поступка. Но своим пьянством он сгубил семью, а вскоре после этого и самого себя. Том Хейген остался сиротой, шлялся по улицам и

спал в подворотнях. Его младшую сестренку отдали на воспитание в чужие руки — ну а неблагодарными одиннадцатилетними беспризорниками, которые удирают от дам-благотворительниц, американское общество в 1920 году не занималось. К тому же у Хейгена стали гноиться глаза. Соседи перешептывались — небось, мальчишка подцепил болезнь у матери, а раз так, и от него можно заразиться. Люди его сторонились. Сонни Корлеоне от всего своего одиннадцатилетнего, еще не огрубевшего сердца пожалел друга, привел его к себе и властно потребовал, чтобы его приняли в дом. Тома Хейгена накормили горячими спагетти с густой, маслянистой томатной подливкой — ее вкус запомнился ему на всю жизнь — уложили спать на раскладушке.

Без расспросов, без дальних слов, как нельзя более естественно дон Корлеоне позволил беспризорнику остаться у него в семье. Он самолично сводил мальчика к врачу, и Тому Хейгену вылечили глаза. Он послал Тома в колледж, а после — на юридическое отделение университета. При этом он выступал по отношению к приемышу скорее в роли опекуна, а не отца. Он никогда не проявлял к нему нежных чувств — однако, как ни странно, считался с Хейгеном больше, чем с родными сыновьями, и ни в чем не навязывал ему своей воли. Так, по юридической части Хейген пошел после колледжа по собственному выбору. Он слышал раз, как дон Корлеоне говорил:

— Один законник с портфелем в руках награбит больше, чем сто невежд — с автоматами.

Между тем Сонни и Фредди по окончании средней школы, к великому неудовольствию дон Корлеоне, выбрали твердое желание пойти по родительским стопам. Только Майкл поступил в университет, но на другой же день после объявления войны с Японией ушел добровольцем в морскую пехоту.

Получив адвокатский диплом, Хейген женился на молоденькой итальянке, чьи родители обосновались в штате Нью-Джерси, и зажил своим домом. Его жена тоже окончила университет, что по тем временам было редкостью для девушки из ее среды. После свадьбы — а свадьбу, понятно, справляли у дон Корлеоне — дон выразил готовность поддерживать Хейгена в любом начинании, какое бы тот теперь ни предпринял: обставить его

адвокатскую контору и направлять к нему клиентов, а нет — основать для него собственное дело по продаже недвижимого имущества. Хейген в ответ почтительно склонил голову.

— Я хотел бы работать у вас.

Дон удивился, но было видно, что он доволен.

— Ты знаешь, какие я веду дела?

Хейген утвердительно кивнул. Нет, он в ту пору еще не знал по-настоящему, как велико могущество дона. По-настоящему он этого не знал еще целых десять лет, покуда не принял на себя обязанности *consiglieri*, когда заболел Дженко Аббандандо. И все же он утвердительно кивнул тогда и твердо встретил взгляд дона Корлеоне.

— Я хотел бы у вас работать так же, как работают ваши сыновья, — сказал Хейген.

Иначе говоря — с безоговорочной преданностью, безоговорочным признанием верховной родительской власти дона. И дон, впервые с того дня, как Хейген переступил порог его дома, выказал своему приемышу отцовскую ласку — недаром о его умении понять человека рассказывали чудеса. Он быстро притянул Хейгена к себе, обнял и после этого обращался с ним почти как с родным сыном, хоть изредка и напоминал ему — или себе, как знать:

— Том, никогда не забывай своих родителей.

Да разве Хейген мог забыть?.. Из года в год его преследовал ночами один и тот же страшный сон — что он ослеп, как его мать, и вырос, и бродит слепцом с протянутой рукой, выстукивая дорогу палкой, а следом плетутся его слепенькие дети и просят милостыню, дробно стуча по тротуарам своими короткими палками. Он вскакивал, и в этот первый миг полуяви-полусна лицо дона Корлеоне всплывало перед ним — и на душе у него становилось спокойно...

Дон потребовал, чтобы первые три года он занимался не только делами семьи Корлеоне, но и обычной частной практикой. Впоследствии опыт, приобретенный таким образом, оказался поистине бесценен, а кроме того, за это время у Хейгена исчезли последние сомнения, стоит ли ему работать у дона Корлеоне. Потом он еще два года проходил выучку, служа в известнейшей фирме адвокатов-криминалистов, где у дона имелись кой-какие связи.

Занимаясь уголовным правом, он обнаружил незаурядные способности. Это признали все, и, когда он окончательно перешел на службу к дону Корлеоне, тот после, за все шесть лет, ни разу не нашел причины к нему придраться.

С тех пор как на Хейгена были возложены обязанности *consiglieri*, другие крупные сицилийские кланы стали отзыватьсь о семействе Корлеоне пренебрежительно: «Ирландская шатия». Хейгена это позабавило. Однако это же означало, что для него нет надежды со временем сменить дона и возглавить семейный концерн. Впрочем, какая разница? Он никогда и не ставил себе такой цели, это было бы с его стороны «неуважением» к благодетелю и его кровной родне.

Когда самолет сел в Лос-Анджелесе, было еще темно. В гостинице Хейген взял свой ключ, принял душ, побрился, постоял у окна, глядя, как над городом занимается заря. Он заказал себе в номер завтрак и свежие газеты и, в ожидании встречи с Джеком Вольцем, назначенной на десять утра, передохнул. Добиться этой встречи оказалось неожиданно легко.

Накануне Хейген звонил по телефону всеильному Билли Гоффу из профсоюза работников кино. Помня о наставлениях дона Корлеоне, он просил Гоффа устроить ему на завтра свидание с Джеком Вольцем и намекнуть при этом Вольцу, что, если Хейген останется недоволен исходом беседы, на киностудии возможна забастовка. Гофф позвонил через час. Встреча состоится в десять утра. Намек насчет забастовки Вольц понял, но это на него как будто не произвело впечатления.

— В случае, если дойдет до дела, мне надо будет переговорить с доном лично, — прибавил Гофф.

— Если дойдет до дела, он с вами сам переговорит, — сказал Хейген.

В том, что Гофф столь охотно идет навстречу желаниям дона, он не видел ничего удивительного. Строго говоря, вотчиной Корлеоне считался Нью-Йорк, но ведь недаром дон Корлеоне обрел силу в те дни, когда стал оказывать помощь профсоюзным лидерам. Многие из них были у него в долгу до сих пор.

А вот, что встреча назначена на десять утра, — это был дурной признак. Значит, он стоит первым в списке посетителей и не будет приглашен на ланч. Значит,

Вольц счел его мелкой сошкой. Стало быть, Гофф не пригрозил ему как следует, — наверное, сам получает от Вольца взятки. Все же, думал Хейген, порой делам семейства Корлеоне идет в ущерб привычка дона держать-ся в тени — посторонним мало что говорит его имя.

Догадки Хейгена подтвердились. Вольц добрых полчаса держал его в приемной. Что ж, не беда. В приемной было очень шикарно, очень удобно, а напротив Хейгена на лиловом диванчике сидела девочка такой красоты, каких он не видел в жизни. Лет, должно быть, двенадцати, не больше, одетая как взрослая, скромно, хотя и дорого. У девочки были немыслимо золотистые волосы, глубокие и густо-синие, как море, громадные глаза, свежий, алый, как малина, ротик. Рядом сидела женщина, наверное ее мать, которая пыталась заставить Хейгена отвести глаза, всякий раз обдавая его таким ледяным высокомерием, что он бы с удовольствием размахнулся и влепил ей пощечину... Ангелочек-девочка под присмотром дракона-маменьки, подумал Хейген, перехватив холодный, немигающий взгляд.

Наконец вышла полная, очень элегантная дама средних лет и повела его сквозь анфиладу комнат в кабинет продюсера. Вокруг все ласкало глаз — и обстановка, и внешний вид людей, сидящих за работой. Хейген усмехнулся. Все это ловкачи, которые мечтают пролезть в кино и для того пошли сюда на службу, а кончится тем, что большинство из них застрянет тут на всю жизнь — ну а кое-кто, поняв, что потерпел неудачу, вернется в свое родное захолустье.

Джек Вольц был рослый мужчина мощного сложения с тяжелым животом, почти незаметным под безупречного покроя костюмом. Хейген знал его историю. Десятилетним мальчишкой он откатывал в Ист-Сайде порожние пивные бочки, торговал на улицах с лотка. В двадцать лет помогал отцу выжимать все соки из работниц швейной мастерской. В тридцать уехал из Нью-Йорка на Запад, открыл дешевый кинотеатр и начал финансировать фильмы. В сорок восемь лет он стал первым среди королей Голливуда, неотесанный, как и в молодости, ненасытно женолюбивый — лютый волк в незащитном стаде юных кинозвездочек, отданных ему на расправу. К пятидесяти годам он сделал из себя другого человека. Стал брать уроки правильной речи, научился у своего ка-

мердинера-англичанина, как надо одеваться, у своего дворецкого, тоже англичанина, — как держаться в обществе. Овдовев, он женился на актрисе с мировым именем, красивой женщине, которая не любила свою работу. Сейчас ему перевалило за шестьдесят, он был членом президентского Консультативного совета и основал многомиллионный именной фонд содействия развитию киноискусства. Его дочь вышла замуж за английского лорда, сын взял в жены итальянскую принцессу.

Его последней страстью, как о том угодливо растрезвонили на всю Америку репортеры, был собственный конный завод, на который он за один только прошлый год истратил десять миллионов долларов. Он произвел сенсацию, когда за неслыханные деньги — шестьсот тысяч долларов — купил знаменитого английского жеребца по кличке Хартум и объявил, что непревзойденный рысак больше не выйдет на беговую дорожку, а будет оставлен на племя исключительно для его копошен.

Хейгена он встретил учтиво, сведя свое гладко выбритое, покрытое замечательным ровным загаром лицо в гримасу, изображающую улыбку. Несмотря на все затраты, на все усилия лучших косметологов, годы давали себя знать: это лицо как будто сшили из отдельных лоскутков дубленой кожи. Однако движения его были полны живости — от него, как и от дона Корлеоне, исходило ощущение, что он самовластно повелевает миром, в котором живет.

Хейген начал сразу с сути дела. Он явился по поручению своего клиента, друга Джонни Фонтейна. Это весьма влиятельный человек, и, оказав ему небольшую лоббезность, мистер Вольц может смело рассчитывать на его благодарность и неизменное расположение. А небольшая лоббезность заключается в том, чтобы пригласить Джонни Фонтейна сниматься в новой военной картине, которую студия намечает запустить в производство на будущей неделе.

Дубленое лицо оставалось бесстрастным, учтивым.

— Какие же услуги берется мне оказать ваш друг? — спросил Вольц. В его голосе прозвучала едва заметная нотка снисходительности.

Хейген пропустил эту нотку мимо ушей. Он объяснял:

— У вас назревают неприятности по линии профсоюзов. Мой клиент дает вам полную гарантию, что избавит вас от этих неприятностей. Далее. У вас есть один актер-суперзвезда, ваша студия зарабатывает на нем большие деньги, а между тем он наркоман и только что перешел с марихуаны на героин. Мой друг может поручиться, что героина этот актер больше не достанет. А в будущем, при каких бы то ни было затруднениях, вам достаточно будет позвонить мне, и все уладится.

Джек Вольц слушал, как слушают хвастливую детскую болтовню. Потом спросил в упор, нарочито переходя на стиль разговора, принятый в Ист-Сайде:

— Что, прижать меня надумали?

Хейген невозмутимо сказал:

— Все нет. Я пришел просить о дружеском одолжении. И хотел показать, что вы при этом ничего не теряете.

Во мгновение ока, словно по команде, лицо Вольца преобразилось в злобную маску. Рот скривился, крашенные густые брови широкой черной полосой сошлись над сверкнувшими глазами. Он перегнулся к Хейгену через стол.

— Вот что, прохвост обтекаемый, можете передать своему боссу — не знаю, как там его, — коротко и ясно. Джонни Фонтейну в этой картине не сниматься никогда. Пускай хоть каждый день ломятся в дверь бандиты из мафии, плевать я хотел. — Он откинулся назад. — А вам, приятель, один небольшой совет. Есть такой Джон Эдгар Гувер — слышали, наверное? — Вольц презрительно усмехнулся. — Это мой близкий друг. Стало мне довести до его сведения, что на меня пытаются оказать нажим, и вам, голубчикам, костей не собрать.

Хейген терпеливо слушал. От такой фигуры, как Вольц, он ожидал большего. Неужели человек, который так глупо себя ведет, смог возглавить компанию, ворочающую сотнями миллионов? Тут есть над чем поразмыслить — тем более что дон подыскивает себе что-нибудь новое для помещения капитала, и, если в кино заправляют подобные дубы, может быть, это как раз то, что нужно. Рутань не трогала Хейгена совершенно. Искусству вести переговоры он обучался у самого дона. Никогда не сердись, внушал ему дон. Никогда не угрожай, заставь человека здраво рассуждать. Насколько лучше звучало

это «рассуждать» по-сицилийски: «таjunah», разбираться. Главное искусство состояло в том, чтобы не замечать ни оскорблений, ни угроз, подставлять левую щеку, когда тебя ударят по правой. Хейгену довелось быть свидетелем того, как дон восемь часов просидел, глотая оскорбления, в усилии урезонить оголтелого гангстера с манией величия, поднявшего вокруг себя много шума. Восемь часов — а потом дон Корлеоне беспомощно вскинул вверх ладони и, обращаясь к тем, кто сидел за столом, сказал:

— Да нет, этот человек не понимает, когда с ним хотя бы спокойно разобраться. — И размеренной поступью вышел из комнаты.

Гангстер побелел от страха. За доном побежали вдогонку, вернули его. Переговоры увенчались соглашением, но через два месяца гангстера застрелили в его любимой парикмахерской.

И Хейген начал снова — самым обычным, ровным голосом.

— Взгляните, вот моя визитная карточка, — сказал он. — Я адвокат. Разве я стану навлекать на себя беду? Разве я вам угрожал хоть словом? Я просто говорю, что готов принять любые ваши условия, чтобы Джонни Фонтейн снимался в этой картине. Я, кажется, уже и так порядочно предложил вам за столь незначительное одолжение. Одолжение, которое, насколько я понимаю, к тому же отвечает и вашим интересам. По словам Джонни, вы сами признаете, что он, как никто другой, подходит для этой роли. Замечу, что иначе мы к вам никогда бы и не обратились. Мало того, если вас беспокоит денежная сторона вопроса, то мой друг берет на себя финансировать постановку фильма. Только, пожалуйста, не поймите меня превратно. Нет так нет. Заставить вас никто не может и не пытается. Позволю себе прибавить, что мой босс знает о вашей дружбе с мистером Гувером и относится к ней с уважением. С большим уважением.

Вольц черкал по бумаге красной ручкой, вделанной в большое гусиное перо. Услышав про деньги, он оторвался от бумаги и проявил первые признаки интереса.

— По смете эта картина обойдется в пять миллионов, — высокомерно сказал он.

Хейген присвистнул, показывая, что цифра произвела на него впечатление. Потом сказал, очень небрежно:

— У моего босса много друзей, готовых поддержать его в любом начинании.

Только теперь, кажется, Вольц стал принимать его всерьез. Он пробежал глазами визитную карточку Хейгена.

— Что-то я не слыхал о вас, — сказал он. — Большинство крупных адвокатов в Нью-Йорке мне знакомы — вы-то откуда взялись?

— Я представляю одну солидную фирму, — сухо сказал Хейген. — Веду лишь ее дела, никаких прочих. — Он встал. — Ну, не буду больше отнимать у вас время.

Он протянул руку. Вольц пожал ее. Хейген сделал несколько шагов к двери и оглянулся.

— Я полагаю, вам часто приходится иметь дело с незначительными людьми, которые норовят выдать себя за важную персону. В моем случае дело обстоит как раз наоборот. Отчего бы вам не справиться обо мне подробнее у нашего общего знакомого? Если у вас появятся новые соображения, позвоните мне в гостиницу. — Он помолчал. — Возможно, вам это покажется невероятным, но моему клиенту доступно такое, перед чем может спастись даже мистер Гувер. — Он увидел, как сощурились глаза продюсера. До Вольца наконец-то дошло. — Между прочим, я горячий поклонник ваших картин, — прибавил Хейген самым умильным тоном. — Надеюсь, ничто не помешает вам и дальше творить благое дело. Родина скажет вам спасибо.

Ближе к вечеру Хейгену позвонила секретарша продюсера и сказала, что примерно через час за ним заедет машина и отвезет его к Вольцу за город, обедать. Ехать часа три, но в машине есть холодильник с напитками и легкой закуской. Хейген знал, что Вольц летает домой на собственном самолете. Отчего же его не приглашают лететь? Любезный голосок секретарши продолжал:

— Мистер Вольц предлагает, чтобы вы захватили с собою вещи, и утром вас доставят в аэропорт.

— Хорошо, — сказал Хейген.

Тоже странно. Откуда Вольцу известно, что утром ему лететь в Нью-Йорк? Он на мгновение задумался. Скорее всего Вольц приставил к нему частного сыщика. Но тогда Вольц знает, что Хейген действует от лица донна, а следовательно, имеет о доне некоторое представление и теперь будет настроен подойти к делу серьезно.

Глядишь, еще что-нибудь и выгорит, подумал Хейген. Может статься, у Вольца голова работает лучше, чем ему показалось сегодня утром. Поместье Джека Вольца напминало прекрасные, как в сказке, декорации роскошного киновоевика. Дом — словно дворец рабовладельца-плантатора, огромный парк, за ним — дорожка для верховой езды, проложенная по жирному чернозему, конюшня, выгон, рассчитанный на целый табун лошадей. Живые изгороди, клумбы, газоны были подстрижены и ухожены, как шевелюра модной кинозвезды.

Вольц встретил Хейгена на застекленной веранде с кондиционером. Продюсер был одет по-домашнему, в синюю шелковую рубашку с отложным воротничком, горчичного цвета брюки, кожаные мягкие сандалии. Сочные цвета и богатая ткань резко оттеняли дубленое грубое лицо. Он взял с подноса два высоких стакана мартини, один подал Хейгену. Держался Вольц заметно приветливей, чем утром. Он обнял Хейгена за плечи.

— До обеда есть еще немного времени, — сказал он. — Пойдемте поглядим на моих лошадок.

— Я наводил о вас справки, Том, — зря вы сразу не сказали, что ваш хозяин Корлеоне. Я думал — так, пройдоха средней руки, нанятый Джонни, прискакал взять меня нахрапом. А меня нахрапом не возьмешь. И не потому, что я стремлюсь наживать себе врагов, — это не в моих правилах. А впрочем, не будем сейчас портить себе удовольствие. О делах можно потолковать после обеда.

Как ни странно, Вольц оказался радушным хозяином. Он подробно рассказывал о нововведениях, с помощью которых рассчитывал затмить все конные заводы Америки. Конюшня была целиком построена из огнеупорных материалов, содержалась в идеальной чистоте и под охраной специальной группы частных детективов. Напоследок Вольц подвел его к стойлу, на котором красовалась тяжелая бронзовая доска с надписью: «Хартум».

Даже Хейген своим неискушенным глазом без труда определил, что жеребец, занимающий стойло, великолепен. Вороной масти, весь черный, как смоль, лишь на широком лбу — белая звездочка. Карие длинные глаза Хартума мерцали, точно золотистые яблоки, смоляной тугой круп лоснился, как атлас. Вольц с мальчишеской гордостью сказал:

— Лучший скакун в мире. Куплен в Англии в прошлом году за шестьсот кусков. Ручаюсь, что даже русские цари столько не отдавали за одного коня. Но на скачки я его не пущу, он у меня останется на племя. Буду выводить таких рысаков, каких еще не видывали в Америке. — Он потрепал коня по холке, тихонько приговаривая: — Хартумчик, Хартум.

В его голосе слышалась неподдельная нежность, и жеребец, кажется, почувал ее тоже. Вольц сказал:

— Знаете, я ведь отлично езжу верхом, а первый раз сел в седло, когда мне было пятьдесят. — Он рассмеялся. — Возможно, с моей бабкой в России побаловался какой-нибудь казак и во мне есть казацкая кровь. — Он пощекотал Хартуму брюхо и прибавил завистливо и восхищенно: — Вы взгляните, каким его оснащением природа наградила. Мне бы такое хозяйство...

Они вернулись в дом. За столом прислуживали три лакея под присмотром дворецкого, скатерть была расшита золотом, подавали на серебре, но сам обед показался Хейгену так себе. Вольц, очевидно, жил один и к еде относился равнодушно. Хейген ждал и не заговаривал о деле и, лишь когда они с Вольцем закурили толстые гавайские сигары, спросил:

— Так как же, даете вы Джонни роль?

— Не могу, — сказал Вольц. — даже при всем желании было бы невозможно занять Джонни в этой картине. Договора со всеми участниками подписаны, и с той недели начинаются съемки. Что-то сейчас перекраивать уже не в моей власти.

Хейген нетерпеливо сказал:

— Мистер Вольц, когда имеешь дело с человеком, который не обязан никому подчиняться, есть одно большое преимущество — с такого рода соображениями можно не считаться. В вашей власти сделать все, что вы пожелаете. — Он попытался сигарой. — Вы не верите, что моему клиенту по силам выполнить свои обещания?

Вольц сухо сказал:

— Я допускаю, что меня ждут неприятности с профсоюзом. Гофф мне насчет этого звонил — да как разговаривал, мерзавец, никогда не подумаешь, что ежегодно огребает у меня сотню тысяч в запечатанном конверте. Допускаю также, что вам удалось бы отвести от героя моего актера, этого педрилу на ролях настоящего

мужчины. Но все это меня мало волнует, а финансировать свои картины я могу сам. Дело в том, что я ненавижу этого поганца Фонтейна. Передайте вашему хозяину — это единственная любезность, в которой я ему вынужден отказать, другую сделаю с удовольствием. Любую другую — пусть только скажет.

Тогда за каким же ты чертом, подлец, меня тащишь сюда в такую даль, подумал Хейген. Видно, продюсер держал на уме что-то еще. Хейген холодно сказал:

— Боюсь, вы неверно представляете себе положение вещей. Мистер Корлеоне доводится Джонни Фонтейну крестным отцом. Их связывают очень близкие, освященные церковью отношения. — При эти словах Вольц вежливо склонил голову. Хейген продолжал: — У итальянцев есть шутка — жизнь слишком сурова, без второго отца не обойтись, на этот случай у них и существуют крестные отцы. А поскольку у Джонни отец скончался, мистер Корлеоне особенно глубоко сознает свою ответственность. Что же касается того, чтобы обратиться к вам за какой-то услугой, — этого не будет, Мистер Корлеоне слишком щепетилен, он никогда не попросит об одолжении того, кто однажды отказал.

Вольц пожал плечами.

— Жаль, Я все-таки вынужден ответить отказом. Но раз уж вы здесь — во сколько мне обойдется уладить трения по части профсоюза? Плачу наличными. Прямо сейчас.

Кое-что начинало проясняться. Хейген мог уже не ломать себе голову, зачем Вольцу понадобилось так долго с ним возиться, если он все равно решил не давать Джонни роль. И ничего эта встреча изменить не могла. Вольц чувствовал себя в безопасности, власть дона Корлеоне была ему не страшна. В самом деле, что Вольцу бояться дона Корлеоне? С такими связями в высших политических кругах — таким козырем, как знакомство с шефом ФБР, с неограниченными средствами и неограниченной властью в кинопромышленности... Любой здравомыслящий человек и Хейген в том числе — считал бы, что Вольц правильно оценивает свое положение. Если продюсер согласен нести потери, которые повлечет за собой забастовка, дону к нему подобраться неоткуда. И лишь одно уязвимое место было во всех этих расчетах. Дон Корлеоне обещал своему крестнику, что тот полу-

чит роль, а Хейген не помнил, чтобы дон Корлеоне в подобном случае хоть раз не сдержал обещания.

Хейген спокойно сказал:

— Вы умышленно искажаете смысл моих слов. Вам непременно хочется сделать из меня соучастника вымогательства. Мистер Корлеоне обещает вступить за вас в конфликте с профсоюзом исключительно по дружбе — из признательности, что вы вступились за его подопечного. Вы пускаете в ход свое влияние, он — свое, дружеский обмен любезностями, ничего больше. Однако вы, я вижу, не настроены подойти к делу серьезно. Я лично считаю, что вы совершаете ошибку. Вольц словно ждал подходящей минуты, чтобы взорваться.

— Я прекрасно все понял, — сказал он. — Узнаю почерк мафии. Все гладко да сладко, а в сущности — угрозы. Будем говорить начистоту. Никогда Джонни Фонтейну не видать этой роли, хотя он прямо-таки рожден для нее. Ему достаточно сыграть эту роль, чтобы попасть в число великих звезд экрана. Только ему никогда ее не сыграть, потому что я ненавижу этого лакостника, этого подпевалу смутьянов, — и намерен выпшвырнуть его из кино. И вот почему. Он загубил одну из самых многообещающих моих протеев. Пять лет я школил девочку — уроки пения, уроки танцев, уроки актерского мастерства, истратил сотни тысяч долларов. Мечтал сделать из нее звезду. Буду еще откровенней, чтобы показать вам, что я не бездушный человек, — не все тут сводилось к долларам и центам. Девочка была красива, и притом лучшей в постели я не пробовал — а уж я их перепробовал по всему свету. Но вот является Джонни со своим приторным тенорком и опереточными итальянскими чарами, и девочку поминай как звали. Все променяла на него, а меня сделала посмешищем. В моем положении, мистер Хейген, непозволительно выплядывать смешным. Я должен рассчитаться с Фонтейном. Вот теперь Хейген был действительно поражен. Чтобы зрелый человек, состоятельный, солидный, мог принимать во внимание такую чепуху, когда решается дело — и столь нешуточное дело? Непостижимо! В мире Хейгена — мире Корлеоне — красота и интимные достоинства женщин не имели никакого отношения к деловым вопросам. Считалось, что это твое частное, личное, — кроме, конечно,

тех случаев, когда речь шла о браке или семейной чести. Хейген решил сделать последнюю попытку.

— Вы совершенно правы, мистер Вольц, — сказал он. — Но настолько ли существенны ваши претензии? По-моему, вы не отдаете себе отчета, какое важное значение имеет для моего клиента эта, в сущности, пустяковая услуга. Мистер Корлеоне держал Джонни на руках еще грудного, на крестинах. Когда у Джонни умер отец, родительские обязанности взял на себя мистер Корлеоне — и учтите, его называют Крестным отцом многие, очень многие, кто желает выразить ему свое уважение и благодарность за его доброту. Мистер Корлеоне никогда не оставляет своих друзей в беде.

Вольц резким движением поднялся во стула.

— Ну, довольно, поговорили. Не хватало еще, чтобы мне всякая шпана диктовала свои условия. Это я ей диктую условия. Стоит мне поднять трубку — и вы, любезный, будете ночевать за решеткой. И если этот ваш громила вздумает прибегнуть к сильным средствам, он быстро убедится, что я ему не эстражник. Да-да, слышали мы и эту историю. Поймите, от вашего мистера Корлеоне мокрого места не останется. Даже если мне придется для этого пустить в ход мои связи в Белом доме.

Болван, ох, что за болван! И как это он ухитрился стать *pezzonovante*, думал Хейген. Советник президента, хозяин крупнейшей в мире киностудии. Определенно, дону есть смысл вложить деньги в кинобизнес. Причем этот субъект понимает все слова буквально. Не видит, что за ними стоит...

— Благодарю вас за угощение, за приятный вечер, — сказал Хейген. — Вы не могли бы помочь мне добраться в аэропорт? Пожалуй, я не останусь ночевать. — Он взглянул на Вольца с холодной улыбкой. — Мистер Корлеоне предпочитает узнавать дурные новости сразу.

Когда Хейген, дожидаясь машины, стоял у освещенной прожекторами колоннады, он увидел, как в длинный лимузин у подъезда садятся две женщины. Те самые, которых он видел утром в приемной Вольца: мать и двенадцатилетняя дочка, маленькая красotka с золотистыми кудрями. Только теперь прелестно очерченный ротик девочки вспух, расплылся бесформенным красным месивом. Густо-синие глаза заволокло мутью, длинные ножки подламывались и заплетались, как у подбитого жеребенка.

ка, когда она сходила по лестнице к открытой дверце лимузина. Мать поддерживала ее, устраивала на сиденье, повелительно шипела ей что-то на ухо.

Потом обернулась, украдкой скользнула по Хейгену быстрым взглядом, хищные птичьи глаза ее горели торжеством. Мгновение спустя она тоже скрылась в машине.

Так вот отчего ему не предложили лететь из Лос-Анджелеса самолетом, подумал Хейген. С кинопродюсером летели мать и дочь. Чтобы у Вольца осталось до обеда время отдохнуть и обработать маленькую девочку, ребенка. И Джонни хочет жить в таком мире? Что ж, остается пожелать ему удачи, — впрочем и Вольцу тоже.

Поли Гатто терпеть не мог браться за работу наспех, в особенности когда работать предстояло кулаками. Он любил все наметить и распределить заранее. Тем более что дела вроде сегодняшнего — хотя, казалось бы, и делом-то не назовешь, так, поучить пару сопляков — могут обернуться серьезной морокой, если сыграть свою роль неточно. Потягивая пиво, он оглянулся проверить, как у сопливых щенков подвигаются переговоры с девочками у стойки бара.

Всю нехитрую подноготную щенков — их звали Джерри Вагнер и Кевин Муна — Поли Гатто знал досконально. О том, что поучить их следует немедленно, до того как они вернутся с каникул в колледж, ему сообщил Клеменца. Какого дьявола понадобилось обязательно делать это в Нью-Йорке? Вечно этот Клеменца тебе указывает каждый шаг — нет, чтобы распорядиться, а дальше — выполняй, как знаешь. Вот сейчас эти две пташки увяжутся следом за юнцами — и пропадай задаром еще один вечер.

Он услышал, как одна из девчонок расхохоталась:

— Ты что, ошалел? В машину? С тобой? Нет уж, очень надо — загремишь чего доброго в больницу, как та бедняжка.

Ее голос звучал самодовольно, злорадно.

Поли Гатто большего и не требовалось. Он допил кружку пива и вышел на улицу. Первый час ночи. Обстановка — как на заказ. Всего в одном баре еще виден свет. Остальные питейные заведения и лавки закрыты.

Патрульную машину с полицейскими взял на себя Клеменца. Она не покажется, пока не получит сигнал по радио, да и тогда тронется к месту происшествия ползком.

Поли прислонился к дверце «шевроле». На заднем сиденье, почти невидимые, несмотря на свой дюжий рост, сидели двое. Поли сказал:

— Берите их, как выйдут.

Подумаешь, загорелось — скорей, скорей... Клеменца выдал ему две фотографии из полицейского архива, сказал, в каком баре эти паршивцы торчат каждый вечер и клеют девочек у стойки. Поли отобрал из наличного резерва пару шестерок поздоровей и обрисовал им, кого придется поучить. А также — в каких пределах. Без ударов по голове, по затылку — без крайностей, одним словом. А так могут не стесняться.

— И притом с условием, — сказал Гатто. — Если эти мальчики пролежат в больнице меньше месяца, то вам, ребята, снова крутить баранку на грузовиках.

Двое вылезли из машины. В прошлом тот и другой были боксерами, но дальше захудалых спортклубов не пошли, и тут их выручил Сонни, предоставив возможность прилично подрабатывать. Теперь им жилось сполна. Естественно, оба рады были показать, что помнят добро.

Когда Джерри Вагнер и Кевин Муна показали из дверей бара, они уже вполне дошли до такой кондиции, которая устраивала Поли. Девочка погладила их против шерсти, и юнцы самолюбиво оцетинились. Поли Гатто, лениво опершись о крыло своей машины, фыркнул и ехидно пропел:

— Эй, казанова, красиво тебя отшила эта деваха.

Юнцы с готовностью устремились к нему — им того только и нужно было. На таком сорвать зло — одно удовольствие. Малорослый, щуплый, как хорек, и к тому же пахал — первый лезет. Они налетели на Гатто с разбега, и в тот же миг им сзади скрутили руки те двое. Поли привычно и быстро надел на правую руку кастет, сработанный по особому заказу и усаженный короткими железными шипами. Поли работал точно — он три раза в неделю ходил в спортзал на тренировки. Коротким ударом он разможил переносицу щенку по имени Вагнер. Тот обмяк. Операция заняла секунд пять, не больше.

Теперь наступила очередь Кевина Мунана, тем более, что он начал подавать голос. Один из несостоявшихся боксеров легонько погладил его мускулистой увесистой лапой, и Мунан сник. Другая ручища сдавила Мунану горло так, что он не мог больше издать ни звука.

Поли Гатто юркнул в машину и включил зажигание. Двое тем временем делали из Мунана отбивную котлету. Они трудились с устрашающей старательностью, словно вопрос о времени занимал их меньше всего. Каждый удар отзывался тошнотворным чавканьем рассекаемой живой плоти. Гатто мельком увидел лицо Мунана. Оно было неузнаваемо. Двое оставили Мунана лежать на тротуаре и занялись Вагнером. Как раз в это время, с трудом поднимаясь на ноги, Вагнер стал звать на помощь. Кто-то высунулся на крик из бара, теперь надо было поторапливаться. Вагнера сбили с ног, он рухнул на колени. Один из его истязателей вывернул ему руку и поддал погой в спину. Что-то хрупнуло, и на жуткий вопль Вагнера по всей улице стали распахиваться окна. Теперь двое орудовали очень быстро. Один, зажав голову Вагнера в ладонях, как в тисках, приподнял его с земли. Другой молотил по неподвижной мишени кулачищами. Из бара высыпали люди, но никто не пробовал вмешаться. Поли Гатто гаркнул:

— Кончай, линиям отсюда.

Двое верзил вскочили в машину; Поли дал полный газ. Кто-нибудь потом скажет, как выглядела машина, кто-то другой запомнит ее номер, но тем дело и кончилось. Номер был краденый, снят с машины из Калифорнии, а черных «шевроле» в Нью-Йорке самое малое — сто тысяч.

В четверг Хейген с утра поехал в город, в свою адвокатскую контору. Он рассчитывал наверстать упущенное, привести в порядок бумаги, внести полную ясность в дела, готовясь к предстоящей в пятницу встрече с Виргилием Солоццо. Встрече такой первостепенной важности, что он просил дону освободить целый вечер, чтобы обсудить деловое предложение, которое, по их сведениям, Солоццо сделает семейному клану Корлеоне. Да — ясность во всем, до последней мелочи, пусть ничто

постороннее не мешает ему сосредоточиться на этом предварительном совещании с доном.

Дон не выказал удивления, когда, возвратившись во вторник поздно вечером из Калифорнии, Хейген рассказал, чем кончились его переговоры с Вольцем. Он только настоял, чтобы Хейген не пропустил ни одной подробности, гадливо поморщился, когда он говорил о красивой девочке и ее мамаше. И буркнул *infamita* — это слово у него выражало крайнюю степень отвращения. Под конец он задал Хейгену один вопрос:

— Есть в этом человеке настоящая крепость?

Хейген помолчал, стараясь уловить суть вопроса. В своих взглядах, как он успел убедиться за все эти годы, дон был до того не похож на большинство людей, что и слова у него могли иметь иное значение. Есть ли у Вольца характер? Есть сила воли? Да, безусловно, но не об этом спрашивает дон. Хватит ли у продюсера мужества не дать себя запугать? Хватит решимости пойти на тяжелые убытки, которые повлечет за собою простой на студии и скандал, когда его хваленного актера разоблачат как наркомафа? Видимо, тоже да. Но и не это опять-таки имеет в виду дон. Наконец Хейген нашел правильное толкование: достанет ли Джеку Вольцу крепости поставить на карту все — и всем рискнуть из мести, из принципа, ради чести?

Хейген улыбнулся. Нечасто он разрешал себе ответить дону шуткой, но сейчас не удержался.

— Вы спрашиваете, сицилиец ли он? — Дон довольно покивал головой в знак того, что оценил лестный смысл остроты и согласен с ней. — Нет, — сказал Хейген.

И все. Дон раздумывал недолго. Уже в среду он вызвал Хейгена к себе после ланча и отдал нужные распоряжения. Остаток рабочего дня Хейген провел в состоянии, близком к телячьему восторгу. Он ни минуты не сомневался, что дон решил задачу и Вольц завтра же утром позвонит и объявит, что главную роль в его новом фильме получает Джонни Фонтейн...

Зазвонил телефон. — но, нет, это голос Америкы Бонасеры. Голос, срывающийся от избытка благодарности. Пусть Хейген передаст дону, что похоронщик — его друг до гробовой доски. Пусть только скажет слово — он, Америкы Бонасера, все исполнит. Он жизнь отдаст за

Крестного отца, да благословит его Бог. Хейген обещал, что передаст.

«Дейли пьюс» не пожалела отвести центральный разворот на фотографии Джерри Вагнера и Кевина Мунана после избиения.

Опытный фотограф постарался: в бесформенных грудах на тротуаре не осталось почти ничего человеческого. Каким-то чудом, писала «Дейли пьюс», оба остались в живых, но неизвестно, сколько месяцев пролежат в больнице и сколько пластических операций им придется перенести. Хейген записал себе — сказать Клеменце, чтобы как-то отметил Поли Гатто. Похоже, что мальчик знает свое дело.

Работа спорилась; Хейген просидел над бумагами три часа, сводя воедино бухгалтерские отчеты о прибылях компании по продаже недвижимости, компании по импорту оливкового масла, строительной фирмы, принадлежащих дону. До сих пор дела шли ни шатко ни валко, но война кончилась, и отныне каждое из трех предприятий должно было стать богатым источником доходов. Хейген стал уже забывать про Джонни Фонтейна и его проблемы, когда секретарша сказала, что звонят из Калифорнии. Ощущая вдоль спины холодок предвкушения, Хейген взял трубку.

— Хейген слушает.

Голос, ворвавшийся в телефон, был неузнаваем от ненависти, от неистовой злобы.

— Сволочь вонючая, — визжал Вольц. — Всех вас упрячу за решетку. Последний грош отдам, а вас сгною в тюрьме. Я этого Джонни Фонтейна на всю жизнь изувечу, слышишь ты, пададь итальянская?

Хейген ласково сказал:

— Я полунемец-полуирландец.

Наступило долгое молчание, потом в телефоне звякнуло — Вольц бросил трубку. Хейген усмехнулся. Ни единым словом Вольц не задел самого дона Корлеоне. Талант не остался без признания.

Джек Вольц всегда спал один. На его кровати легко поместились бы десять человек, а спальня с успехом годилась, чтобы снимать в ней сцену бала — и все-таки, с тех пор как умерла его первая жена, он вот уже десять лет спал один. Это не значит, что он обходился без жен-

щин. Он был, несмотря на свои годы, еще полон жизни, но возбудить его теперь могли лишь совсем юные девочки, а сил и охоты ему хватало всего часа на два под вечер.

В этот четверг он почему-то проснулся рано. Светало, но над огромной спальней, словно туман над лугом, еще стлался сумрак. Далеко, в ногах необъятной кровати, виднелся какой-то предмет знакомых очертаний, и Вольц грузно приподнялся на локтях, чтобы получше разглядеть его. По форме предмет напоминал лошадиную голову. Еще не очнувшись, спросонья, Вольц потянулся и зажег свет на ночном столике.

То, что он увидел, сокрушило его, словно приступ внезапного недуга. Слово его ударили в грудь тяжелой кувалдой. Сердце остановилось, потом бешено застало — и Вольца вырвало прямо на роскошный ковер.

На спинке кровати, в лепешке запекшейся крови, была укреплена воронья, шелковистая голова знаменитого жеребца Хартума. Белыми нитями торчали сухожилия. На морде лежала пена; крупные, как яблоки, с золотым отблеском глаза налились тусклой, мертвой кровью, как плод гнильбу. Вольца обуял животный ужас — от ужаса он стал не своим голосом звать слуг, от ужаса позволил Хейгену и разразился неистовыми угрозами. Он так бешеновался, что не на шутку всполошившийся дворецкий вызвал к нему его личного врача и помощника с киностудии. Но к тому времени, как они приехали, Вольц уже овладел собой.

Он был глубоко потрясен. Кем же надо быть, чтобы обезглавить коня ценой в шестьсот тысяч долларов? Без всяких предупреждений. Без единой попытки сторговаться и избежать этой крайности. Полная беспощадность, полное пренебрежение ко всем и всяческим ценностям выдавали человека, который не чтит иных законов, кроме собственной воли, иных богов, кроме себя самого. И обладает при этом такой силой и изобретательностью, что никакая охрана ему не препятствие. Ибо к тому времени уже выяснилось, что жеребца сначала накачали снотворным, а потом не спеша отрубили ему топором треугольную тяжелую голову. Ночные сторожа божились, что ничего не слышали. Вольц не верил. Вздор, им можно развязать языки. Их подкупили, и можно выведать, кто с ними расплачивался.

Вольц был человек неглупый, только в высшей степени самоуверенный. Он заблуждался, полагая, что превосходит силой дона Корлеоне. Чтобы разуверить его, просто требовались доказательства. На этот раз он все понял правильно. Что как он ни богат, как ни вхож к президенту Соединенных Штатов, как ни дружен с директором ФБР, но некая серая личность, чье дело — вывозить из Италии оливковое масло, устроит так, что его убьют. Возьмут и убьют! Потому что он не даст Джонни Фонтейну сняться в той роли, которая ему нравится. Это было невероятно. Люди не имеют права так поступать! В мире что-то нарушилось, если люди так поступают. Это безумие. Это значит, что ты не волен распоряжаться по-своему ни собственными деньгами, ни предприятием, принадлежащим тебе, ни властью, которая тебе дана. Это в сто раз хуже всякого коммунизма. Этого невозможно допустить...

Вольц начал отдавать приказания. Он привел в действие аппарат своих приближенных. Со слуг и с доктора, под страхом навлечь на себя вечную немилость Вольца, взяла клятву хранить молчание. Прессе сообщили, что знаменитый рысак Хартум стал жертвой болезни, от которой его не уберегли, когда везли из Европы. Останки были тайно преданы земле в поместье Вольца.

Через шесть часов режиссер-постановщик позвонил Джонни Фонтейну и сказал ему, чтобы с понедельника приступал к работе.

В тот вечер Хейген пришел к дону Корлеоне, чтобы подготовить его к завтрашней, очень важной встрече с Виргилием Солоццо. Дон Корлеоне призвал и старшего сына — Сонни Корлеоне стоял, лениво прихлебывая виски. Его тяжелое лицо осунулось от усталости. Навещает невестину подружку, подумал Хейген. Мало мне было забот.

— Все ли нам известно, что требуется? — спросил дон Корлеоне.

Хейген раскрыл папку со своими записями. Ничего компрометирующего — лишь одному ему понятные замечания, чтобы не упустить существенных деталей.

— Солоццо придет просить нашей помощи, — сказал Хейген. — Он будет просить у семьи Корлеоне по край-

ней мере миллион долларов и защиту от закона. Это обеспечит нам участие в деле, но, в какой степени, пока неизвестно. За Солоццо стоит семейство Татталья, они тоже в доле. Дело это — наркотики. У Солоццо есть связи в Турции — там выращивают мак. Оттуда Солоццо переправляет его на Сицилию. Это несложно. На Сицилии из мака делают героин. Для страховки можно изготовлять и всего лишь морфий. Хотя, как видно, производить героин на Сицилии совершенно безопасно. Единственная сложность — ввозить наркотики сюда и распространять их. И денег у него маловато для начала. Миллион долларов под ногами не валяется.

Дон Корлеоне пыхнул сигарой и спросил:

— Сантино, ты что думаешь?

Хейген предвидел ответ Сонни. Сонни надоело быть мальчиком на побегушках. Ему хотелось самостоятельно вести крупное дело. Вроде того, какое собирается предложить Солоццо.

Сонни отхлебнул из стакана.

— Белый порошок — это большие деньги, — сказал он. — Но и опасность большая. Можно загнать в тюрьму лет на двадцать. Я думаю, если держаться в стороне от самих операций, взять на себя только защиту и финансирование, то, пожалуй, неплохая идея.

Хейген одобрительно взглянул на него. Хорошо сыграл. Подчеркнул очевидные преимущества — в его положении это самый верный ход.

Дон Корлеоне снова попыхтел сигарой.

— А твое мнение, Том?

— Я думаю, вам следует принять предложение, — сказал Хейген. — Причины очевидны. И главная — наркотики обещают больше прибыли, чем любое другое дело, если мы откажемся, возьмутся другие, хотя бы семейство Татталья. При этом доходе, который они получают, у них будет все больше влияния и в политике, и в полицейском аппарате. В дальнейшем они начнут наступать нам на пятки и приберут к рукам то, чем теперь владеем мы. Как в мировой политике: раз у одной страны есть оружие, — значит, и другая вооружается. Если они окрепнут в финансовом отношении, они станут для нас угрозой. Мы держим в руках игорные дома и профсоюзы, и сегодня в этом наша главная сила. Но будущее за наркотиками. Я считаю, что войти в дело необхо-

димо, иначе мы рискуем потерять все, что у нас есть. Не сейчас — но лет через десять неизбежно потеряем.

«Турок» Солоццо был невысок ростом, мускулист, смуглокож. Он и вправду смахивал на турка — педобрые черные глаза, тонкий кривой нос. Держался он с большим достоинством.

Сонни Корлеоне встретил его у дверей и провел в кабинет, где уже ждали Хейген и дон. В жизни не встречал более опасного на вид существа, не считая Люки Брази, подумал Хейген.

Солоццо сразу заговорил о главном. Речь идет о наркотиках. Все уже на мази. Владельцы маковых полей в Турции обеспечивают ему ежегодно твердое количество сырья. Во Франции налажено производство героина. Ввозить товар во Францию и Сицилию сравнительно безопасно. Ввозить наркотики в Соединенные Штаты, — значит, терять пять процентов, поскольку, как они оба знают, ФБР-то не подкупишь. И все же доходы предвидятся огромные, а опасности практически никакой.

— Почему вы пришли именно ко мне? — вежливо осведомился дон. — Чем я заслужил такую честь?

Темное лицо Солоццо не изменилось.

— Мне нужны два миллиона долларов, — сказал он. — Наличными. И, что не менее существенно, нужен человек, у которого есть влиятельные друзья на важных должностях. Иногда кое-кто из моих людей попадется. Это неизбежно. За их прошлое я ручаюсь — оно чисто. Значит, на суде они, по логике, могут отделаться мягким приговором. Мне нужно, чтобы те, кто влипнет, отсидели бы год-два, не больше. Тогда они будут молчать. Но если им дадут лет по десять-двадцать, кто знает? Разные есть люди. Могут и проболтаться, могут навлечь беду на тех, кто важнее их. Для нас покровительство закона — необходимость номер один. Я слышал, дон Корлеоне, что у вас в кармане судей не меньше, чем медяков у чистильщика сапог.

Дон Корлеоне не отозвался на лесть.

— И какова будет доля моего семейства? — спросил он.

Глаза Солоццо сверкнули.

— Пятьдесят процентов, — сказал он. Помолчал и прибавил вкрадчиво: — В первый год — три или четыре миллиона. Дальше ваша доля будет возрастать.

Дон Корлеоне сказал миролюбиво:

— Я дал согласие встретиться с вами, потому что слышал, что вы серьезный человек. Я вынужден отказаться от вашего предложения, но хочу объяснить, почему. Доходы от вашего предприятия огромны, но и риск огромный. Работая с вами, я поставлю под удар мои дела. Верно — у меня много друзей на важных политических должностях, очень много, но они отнесутся ко мне совсем не по-дружески, когда узнают, что вместо азартных игр я занимаюсь наркотиками. Азартные игры они считают невинным пороком — вроде пьянства, но наркотики в их глазах — занятие грязное. Нет-нет, не возражайте. Это они так считают, не я. Кто как зарабатывает деньги — не моя забота. Я просто хочу сказать, что ваше предложение слишком опасно. Вот уже десять лет мое семейство живет спокойно. Я не вправе корысти ради ставить их жизнь под угрозу.

Недовольство Солоццо можно было заметить лишь по быстрому взгляду, который он метнул в сторону Хейгена и Сонни, как бы надеясь на их поддержку. Он спросил:

— Вы беспокоитесь за свои два миллиона?

Дон Корлеоне сухо улыбнулся.

— Нет, — сказал он.

Солоццо сделал еще один заход.

— За сохранность вашего капитала поручится и семья Татталья.

И тут Сонни совершил грубый промах.

— То есть Татталья обеспечат нам сохранность капитала и не потребуют за это процентов? — заинтересованно спросил он.

Хейген похолодел. Он заметил, как дон Корлеоне перевел ледяной, зловещий взгляд на сына — как Сонни вдруг застыл в недоумении и страхе. Глаза Солоццо вновь сверкнули, на этот раз удовлетворенно. Он напел брешь в крепости Корлеоне. Дон Корлеоне снова заговорил, и стало ясно, что аудиенция окончена.

Прошло три месяца. Хейген торопливо заканчивал работу в своей городской конторе, спеша уйти пораньше, чтобы купить жене и детям рождественские подарки.

Его отвлек телефонный звонок. Джонни Фонтейн захлебывался от счастья. Картина отснята, прогоняли (куда прогоняли, подумал Хейген) — рев стоял. Он посылает дону Корлеоне потрясающий подарок к Рождеству — привез бы лично, но работа не совсем закончена; ему никак не отлучиться из Голливуда. Хейген нетерпеливо слушал. Чары Джонни Фонтейна никогда на него не действовали. Но ему все же было любопытно.

— Что за подарок?

Джонни Фонтейн хмыкнул:

— Не скажу! Хорош подарок, если знаешь заранее!

Телефон зазвонил снова, и Хейген смахнул бумаги в сторону. К чертям это все... Он уходит. Все-таки он взял трубку. Звонил Майкл Корлеоне, и досада Хейгена сразу прошла. Он всегда любил Майкла.

— Том, — сказал Майкл Корлеоне, — я завтра приеду в город, с Кей. Хочу до праздников поговорить с отцом, это важно. Он дома завтра вечером?

— Будь спокоен, дома, — ответил Хейген. — На Рождество он никуда не отлучится. Еще что хочешь сказать?

Выведать что-нибудь у Майкла было не легче, чем у дона Корлеоне.

— Ничего, — сказал он. — На Рождество увидимся, все соберутся, так?

— Так, — ответил Хейген. Майкл повесил трубку. Занятно, слова лишнего не скажет.

Хейген поручил секретарше предупредить его жену, что он немного задержится, но к ужину будет дома. Он вышел на улицу и быстро зашагал в сторону магазинов. Кто-то загородил ему дорогу, Хейген поразился: перед ним был Солоццо.

Майкл Корлеоне сказал Хейгену неправду. Он уже был в Нью-Йорке, в двух шагах от конторы Хейгена, и позвонил из отеля «Пенсильвания». Он положил трубку, и Кей Адамс загасила свою сигарету.

Они решили пожениться, на Рождество — тихо, без шума — взять в свидетели двух друзей, расписаться, и все. Но Майкл обязательно хотел сказать отцу. Отец, конечно, возражать не станет, лишь бы от него ничего не скрывали. Насчет своих Кей сомневалась. Пожалуй, лучше пусть не знают до свадьбы.

— Решат, конечно, что я беременна, — сказала она.

— Думаешь, мои не решат? — фыркнул Майкл.

В театре шел мюзикл «Карусель».

После спектакля они вышли на улицу. Похолодало. Кей прижалась к Майклу.

— Вот поженемся, начнешь меня бить, а после «звезду украдешь мне в подарок» — так там пели?

Майкл рассмеялся.

— Я стану преподавать математику... — Потом спросил: — Хочешь, не пойдем в гостиницу, а сперва перекусим?

Кей отказалась, но Майклу хотелось есть. Ладно — он закажет бутерброды в номер.

В вестибюле Майкл подтолкнул Кей к газетному киоску.

— Купи газеты, а я пока возьму ключ.

Он стал в очередь — после войны в отелях не хватало прислуги. Наконец получил ключ, нетерпеливо огляделся. Кей стояла у киоска с газетой в руках. Он подошел. Она подняла голову, и он увидел, что она плачет.

— Майкл! — сказала она. — Ох, Майкл!

Он выхватил у нее из рук газету. В глаза бросилась фотография: его отец лежит на мостовой, головой в луже крови. Рядом, сидя на обочине тротуара, рыдает Фредди, его брат. Майкл оледенел. Ни горя, ни страха не было — только холодная ярость.

Он сказал Кей:

— Езжай навстречу.

Но пришлось отвести ее к лифту под руку. Они поднялись вместе, молча. В номере Майкл сел на кровать и развернул газету. Взглянул на заголовок:

СТРЕЛЯЛИ В ВИТО КОРЛЕОНЕ.
ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ГЛАВАРЬ РЭКЕТИРОВ ТЯЖЕЛО РАНЕН.
ВРАЧИ ДЕЛАЮТ ОПЕРАЦИЮ
ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ ПОЛИЦИИ.
ВОЗМОЖНА КРОВАВАЯ РЕЗНЯ.

У Майкла вдруг задрожали ноги. Он сказал:

— Отец жив, эти сволочи не прикончили его.

Оба номера в доме были заняты, и Майкл дозвонился лишь минут через двадцать. Голос Сонни сказал:

— Слушаю.

— Сонни, это я, — сказал Майкл.

Сонни вздохнул с облегчением.

— Фу, черт, мы за тебя перепутались, старик! Где ты? Я послал людей в этот твой городишко проверить, как ты там.

— Как отец? — спросил Майкл. — Это серьезно?

— Очень. Пять раз стреляли. Но он держится. — В голосе Сонни слышалась гордость. — Врачи говорят, что выживет. Слушай, я сейчас занят, не могу разговаривать. Где ты?

— В Нью-Йорке, — ответил Майкл. — Том разве не сказал, что я приеду?

Сонни запнулся.

— Они схватили Тома. Понял, почему я беспокоился за тебя? Здесь его жена. Она еще не знает, полиция тоже. И пусть, покамест. Эти скоты знали, на что шли. Жми сюда и помалкивай, ясно?

Он повесил трубку. Уже три часа продают газеты. Вероятно, и по радио передавали. Неужели Люка ничего не знает? Куда пропал Люка Брази? Об этом думал сейчас Хейген. Этот же вопрос тревожил Сонни Корлеоне.

В машине было, считая Хейгена, пять человек. Его посадили сзади, между теми двумя, что возникли на улице у него за спиною. Солоццо сидел впереди. Человек справа от Хейгена повернулся и надвинул шляпу ему на глаза: Хейген больше ничего не видел.

Ехали недолго, минут двадцать, и, когда вышли из машины, Хейген не понял, где они, — уже стемнело. Его повели в полуподвал, усадили на кухонный стул. Солоццо сел за стол напротив. В его смуглом лице проступило что-то хищное, ястребиное.

— Ты не бойся, — сказал он. — Я знаю, ты в семье Корлеоне — мозговой трест, действуют другие. Я хочу, чтоб ты помог и своим, и мне.

Хейген закурил, у него тряслись руки. Кто-то принес бутылку водки, плеснул в кофейную чашку, подал ему. Хейген жадно глотнул. Дрожь унялась, прошла слабость в ногах.

— Твой босс отправился на тот свет, — сказал Солоццо. И осекся — у Хейгена из глаз брызнули слезы. Солоццо продолжал:

— Его прикончили на улице, прямо возле конторы. Как только мне дали знать об этом, я поехал за тобой. Помоги мне договориться с Сонни.

Хейген молчал. Он сам изумился глубине своего горя. К отчаянию примешивался страх смерти. Солоццо продолжал:

— Сонни принял бы мое предложение. Верно? Ты тоже знаешь, что дело стоящее. За наркотиками будущее. Это золотое дно, года через два мы все разбогатеем. Дон отстал от жизни, время его прошло, хотя он того не знал. Что горевать — умер, не вернешь. Я готов снова пойти на переговоры, а ты убедишь Сонни согласиться.

Хейген сказал:

— Это пустой номер. Сонни будет мстить до последнего вздоха.

Солоццо перебил его:

— Это сгоряча, на первых порах. Его нужно образумить. Меня поддерживает Татталья и все, кто с ним. Другие семейства Нью-Йорка пойдут на все, чтобы избежать открытой войны, — пострадает дело, погибнут люди. Если мы с Сонни договоримся, ни один семейный синдикат в Америке не станет вмешиваться — даже самые старые друзья дона.

Хейген молча рассматривал свои ногти. Солоццо вкрадчиво продолжал:

— Дон потерял былую хватку. Раньше его бы не застигнуть врасплох. Другие семейства на доверяли ему, потому что он назначил своим *consiglieri* тебя, а ведь ты не сицилиец, даже не итальянец. Если дойдет до открытой войны, семейству Корлеоне конец, и тогда проиграет каждый — я в том числе. Связи Корлеоне с политиками для меня важнее денег. Поговори с Сонни, поговори с *sarogregimes*, помоги избежать кровопролития.

Хейген подставил чашку, ему налили еще.

— Попробую, — сказал он. — Правда, Сонни убедить трудно. А Люку Брази не остановит даже Сонни. Вам следует остерегаться Люки. Если я буду вашим ходатаем, то и мне тоже следует его остерегаться.

Солоццо сказал спокойно:

— Люку я беру на себя. Ты займись Сонни и остальными сыпками дона. Слушай, скажи им, что сегодня мои ребята могли прийти и Фредди, но я им не дал. Зачем зря обострять отношения? Скажи им — Фредди мне обязан тем, что жив остался.

— Я сделаю, что могу, — сказал он Солоццо. — Думаю, в ваших словах есть доля истины — сам дон Кор-

леоне благословил бы нас на это при подобных обстоятельствах.

Солоццо торжественно покивал головой.

— Вот и прекрасно, — подытожил он. — Не люблю кровопролития. Я деловой человек, а кровь стоит дорого. Зазвонил телефон, и один из людей, сидевших за спиной Хейгена, снял трубку, помолчал, отозвался коротко:

— Ладно, передам.

Он подошел к Солоццо и что-то шепнул ему на ухо. Турок побелел, глаза его сверкнули яростью. По спине Хейгена пробежал холодок. Солоццо глядел на него, как бы размышляя, и Хейген вдруг понял, что его не отпустят. Что-то случилось, и он опять в двух шагах от смерти.

Солоццо сказал:

— Старик еще жив. Пять пуль всадили в его сицилийскую шкуру, а он все жив.

Он пожал плечами, как бы покоряясь судьбе.

— Не повезло, — сказал он Хейгену. — Мне, тебе. Не повезло.

Подъезжая к отцовскому дому в Лонг-Биче, Майкл Корлеоне увидел, что поперек узкого въезда в парк протянута тяжелая цепь. Все восемь прожекторов ярко освещали полукруглое пространство. Не меньше десятка машин выстроились вдоль изогнутой обочины.

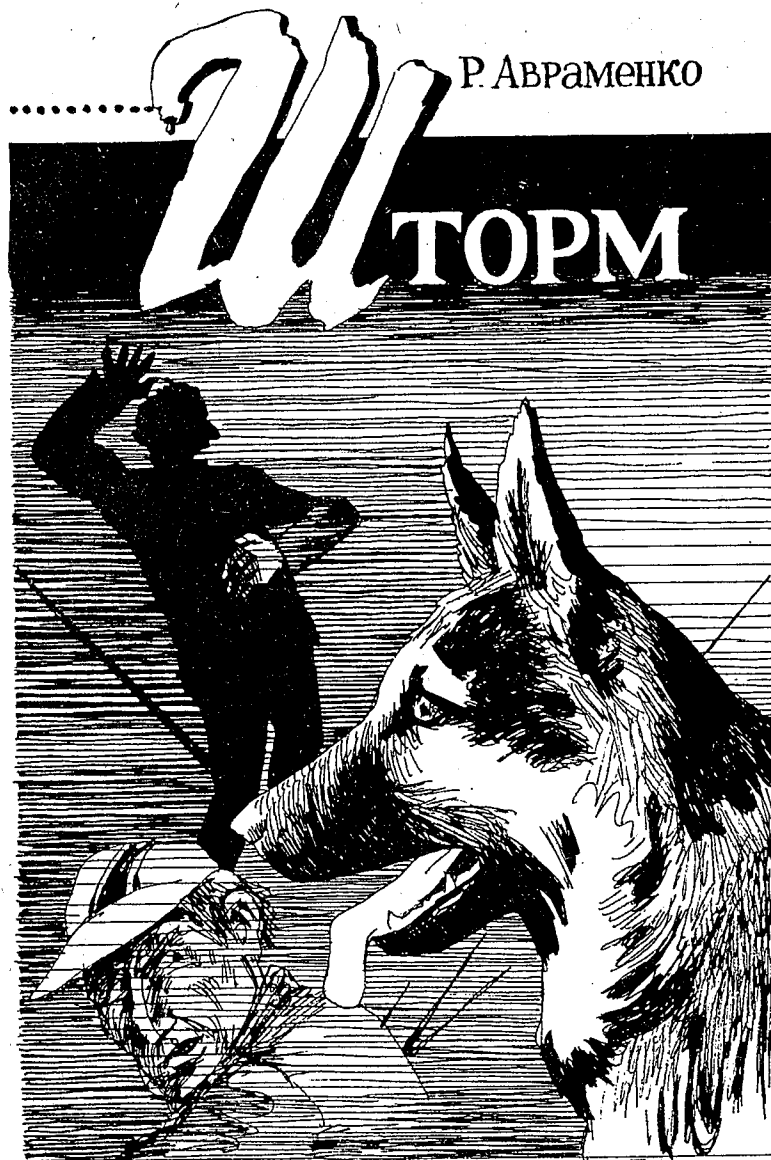
Дом был битком набит людьми — он никого не знал. В гостиной Майкл увидел Терезу, жену Тома Хейгена; она сидела на диване, неподвижная, прямая, и курила. На кофейном столике перед ней стоял стакан виски. На другом конце дивана развалился тучный Клеменца. Лицо сарогедите ничего не выражало, но по лбу у него струился пот, изжеванная сигара, зажатая в пальцах, почернела от слюны.

Клеменца подошел к Майклу — сочувственно тряс ему руку, приговаривал:

— Твоя мать в больнице у отца — ничего, все обойдется.

(Окончание в следующем номере)

Р. Авраменко

Подобно многим милицеейским историям, эта тоже начиналась с тревожного сообщения:

«Хулиганы избивают человека. Приезжайте скорее к хлебному магазину на улице Розы Люксембург...»

Оперативная группа выехала почти тотчас же, однако по прибытии на место происшествия обнаружить там никого уже не удалось, кроме самого пострадавшего: бедняга, по всей видимости, был без сознания и только тихо стонал.

— «Скорую помощь», немедленно! — распорядился дежурный. — А вы, — он посмотрел в сторону проводника служебно-розыскной собаки, — искать.

— След! — негромко скомандовал старшина Олешкевич своему четвероногому помощнику Шторму. Тот, пошарив носом по земле, уверенно потащил проводника за собой.

Была ночь, и на пути бегущих человека с собакой не попадалось ни машин, ни прохожих. Это облегчало поиск, хотя и делало его более опасным: преступники, зная о погоне, могли затаиться в любом темном месте и напасть на преследователей.

Однако все было тихо. Пробежав по неосвещенным дворам и закоулкам, собака вывела к автобусной остановке. Побегав, тыкаясь носом по небольшому, вытоптанному ногами людей пятачку, она подняла голову и виновато посмотрела на хозяина.

— Уехали, говоришь? — понял Олешкевич. Он снял шапку, вытер ею вспотевший лоб. — Ничего, они от нас не уйдут.

Он знал, что здесь проходит маршрут только одного автобуса, да и направление его движения тоже было известно, так что теряться в догадках больно не приходилось.

Остановив проходящее мимо такси, Олешкевич попросил водителя догнать автобус. Уже через две или три остановки им удалось достичь цели. Они ехали за автобусом, держась от него на приличном расстоянии, наблюдая за выходящими из него людьми. Никого подо-

зрительного вроде не было. Вышли парень с девушкой, женщина, мужчина с авоськой — вероятно, с работы возвращается...

Но вот на остановке «ДСК-1» из автобуса вышло трое парней. Воровато оглянувшись по сторонам, они перешли дорогу и торопливо зашагали вдоль забора, окружавшего завод сборного железобетона.

— Остановите, пожалуйста! — попросил таксиста Олешкевич и, выйдя из машины, крикнул уходящим в темноту фигурам:

— Стойте!

Последний из троих оглянулся и, увидев милиционера, что-то сказал своим. Все трое, как по команде, исчезли за двухметровым забором.

Старшина отстегнул поводок собаки.

— Фас!

Огромными прыжками Шторм понесся вперед. Достигнув забора, он на мгновение замер, собираясь в прыжку и, сильно оттолкнувшись, взлетел вверх. Острые когти зацарапали холодную гладь бетона. Не удержавшись на ней, животное с досадливым и беспомощным визгом сползло вниз.

Первой мыслью Олешкевича было помочь собаке, однако он боялся потерять время и упустить преступников. А пока они были близко.

Ухватившись за верхний край забора, старшина ловко перебросил через него свое тело.

— С прибытием! — произнес кто-то с издевкой за его спиной. Чья-то сильная рука обхватила шею милиционера.

— Или ты сам отсюда уйдешь, или тебя унесут! — обжигал затылок горячий и злобный шепот. Перед самым лицом сверкнуло узкое длинное лезвие. Олешкевич перехватил руку с ножом и, выворачивая ее наружу, резко рванул вперед. Перегнувшись, он бросил преступника через себя.

— Сюда ребята! На помощь... — прохрипел тот.

Из-за выставленных неподалеку строительных панелей выпрыгнули два силуэта. Под градом посыпавшихся на него ударов Евгений вынужден был отпустить лежащего под ним противника. Освободившись, тот поднял с земли оброненный нож, замахнулся и... завопил от боли

и ужаса: запястье его правой руки намертво схватили собачьи зубы.

Даже в темноте было видно, как побелели лица остальных преступников: так подействовало на них внезапное появление здоровенной овчарки. И когда Олешкевич скомандовал: «Руки вверх!» — никто и не думал противиться.

Худощавый, среднего роста, с аккуратными пшеничными усиками на молодом сероглазом лице, Евгений Олешкевич совсем не похож на того богатыря, которого рисовало мне воображение. Мы сидим в служебном помещении инспекторов-кинологов. Комната эта весьма похожа на деревенскую избу: большая кирпичная печка, простенькие половички, за низеньким окошком лениво машет ветвями сирень. Впечатление какой-то домашности дополняет по-крестьянски неторопливая речь Олешкевича.

— Ему, — кивает он на расположившуюся у печки собаку, — я жизнью обязан. Да разве это первый случай, когда он меня от верной гибели спасал? Он за меня и в огонь и в воду. Я вот тоже... Не знаю даже, как обходился бы без него. И вообще, люблю животных. Именно потому и на границу пошел служить, проводником служебно-розыскной собаки. И в милицию по этой же причине пришел. Так и указал в заявлении: «Хочу работать с собакой». Правда, не повезло мне на первых порах: должности свободной не было. Два года работал инспектором дорожно-патрульной службы. Но частенько наведывался к кадровикам: все хотелось узнать, как обстоит дело с осуществлением моей мечты.

И вот однажды вызывают меня в управление: так, мол, и так, желаешь работать инспектором-кинологом? Еще бы! Тут же помчался в собачий питомник. Подвели меня к одному из вольеров, на двери табличка: «Шторм». Поглядел я в окошко, а там такая зверюга!

Услышав свое имя, Шторм завилал хвостом, но последующее «зверюга», и интонация, с которой было произнесено это слово, пришлись ему явно не по вкусу. Он подозрительно наострил уши, выражая глазами обиду и недоумение.

Олешкевич засмеялся.

— Не обижайся, Шторм, дело прошлое. Но тогда ты и в самом деле не походил на котенка: глаза горят,

шерсть дыбом, а в пасти клыки, что твои ножи! У меня с собой пачка печенья была — купил для знакомства. Протянул я эту пачку ему: на, говорю, песик, только успокойся! Честное слово, даже и сейчас удивляюсь, как это он руку мне тогда не отхватил? Печенье в крошки измельчил, а есть не стал. Оно обидно, конечно, но начальник питомника успокаивает:

«Прости, говорит, его. Трудно ему, тяжело». И действительно, когда я узнал историю приобретения Шторма, то тоже посочувствовал ему. Совсем недавно у него была прекрасная молодая хозяйка, нежная, заботливая, души не чаявшая в своем питомце. Она училась в институте и несколько дней назад уехала в другой город к родственникам на каникулы. Ее мать не могла, а может, не пожелала ухаживать за любимцем своей дочери и продала его в наш питомник.

Что и говорить, жалко мне было Шторма. Как и всякое животное, отличавшееся верностью и преданностью, он тяжело переживал предательство.

Целую неделю я его обхаживал. Где уж там простой собачий суп — мясо для него в магазине покупал, кашу готовил. Вначале он ни к чему даже притронуться не хотел, да недаром говорят, голод — не тетка. Сначала тайком, а потом и открыто при мне стал есть. Но меня по-прежнему не подпускал к себе. Только, бывало, увидит, сразу зубы оскаливает и рычит. Пищу я ему, как дикому зверю, в щель подавал.

Прошла так еще неделя. Надоело мне все это. Эх, — думаю, — пан или пропал! Открываю однажды дверь вольера, захожу внутрь. Мне кажется сейчас, что собака не растерзала меня тогда только потому, что была крайне удивлена моим поведением. И это удивление, похоже, вытеснило у нее все остальные чувства, в том числе и гнев. Не скрою, я боялся. Однако поборол страх, подхожу к собаке и говорю ей как можно ласковее: «Ну что же ты злишься, песик? Тебе так хочется искушать меня? На, кусай!» И руку ему протягиваю. Смотрю, а у него по верхней губе будто ток пропустили — мелко-мелко так дрожит губа, а под ней зубы, белые, и, наверно, очень острые.

Но не кусает меня. Уши к голове прижал и теперь, вижу, уже даже с некоторой робостью смотрит на меня. Погладил я его — руку лизнул.

Так мы и подружились. Потом я дрессировать его стал. Способным оказался пес, все на лету схватывал. У нас здесь частенько соревнования собак проводятся, так Шторм в бессменных чемпионах ходит. А нюх! Сейчас вы сами сможете убедиться, какой у моего Шторма нюх!

Евгений вышел в соседнее помещение и принес оттуда десятка два приготовленных для какой-то цели палочек.

— Прикоснитесь к любой из них и запомните ее.

Я в точности выполнил все действия. Евгений перемешал все палочки и велел отыскать ту из них, к которой я прикоснулся.

Предварительно обнюхав меня, Шторм довольно быстро справился со своей задачей. Среди двадцати почти одинаковых палочек он безошибочно выбрал ту, на которой запечатлелся (в самой ничтожной дозе) чужой запах.

Я был поражен результатами этого эксперимента, но тем не менее не удержался от вопроса, который давно готовил:

— Так ли успешны в подобных случаях действия собаки на практике?

— Не всегда. Дело в том, что индивидуальные запахи в условиях города довольно нестойкие и быстро растворяются. В особенности плохо сохраняются запахи на асфальте. Если же еще принять во внимание чрезмерную загазованность воздуха, большое скопление людей и транспорта, то, думаю, каждому станет ясно, почему собака иногда не может взять след. И наоборот, при отсутствии этих отвлекающих обстоятельств, почти во всех случаях можно рассчитывать на стопроцентную гарантию раскрытия преступления по «горячим» следам... Взять хотя бы происшествие на улице Чкалова...

Старшина наморщил лоб припоминая подробности.

...Было четыре часа ночи, и немногие видели, как это случилось. Когда на место происшествия прибыли сотрудники милиции, они мало что узнали плюс к тому, чему сами стали свидетелями. Запоздалые прохожие — парень с девушкой — дали пояснения только по самому факту: они видели, как промчавшийся мимо них грузовой снес осветительную мачту и грохнулся с двухметровой высоты моста. Больше они ничего не успели

заметить, так как сразу же побежали звонить в милицию.

Машина была разбита, что называется, вдребезги.

— И что в таком случае могло остаться от водителя? — с тревогой в голосе спросил кто-то.

— Полуботинок, — не то шутя, не то всерьез ответил дежурный офицер милиции. Из кабины он, — действительно, вытащил мужскую туфлю. Сомнений быть не могло: принадлежала она самому водителю и слетела у него с ноги, по всей вероятности, в момент удара. Но почему этот человек скрылся?

— Да это же та самая машина, которую угнали, — внес ясность дежурный и тут же распорядился: — Начните поиск угонщика! Последнее относилось к проводнику служебно-розыскной собаки Евгению Олешкевичу.

Обнюхав полуботинок, Шторм довольно быстро взял след, который повел вначале в сторону станции Товарная, потом — на улицу Могилевскую, с нее — к кинотеатру «Ударник». Затем, вернувшись назад, пес водил своего хозяина по задворкам, перепрыгивал через заборы, выбегал на железнодорожные насыпи и спускался в подземные переходы.

Собака не резвилась: именно таким был путь беглеца. Вот его следы вывели к автостанции на улице Бобруйской, повели через скверик на Червенский рынок, оттуда — на улицу Солнечную и четко отпечатались на припорошенной метелицей тропке, ведущей к одному из домов.

Но что за черт? Если метров триста назад это были следы человека с одним ботинком на ноге, то сейчас, похоже, он бежал в одних носках.

— Никак, наш клиент попытался избавиться от вещественных доказательств, — предположил Олешкевич. — Пошли обратно, Шторм!

Пробежав некоторое расстояние в обратном направлении, собака вдруг остановилась и, подняв голову, посмотрела на хозяина.

— Здесь? — понял старшина. — Ищи, Шторм, ищи!

Буквально через минуту умный пес отыскал в снегу заброшенный полуботинок, а минут через пять они были уже у подъезда дома, где скрылся человек в носках.

Оставив собаку сторожить подъезд, Олешкевич обошел дом кругом: нужно было проверить, нет ли где «чер-

ных» ходов. Их не оказалось. Теперь старшина был абсолютно уверен, что угонщик прячется в одной из квартир этого подъезда.

Невдалеке послышались шаги: мимо шел какой-то мужчина.

— Товарищ, — подошел к нему Евгений, — позвоните, пожалуйста, в милицию. Скажите, пусть подъедут к этому дому.

Возвратившись к Шторму старшина взял поводок.

— Ищи! — приказал он собаке.

Обшаривая носом ступеньки, Шторм побежал вверх и остановился возле одной из дверей. Зайдя в квартиру, собака сразу же бросилась к полураздетому парню, который сидел на кровати. Был он весь в синяках и ссадинах.

— Не ждали? — с иронией спросил старшина.

— Нет, почему же? — оправившись от испуга, пролепетал парень. — Я и сам хотел вызывать милицию. Избили вот меня, ограбили, обувь сняли.

— Что касается обуви, то я хоть сейчас готов вам помочь, — сказал Олешкевич, показывая мокрый полуботинок. — Второй получите у нас в милиции. А заодно расскажете, как и зачем вы угнали чужую машину.

— Вот так было раскрыто это преступление, — закончил свой рассказ старшина, — и ушло на это всего лишь три часа.

Во все время нашей беседы меня не покидало ощущение, что в ней участвуют не двое, а трое.

— Говорят, собаки лишены разума, — как бы угадав мой мысли, сказал Олешкевич. — По-моему это не совсем правильно. У меня на границе была собака Джульбарс. Однажды, во время выполнения служебного задания, я сломал ногу. Боль была настолько сильной, что я потерял сознание. Было это в чистом поле, и помощь мне оказать никто не мог. Но со мной был Джульбарс. Вначале он пытался тащить меня по снегу, а потом, видя, что я замерзну скорее, чем он меня дотащит, схватил в зубы мою шапку и побежал на заставу. Потом уже товарищи рассказывали, как Джульбарс подбегал с моей шапкой то к одному, то к другому, как звал их за собой.

Вот и говорите теперь, что собаки не умеют мыслить. А возьмите теперь моего Шторма. Человеческая речь для него — не пустой звук. Однажды Шторм не угодил

чем-то одному из моих коллег. А тот возьми да и скажи мне: «Я твоему кобелю ребра переломалю». Не успел я ему ответить, как вижу — он уже на земле лежит, а Шторм упирается ему в грудь лапами. Потом он, когда оправился от испуга, говорил мне: «При твоей собаке и ругнуться нельзя». Мы засмеялись.

— А ведь что верно, то верно, — продолжал Олешкевич, — не любит мой Шторм сквернословов. Вот ходим мы с ним по городу. Бывает, и толкают его, и сумкой зацепят — он ничего. Но не дай бог ругнуться при нем! Как-то, помню, обогнали мы на улице двух подвыпивших парней. Слышу, один из них выругался матом. Боже, как взметнулся мой пес!

Вдруг Шторм стал повизгивать тихонько и как-то очень нежно.

— Кроликов почуял, — сказал Евгений. — у нас их тут специально держат.

— Зачем? — поинтересовался я.

— Помните, собака все же есть собака. Во время розыска она может погнаться за котом, зайцем. Вот потому мы и взяли в питомник кроликов. Мой Шторм любит повозиться с этими длинноухими. Иди, Шторм, иди... — разрешил он, когда собака вежливо, но настоятельно повторила свою «просьбу».

Шторм радостно, но, как мне показалось, не совсем ловко вскочил со своего места. Встал он почему-то на три лапы, держа четвертую на весу.

— Старая болезнь сказывается, — пояснил Олешкевич, — когда в движении, то не так заметно, а вот стоит полежать — и видите...

— А что это у него?

— Прошлым летом Шторм участвовал в республиканских соревнованиях. Очень хорошо выступил на них, первое место взял, но вот заднюю лапу повредил. Вначале определили воспаление мышц. Вот тогда и пришлось мне поближе познакомиться с медициной. Добыл шприцы, медикаменты и целый месяц лечил своего Шторма.

Только успел оправиться он после болезни, а тут всесоюзные соревнования в Ростове. Для участия в них, конечно же, включают и Шторма.

Первоначально все шло хорошо. Один вид соревнований выиграл Шторм, второй... Знатоки, слышу, ему победу прочат. Вот сейчас он вышел вперед на полосе пре-

пятствий, уверенно преодолевает бум, «мышеловку», яму... Слышу, как ахают зрители, когда Шторм берет двухметровый барьер. Но... едва коснувшись ногами земли, собака падает набок. Неужели, думаю, снова что-то с лапой? Это грозит уже выводом из соревнований.

Только вижу, снова вскакивает Шторм и как ни в чем ни бывало, несется вперед. Мало кто заметил, что мой Шторм бежал уже на трех лапах. И знаете, он дошел до конца соревнований! И хотя не выиграл их, но закончил в общем-то успешно, шестое место из пятидесяти четырех! Ведь он испытывал адскую боль. Но бежал ради меня...

Зазвонил телефон.

— Алло, — ответил в трубку Олешкевич, — сейчас выезжаем...

Занятый мыслями, я шел по узкой улочке Магнитной, где располагался питомник служебного собаководства и не сразу услышал шум нагнавшего меня милицейского «газика». Уступая ему дорогу, я поскользнулся и собирался уже помянуть черта, но через стекло кабины на меня смотрели желтые глаза Шторма и веселые, с хитринкой — старшины.

«Шторм не любит сквернословов!», — вспомнились мне его слова.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда материал готовился к печати, мы узнали приятную новость: младший лейтенант милиции Е. Олешкевич работает в уголовном розыске. А Шторм? Шторм, к сожалению, погиб.

Малое предприятие «СЫЩИК»

РЕДАКТОРАТ:

Н. И. ЧЕРГИНЕЦ,
главный редактор
В. В. ГОЙТАН,
О. В. ЖАРКО,
М. В. РОЗУМ,
ответственный секретарь,
С. А. ШАХНОВИЧ.

Художественный редактор Н. Черкасов
Технический редактор Г. Поташко
Корректор Н. Жуковская

Материалы, присылаемые в редакцию, должны быть напечатаны на машинке через два интервала. Рукописи меньше авторского листа (22-24 стр. на машинке) не возвращаются и не рецензируются.

Адрес редакции: 220050, Минск, ул. Революционная, 5.

Сдано в набор 30.06.92. Подписано к печати 03.08.92. Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 11,76. Тираж 50 000 экз.
Цена договорная. Зак. 1112.

Типография издательства «Белорусский Дом печати».
220041, Минск, пр-т Ф. Скорины, 79.

ПРЕДПРИЯТИЕ

· Лукомльэнергомонтаж ·

МОНТИРУЕТ и РЕМОНТИРУЕТ

ТУРБИНЫ, ДЫМОСОСЫ, ВЕНТИЛЯТОРЫ, КОТЛЫ, СОСУДЫ, ТРУБОПРОВОДЫ, ГАЗОПРОВОДЫ, ГАЗОРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ.

ИЗГОТОВИТ ИЗ МАТЕРИАЛА ЗАКАЗЧИКА: МЕТАЛЛОКОНСТРУКЦИИ, ТРУБОПРОВОДЫ, НЕСТАНДАРТНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

АДРЕС: 21162. Витевская область
Новолукомль. ЦЭМ
телекс: "Весна"
телефоны: 3-83-38 • 3-89-16

На страже
ОКТЯБРЯ